

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА
И КУЛЬТУРА
В СЛАВЯНСКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ
КОНТЕКСТЕ**

Тезисы международной научной конференции
28–29 ноября 2016 года

Москва – 2016

УДК 811.16
ББК 81.2
С47

Редакционная коллегия сборника:

Декан филол. ф-та МГУ доктор филол. наук, проф. М.Л. Ремнёва,
директор Ин-та славяноведения РАН доктор истор. наук К.В. Никифоров,
доктор филол. наук, проф. Н.Е. Ананьева, доктор филол. наук, проф. А.И. Изотов,
кандидат филол. наук, доц. О.С. Плотникова, доктор филол. наук Н.Н. Старикова

Электронная версия (.pdf) данного сборника доступна на
<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/>

Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте: Тезисы Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Филологический факультет, 28–29 ноября 2016 г. / Ред. кол. М.Л. Ремнёва и др. – М.: МАКС Пресс, 2016. – 124 с.

ISBN 978-5-317-05423-6

Сборник содержит материалы, присланные на проводимую в Московском государственном университете 27–28 ноября 2016 года одноименную международную научную конференцию.

Предназначается для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

УДК 811.16
ББК 81.2

Научное издание

Тезисы Международной научной конференции
**СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА
В СЛАВЯНСКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ**

*Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Филологический факультет,
28–29 ноября 2016 г.*

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 16.11.2016 г.

Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л. 7,75. Тираж 100 экз. Заказ 303.

Издательство ООО “МАКС Пресс”. Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,

2-й учебный корпус, 527 к. Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

ISBN 978-5-317-05423-6

© Авторы тезисов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.Т. Бельчевич (Любляна) / Aleksander T. Bjelčevič (Ljubljana).</i> История словенского стиха / Zgodovina slovenskega verza.....	7
<i>М.Л. Бершадская (Санкт-Петербург).</i> Россия периода Первой мировой войны в дневниках и воспоминаниях словенских военнопленных.....	9
<i>Анна Бодрова (Санкт-Петербург).</i> Рецепция творчества Альмы Карлин в Словении	10
<i>М.М. Громова (Москва).</i> Сентенциальные клитики в северо- восточных диалектах словенского языка.....	12
<i>Г.-Р.А.-К. Гусейнов (Махачкала).</i> Словен. <i>vila</i> ‘колдунья’ (др.-русс. ВИЛА ‘мифическое существо в образе девы ’и др.) и словен. <i>obär</i> ‘великан’ (др.-русс. ОБЪРИНЪ/ОБЪРИНЪ ‘авар’ и др.): аспекты этимологизации в общеславянском контексте	14
<i>М. Есеншек (Марибор) / Marko Jesenšek (Maribor).</i> Ошибочная языковая политика словенских университетов / Napačna jezikovna politika slovenskih univerz.....	16
<i>Вида Есеншек (Марибор) / V. Jesenšek (Maribor).</i> Идеологическая маркированность лексики в словарях / Ideološko vrednotenje besed v slovarju.....	19
<i>Андрея Желе (Любляна) / Andreja Žele (Ljubljana).</i> Словенские предлоги между лексемой и высказыванием / Slovenski predlogi med leksemom in povedjo	21
<i>А.И. Изотов (Москва).</i> Кирилло-Мефодиевская традиция в Чехии.....	24
<i>Борис Керн (Любляна) / Boris Kern (Ljubljana).</i> Особенности словообразовательной и семантической деривации новой лексики в словенском языке / Besedotvorne in poimenotvorne lastnosti novejšega besedja v slovenščini.....	25
<i>Л.А. Кирилина (Москва).</i> Взгляды словенских политиков на Россию в начале XX века	28
<i>Михаэла Кнез (Любляна) / Mihaela Knez (Ljubljana).</i> Развитие навыков письма на словенском языке как втором с помощью сетевой лаборатории чтения и письма (WRILAB2) / Razvijanje pisne zmožnosti v slovenščini kot drugem jeziku s pomočjo spletnega laboratorija za branje in pisanje (WRILAB2).....	30
<i>Криштоф Яцек Козак (Копер) / Krištof Jacek Kozak (Koper).</i> Современная словенская литература с ностальгией о прошлом и	

пессимизмом о будущем / Nostalgična preteklost in temna prihodnost v sodobni slovenski književnosti	34
<i>Е. М. Коницкая (Вильнюс)</i> . Маркеры пространственных отношений в русском и словенском языках: наречия	38
<i>Божя Кракар-Вогел (Любляна) / Boža Krakar Vogel (Ljubljana)</i> . Литература как учебная дисциплина в школах Словении / Književnost v izobraževanju v Sloveniji.....	40
<i>Александра Красовец (Москва)</i> . Цветка Липуш и Майя Хадерлап: множественная языковая и культурная идентичность словенских поэтесс австрийской Каринтии	44
<i>Эрика Кржишник (Любляна) / Erika Kržišnik (Ljubljana)</i> . Словенские и русские компаративные фразеологизмы с зоонимным компонентом / Slovenski in ruski primerjalni frazemi z zoonimno komponento.....	45
<i>М.Л. Кулешова (Москва)</i> . Общеоценочные прилагательные с положительной коннотацией в словенском языке: семантика и сочетаемость	49
<i>Л.В. Куркина (Москва)</i> . Словенская лексика в «Этимологическом словаре славянских языков. Праславянский лексический фонд» вып. 1- (М., 1974-)	51
<i>Барбара Иванчич Кутин (Любляна) / Barbara Ivančič Kutin (Любляна)</i> . Мотивы преданий о «кривопетях» / Motivi v pripovedih o krivopetah	52
<i>Андрея Леган-Равникар (Любляна) / Andreja Legan Ravnikar (Ljubljana)</i> . Влияние контактного языка – немецкого – на семантические изменения и стилистическую окраску древнейшей словенской литературной лексики (16 век) / Vpliv stičnega jezika – nemščine na semantične spremembe in stilno vrednost najstarejše slovenske knjižne leksike (16. stoletje)	54
<i>Магда Лойк (Любляна) / Magda Lojk (Ljubljana)</i> . Особенности функционирования союза <i>pa</i> в современном словенском литературном языке / Raba veznika <i>pa</i> v sodobni knjižni slovenščini	59
<i>Матей Лутар (Любляна) / Mateja Lutar (Ljubljana)</i> . Учебники «Центра словенского языка как второго/иностранного» и «Общевропейские компетенции владения иностранным языком» (SEJO) / Učbeniki Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik in Skupni evropski jezikovni okvir.....	63
<i>О.А. Лысенко (Санкт-Петербург)</i> . Словенский язык в языковой политике Республики Сербии	67
<i>Ирина Макарова-Томинец (Копер)</i> . Словенский язык с русским акцентом: языковой портрет русскоговорящего жителя Словении	69

<i>Желько Маркович (Нови-Сад) / Желько Марковић (Нови Сад).</i>	
Глагол <i>видети</i> в сербском и словенском языках / Глагол <i>видети</i> у српском и словеначком језику	70
<i>С.Н. Мецераков (Москва).</i> Сербский исторический роман 1970-х годов в южнославянском контексте	74
<i>А.С. Моругина (Москва).</i> Автобиографические мотивы в романе Д. Янчара "Насмешливое вожделение"	74
<i>Мойца Нидорфер-Шишкович (Любляна) / Mojca Nidorfer Šišковић (Ljubljana).</i> Словенистика в зарубежных университетах в свете актуальных вызовов / Slovenistike na tujih univerzah v mreži aktualnih izzivov	76
<i>Ирена Орел (Любляна) / Irena Orel (Ljubljana).</i> Русизмы в словенской лексикографии второй половины 19 века / Rusizmi v slovenskem slovaropisju druge polovice 19. stoletja	80
<i>Г.П. Пилипенко (Москва).</i> Языковые стратегии словенцев в Триесте	83
<i>Н.С. Пилько (Москва).</i> Культурная жизнь Любляны в 1941-1943 годах	84
<i>Катя Пиузи (Киев) / Katja Piuzi (Kijev).</i> «Говорят, и это правда, что их сам черт выгоняет на пастьбу...» Соня обыкновенная в славянском анималистическом фольклоре / »Pravijo za trdno, da jih goni vrag sam na pašo ...« Navadni polh v slovenski folklori v navezavi na slovansko živalsko folkloro	86
<i>А.И. Плотникова (Москва).</i> Флексия -и/-у в родительном падеже единственного числа у существительных мужского рода в словенском и русском языке	88
<i>Вера Смоле (Любляна) / Vera Smole (Ljubljana).</i> Второй том Словенского лингвистического атласа (SLA) и диалектные тексты о крестьянском доме / Drugi zvezek Slovenskega lingvističnega atlasa (SLA) in narečna besedila o kmečki hiši	91
<i>Мойца Смолей (Любляна) / Mojca Smolej (Ljubljana).</i> Взгляды на язык в теории и функционирование литературного/стандартного языка в реальности / Teorija stališč do jezika in realno stanje rabe knjižnega/standardnega jezika	94
<i>Ю.А. Созина (Москва).</i> Перевод как «тягловая сила» просвещения. Опыт российско-словенского взаимодействия	98
<i>Мария Станоник (Любляна) / Marija Stanonik (Ljubljana).</i> Кирилл и Мефодий в словенском литературном фольклоре / Ciril in Metod v slovenski slovstveni folklori	100
<i>Н.Н. Старикова (Москва).</i> «Человек с бомбами»: загадка Антона Подбевшека	104
<i>Е.В. Шатъко (Москва).</i> Интертекстуальность как основа пьесы И.Светины «Могила для пекарни»	106

<i>Матей Шекли (Любляна) / Matej Šekli (Ljubljana)</i> . Частицы и союзы в языке Фрейзингенских отрывков / Členki in vezniki v jeziku Vrižinskih spomenikov	106
<i>А.Г. Шешкен (Москва)</i> . «Русская Матица» в Любляне	111
<i>Т.И. Чепелевская (Москва)</i> . Роль переводческой и популяризаторской деятельности Янеза Трдины для развития словенско-русских связей на материале его рукописной книги «Руссика»	112
<i>И.В. Чуркина (Москва)</i> . Изучение русского языка словенцами в 1860-1870-е годы	114
<i>Дамьян Хубер (Любляна) / Damjan Huber (Ljubljana)</i> . Семинар словенского языка литературы и культуры и симпозиум «Обдобья» в свете участия в них россиян / Seminar slovenskega jezika, literature in kulture ter Simpozij Obdobja v luči ruskih udeležencev	116
<i>Тьяша Якоп (Любляна) / Tjaša Jakop (Ljubljana)</i> . Заимствованная лексика в словенских диалектах / Prevzetost besedja v slovenskih narečjih	119
<i>О.С. Плотникова (Москва), Н.Н. Старикова (Москва)</i> . Этапы развития словенистики в России	120

A. T. Бельчевич (Любляна) / Aleksander T. Bjelčevič (Ljubljana)

История словенского стиха / Zgodovina slovenskega verza

Slovenska literatura ima štiri verzifikacijske sisteme v tem časovnem zaporedju: silabizem v 16. stoletju, knjižni silabotonični verz v 18. in 19. stoletju, dolnik v 19. stoletju, svobodni verz v 20. stoletju. Ker v ljudski pesmi prevladuje silabotonizem, je ta dominanten tudi v knjižni poeziji, ki se je začela šele konec 18. stoletja.

a) Silabizem v protestantskih cerkvenih pesmih 16. stoletja. Protestanti so prinesli prve tiskane knjige in eno obširno pesmarico. Mnoge pesmi so prevedene ali predelane iz nemščine, melodije tudi. Protestantske pesmi so se pele, peli so jih izobraženci, melodija je ritmična, toda ritem teksta je silabični.

b) Silabizem in silabotonizem v katoliških cerkvenih pesmih od 16. stoletja naprej: te pesmi so peli neizobraženi verniki, zato postaja ritem tekom desetletij vedno bolj silabotonični. Strofične oblike so prevzeli iz latinskih himen (Амброзианская строфа jamb 8888, паломническая строфа хорей 8787, Хильдебрандова строфа jamb 76767676).

c) Svobodni rimani cerkveni dramski verz 18. stoletja: v ljudskih pasijonih in božičnih igratih, ki so jih igrali laiki, je svobodni rimani verz (rus. raešnij stix), ki se ni pel, ampak govoril.

č) Silabotonični verz je dominanten v vsej posvetni knjižni poeziji 18. in 19. stoletja. Tako kot v ruski poeziji je tudi v slovenski heterometrija, polimetrija, svobodni jamb in trohej itd. Strofične oblike so prevzete iz cerkvenih pesmi in iz nemščine. V primerjavi z rusko poezijo je moška rima lahko brez naglasa.

e) Dolnik je na začetku 19. stoletju prišel iz nemščine. V 20. stoletju je vedno bolj redek, najbrž zaradi pojave svobodnega verza. Struktura slovenskega 4-iktnega dolnika je podobna ruskemu. Tudi heksameter je podoben dolniku.

f) Svobodni verz od konca 19. stoletja naprej, zlasti po letu 1920.

g) Taktovika v slovenščini najbrž ni: med dolnikom in svobodnim verzom zame ni vmesne oblike: taktovik, tudi rimannega, bi dojemal kot svobodni verz.

h) V ljudski pesmi prevladuje silabotonizem. Slovenske ljudske pesmi se pojejo, ritem besedila se podreja ritmu pesmi, ker se prenašajo z ustnim izročilom, lahko razpon zlogov zelo variira.

i) Rock verz: zanimivost so strofične oblike, ki prihajajo iz ljudske in cerkvene poezije.

В истории словенской литературы представлено четыре системы стихосложения в следующем хронологическом порядке: силлабическое стихосложение (XVI в.), книжное силлабо-тоническое стихосложение (XVIII-XIX вв.), дольник (XIX в.), свободный стих (XX в.). Так как в народном поэтическом творчестве преобладала силлабо-тоника, этот же принцип затем доминировал в книжной поэзии, возникшей в конце XVIII в.

1. Силлабическое стихосложение в протестантской духовной поэзии XVI в. К достижениям протестантов относится появление первых печатных книг и создание сборников духовных песен и гимнов – песенников. Многие тексты в сборниках, как и мелодии, были переделкой или переводом с немецкого. Они предназначались для профессионального исполнения, при котором ударение в них подчинялось музыкальному ритму.

2. Силлабическое и силлабо-тоническое стихосложение в католической духовной поэзии (начиная с XVI в.): так как эти произведения пели непрофессиональные исполнители, с течением времени стихотворный ритм все более приближался к силлабо-тоническому. Строфические формы заимствовались из латинских гимнов (Амброзианская строфа – ямб 8888, паломническая строфа – хорей 8787, Строфа Хильдебранда – ямб 76767676).

3. Свободный рифмованный стих в церковной драме XVIII в.: в народных постановках событий Страстной недели (пассионах) и в рождественских любительских театральные представлениях использовался свободный рифмованный стих (рус. «раёшный стих»), его не пели, а читали под музыку.

4. Силлабо-тоническое стихосложение преобладало в светской книжной поэзии XVIII-XIX вв. В словенской светской поэзии (также как и в русской) присутствовали гетерометрия, полиметрия, свободный ямб и хорей и т.д. Эти строфические формы были заимствованы из церковной традиции и немецкой духовной поэзии. В отличие от русской, мужская рифма в словенской поэзии могла не иметь ударения.

5. Дольник в словенском культурном пространстве возник в начале XIX в. благодаря влиянию немецкого языка, но в XX в., вероятно, из-за возникновения свободного стиха, не получил широкого распространения. Структура словенского 4-иктного дольника сходна с русским. С дольником схож и гекзаметр.

6. Свободный стих возникает с конца XIX в., популярность обретает после 1920 г.

7. В словенском стихосложении тактовик, скорее всего, представлен не был. Между дольником и свободным стихом не существовало промежуточных форм: тактовик, в том числе рифмованный, воспринимался как свободный стих.

8. В словенском народном поэтическом творчестве преобладает силлабо-тоника. Народные песни исполнялись под музыку, текст подчинялся музыкальному ритму. Благодаря устному бытованию песни число слогов могло варьировать.

9. Рок-поэзия: особый интерес представляют строфические формы, заимствованные из народной и церковной поэзии.

Перевела Анастасия Моругина

Literatura

Bjelčević A. T. Meter and Stanza in Rock Music: A Historical Perspective // Current trends in metrical analysis. Frankfurt am Main, 2011. S. 207-227.

Gasparov M. L. Русские стихи. М., 1993.

Pretnar T. Iz zgodovine slovenskega verznega oblikovanja. Ljubljana, 1997.

М.Л. Бершадская (Санкт-Петербург)

Россия периода Первой мировой войны в дневниках и воспоминаниях словенских военнопленных

В докладе рассматриваются произведения трех авторов, представляющие, по нашему мнению, значительный интерес для историков, литературоведов и культурологов.

«Воспоминания о Сибири» (1936) Александра Личана (1876-1943), который провел вдали от Родины более семи лет, повествуют о скитаниях автора по России (от Москвы до Владивостока), а также по сопредельным с Россией странам. Потомственный торговец, человек удивительного жизнелюбия и невероятной жизненной хватки, Личан и в плену сохраняет верность своей профессии. В его воспоминаниях создана галерея ярких образов русских людей самых разных социальных слоев: крестьян и офицеров, контрабандистов и врачей, предпринимателей и инженеров. Не претендуя на глубокий анализ происходивших в России событий, Личан стремился запечатлеть в своих воспоминаниях весь ужас тех бедствий, которые обрушились на страну, охваченную кровавой смутой гражданской войны. Его книга проникнута не только сочувствием к России, но и любовью к ней, особенно к Владивостоку, который он назвал своей второй родиной.

Свое пребывание в сибирском плену искусствовед и поэт Воеслав Моле (1886-1973) описывает в поэтическом сборнике «*Tristia ex Siberia*», вышедшем в 1920 г. Красота сибирской природы контрастирует в его стихах с действительностью, которая кажется поэту ужасной, безумной сказкой. «Кроваво шутит русская свобода», — говорит он в стихотворении «В тайге». В 1970 г. Моле опубликовал свои мемуары «Из книги воспоминаний», в которых он пытался осмыслить нравственный экзистенциальный опыт трагических событий, участником и очевидцем которых он являлся. Вспоминая о тяготах жизни в плену, Моле пишет о том, что для него, находившегося на грани отчаяния, спасительным оказалось его пребывание в Томске, где он получил возможность работать в университетской библиотеке и познакомился с преподавателями гуманитарного факультета Томского университета, которые пригласили его читать лекции и даже предоставили уникальную воз-

возможность защитить диссертацию. Коллегам по университету Моле посвятил особенно теплые и сердечные страницы книги.

Дневниковые записи Франца Зупанчича (1884-1946), относящиеся к 1914-1918 гг., были изданы в 1998 г. До Первой мировой войны Зупанчич закончил Высшую техническую школу в Граце и служил землемером в г. Крань. В июле 1914 г. был призван в армию. В 1917 г. попал в плен и был отправлен в г. Инсар, где провел около года. В первые дни пребывания в плену Зупанчич с большим уважением писал о русских солдатах и офицерах, о деревенских жителях, бесплатно отдававших пленным свои продукты. Жизнь в Инсаре, бесконечные тяжбы с воинским начальником и городской управой, а потом и с большевистскими властями по поводу причитающихся военнопленным денег, дров, керосина и так далее в значительной мере развеяла его панславянские иллюзии. Видя, как в стране воцаряется анархия, обостряются голод и разруха, Зупанчич приходит к неутешительному выводу: «Ленин хочет погубить Россию». Справиться с трудностями поднадзорного полуголодного существования вдали от родины Зупанчичу помогают русские друзья, интерес к русской культуре и литературе. Увлечшись творчеством Л. Толстого, Зупанчич и его товарищ, прежде чем покинуть Россию, совершают крайне рискованное (на крыше переполненного вагона) путешествие в Ясную Поляну, где знакомятся с С.А. Толстой и Д. Маковицким.

В восприятии России и русских людей проявляются и различия социального статуса авторов (рядовой Личан смотрит на мир иначе, чем обер-лейтенант Зупанчич), и индивидуальные отличия их характеров (в авантюрном повествовании Личана много юмора, роднящего автора с Гашеком, а в поэзии и мемуарах Моле преобладают драматические и трагические ноты). Однако при всех их различиях произведения Личана, Моле и Зупанчича доносят до нас точно воспроизведенные реалии времени, позволяют ощутить его атмосферу, добавляют новые штрихи к портрету России той эпохи.

Л и т е р а т у р а

Ličan A. Spomini iz Sibirije. Ilirska Bistrica, 2006.

Mole V. Iz knjige spominov. Ljubljana, 1970.

Zupančič F. Dnevnik. 1914-1918. Ljubljana, 1998.

Анна Бодрова (Санкт-Петербург)

Рецепция творчества Альмы Карлин в Словении

Произведения немецкоязычной писательницы-путешественницы словенского происхождения Альмы Максимилианы Карлин (1889–1950) сложно отнести к той или иной национальной литературе. В случае

Карлин можно говорить о литературе с размытыми границами, «без постоянного места жительства» (Ette 2001: 10) Ее творчество, носящее транснациональный характер, проблематизирующее само понятие национальной литературы и ее границ, становится вызовом для исследователей.

Карлин, родившаяся в Австро-Венгрии (в г. Целле), после распада империи поняла, что у нее нет родины, не считая политической по паспорту (в свое восьмилетнее путешествие она отправилась с паспортом Королевства сербов, хорватов и словенцев). Биография Карлин тесно связана с феноменом путешествия, значительное место в ее творчестве занимают травелоги, в них она нередко пишет о проблемах расовой, национальной принадлежности.

О гибридной идентичности, подвижности границ можно говорить не только в отношении самих текстов Карлин, но и при исследовании рецепции ее творчества. Является ли Карлин немецкой писательницей, только потому, что она писала по-немецки? К какой национальной литературе относятся ее произведения?

Альма Карлин оказалась на периферии немецкоязычной литературы. Многим германистам ее тексты не известны, хотя в 30-годы XX в. она была в Германии популярной писательницей. Ныне немецкоязычные литературоведы (Г. Хабингер) рассматривают ее в ряду с другими писательницами-путешественницами из Австрии.

Иная картина наблюдается в Словении. В 1990-гг. интерес к творчеству Карлин усилился. Ей посвящают спектакли, фильмы, комиксы, выставки и лекции, пишут научные работы о её текстах. В Целле открыли памятник писательнице. Карлин и ее творчество стало своего рода брендом этого города. Без участия словенских ученых и переводчиков некоторые тексты затерялись бы в архиве Национальной библиотеки Любляны. Были переведены на словенский и опубликованы найденные в архивах автобиографические сочинения «Одна: о детстве и юности» (Sama: iz otroštva in mladosti, 2010) и «Мои потерянные тополя: воспоминания о Второй мировой войне» (Moji zgubljeni topoli: spomini na drugo svetovno vojno, 2007). Внимания заслуживают монография Барбары Трновец и послесловие к произведению «Одна» Светланы Слапшак. Стоит упомянуть и сайт «виртуальный дом Альмы Карлин», созданный Марияном Пушавцем (<http://www.almakarlin.si/index.php?lang=de&cat=7>).

Тексты Карлин, оказавшиеся на границе литератур, имеют разную степень доступности для исследователей и читателей из-за разрозненности хранения, неопубликованности. Словенской публике многие тексты (кроме писем) доступны в переводах. А на немецком языке можно познакомиться далеко не со всеми сочинениями Карлин.

При этом очевидна подвижность контекстов изучения ее биографии и текстов. Противоречивые определения ее творчества находим в издании автобиографии «Одна». В предисловии Пушавец называет контекст словенской литературы условным для Карлин, а рассматривать ее тексты предлагает в рамках немецкоязычной литературы (по его мнению, она не связана напрямую с принадлежностью к немецкой нации), к которой писательница из города Целле из-за языка должна относиться «по логике вещей» (Pušavec 2010: 3). В послесловии к тексту Слпшак пишет: «Перевод автобиографии Альмы Карлин – праздник для истории словенской литературы, особенно для истории женской литературы и «женского письма» в Словении: речь идет о жанровой инновации, первоклассном феминистическом источнике и вызове для компаративистики» (Slapšak 2010: 308).

Если национальная принадлежность текстов Карлин является спорной, то соотнести ее тексты с регионом Штирии оказывается проще. Данный факт отражает специфику словенской литературы – прочную связь писателей с определенным регионом.

Литература

- Ette O. Literatur in Bewegung. Raum und Dynamik grenzüberschreitenden Schreibens in Europa und Amerika. Göttingen, 2001.
- Habinger G. Frauen Reisen in die Fremde. Diskurse und Repräsentationen von reisenden Europäerinnen im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. Wien, 2006.
- Pušavec M. Urednikov predgovor // Karlin A. M. Sama: iz otroštva in mladosti. Celje, 2010.
- Slapšak S. Potovanje pred pisanjem: avtobiografija Alme Karlin // Karlin A. M. Sama: iz otroštva in mladosti. Celje, 2010.
- Trnovec B. Kolumbova hči. Življenje in delo Alme M. Karlin. Celje, 2011

М.М. Громова (Москва)

Сентенциальные клитики в северо-восточных диалектах словенского языка

К северо-восточным диалектам словенского языка на территории Словении относятся восточнокаринтийские и северноштирийские диалекты, а также паннонская группа диалектов.

Единственная известная нам попытка сформулировать и обобщить основные синтаксические отличия указанных диалектов от центральнословенских (и образованного на их основе литературного языка) предпринята в работе словенской исследовательницы Зинки Зорко «Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih» (Zorko 1998), где рассматриваются северо-восточные диалекты словенского языка на территории Словении и Венгрии. Автор ограничивается перечисле-

нием особенностей расположения синтаксических клитик, общих для всех трех диалектных групп Северо-востока:

- выпадение вспомогательного глагола 3Sg (реже 3Pl) в форме прошедшего времени; клитики после причастия или именной части сказуемого;
- тип отрицания с формой сослагательного наклонения *bi ne delal* (при литературном *ne bi delal*);
- клитическая форма личного местоимения в функции полной формы;
- как исключительно паннонская особенность порядка слов упоминается тип отрицания *je ne delal* (при литературном *ni delal*).

Исследование, проведенное нами на обширном диалектном материале (сборники серии Glasovi, записи звучащей речи из дипломных и магистерских работ по диалектологии, преимущественно выполненных под руководством проф. Веры Смоле на философском факультете Университета Любляны, и т.п.), выявило на указанной территории значительное количество системных особенностей расстановки синтаксических клитик, не отмеченных в упомянутой работе:

- Подъем глагольных клитик Fut и 3Sg *je* в начало кластера – продолжение общеюжнославянской тенденции к подъему всех глагольных клитик в вершину предложения (с центром в паннонской группе и козьякском говоре соответственно);
- Пропуск глагольных клитик Praes – не только форм 3Sg и (реже) 3Pl, но и 1Sg Praes, 1Pl Praes, 2Sg Praes и даже (в единичных случаях) 3Sg Fut – с центром в паннонских диалектах и резким снижением частотности к западу;
- Приглагольное положение синтаксических клитик, включающее как пост-, так и препозицию к именной части сказуемого, к формам настоящего времени глагола, инфинитиву, супину, *l*-причастию (в том числе дистантную, при которой между клитикой и причастием располагается группа наречия) – что является отступлением от закона Ваккер-нагеля и, возможно, реализацией более старого состояния системы (зона наивысшей частотности – в севернопохорско-ремшникском диалекте, козьякском говоре и среднесавиньском диалекте с солчавским говором);
- Полные формы винительного и дательного падежей личных местоимений в функции кратких в составе кластера клитик (два дистантных ареала – в каринтийских диалектах и прекмурском диалекте);
- Частицы *še, že*, частица *ja*, наречие *tle*, личные формы глагола *imeti* в составе кластера клитик (непрерывный ареал с ядром в западнокаринтийских диалектах, затухающий к востоку; на северо-востоке доходит до козьякского говора, на юго-востоке – до халозского диалекта);

- Клитика *Conj bi* в конце кластера (ареал со сравнительно высокой частотностью в среднесавинском диалекте с солчавским говором и островной ареал в халозском диалекте);

- Частица *naj* в конце кластера (два дистантных ареала – в паннонских диалектах, южнопохорском диалекте и козьякском говоре и несколько менее ярко выраженный – в среднесавинском диалекте с солчавским говором);

- Глагольные клитики *Praes.3Sg* и *Fut* в абсолютном конце предложения;

- Дублирование местоименных и глагольных клитик в ваккернагелевской позиции и при *l*-причастии;

- Кластер клитик в абсолютном начале простого утвердительного предложения (до 4 клитик), второй и последующих частей ССП, вводимых союзом *pa* или *in*, и БСП (непрерывный обширный ареал с центром в штирийских диалектах);

- Смещение кластера клитик с ваккернагелевской позиции при топикализации группы наречия или именной группы.

Локализация перечисленных явлений, сопоставление их сравнительной частоты по диалектам, как мы надеемся, позволит определить распространенность и динамику синтаксических особенностей словенского Северо-востока.

Л и т е р а т у р а

Zorko, Zinka. Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih // Zorko, Zinka. Haloško narečje in druge dialektološke študije. Maribor, 1998. – (Zora ; 6). S. 225 – 233.

Г.-Р.А.-К. Гусейнов (Махачкала)

Словен. *vila* ‘колдунья’ (др.-русс. ВИЛА ‘мифическое существо в образе девы’ и др.) и словен. *obar* ‘великан’ (др.-русс. ОБЪРИНЪ/ОБЪРИНЬ ‘авар’ и др.): аспекты этимологизации в общеславянском контексте

Словен. *vila* ‘колдунья’ образует единую южно-восточнославянскую глоссу с макед. *самовила*, др.-русс. ВИЛА ‘мифическое существо в образе девы у славянских народов’ (XIV в.), ‘божество женского пола, русалка, нимфа, живущая в горах, в воде и воздухе’, болг. *вила*, фолькл. *самовила*, *самодива*, с.-х. *вила* – то же. При этом болг., макед. *самовила*, *самодива* ‘лесная русалка’ представляется возможным соотнести не только с болг. *дива* ‘дикий, нецивилизованный’, болг. *само* ‘только, лишь’, но и с корневой частью ст.-слав., русск.-цслав. САМЪ-ЧИИ. Оно представляет собой дунайско-булгарское усвоение, известное и венгерскому языку, ареально смежному со словенским. Тот факт, что у болгар

названия вил известны в источниках с XIII в. и особое значение имеет их связь с водой, также позволяет возвести данный термин к болгарскому, ср. чув. *vil* 'влага, сырость' (< пратюрк. *öl* ~ *ö:l* id.). Данная глосса обычно противопоставляется сред.-, зап.-словац. *vila* (*i* – долгий гласный) 'мифологический персонаж', чеш. *vila*, польск. *wila* 'сумасшедший', 'похотливый, сладострастный', 'дурак (< общеслав. *viti). При известности фактов отражения лексических кельтизмов в праславянском не исключено усвоение из кельт. мифол. *Vilia*, то же~ др.-исл. *Völva* (*Vala*, *Völu*) аналогичный персонаж в скандинавской «Старшей Эдде» (втор. пол. – конец X в.). Вместе с тем другие семантические особенности этого слова, сближающие его с восточнославянской *русалкой* и отдаляющие его от южнославянской вилы, позволяет соотнести его с болгар. **vila*, ср. чув. *vil*(*ä*) 'мертвец' < пратюрк. *öl*- 'умирать'.

Для словен. *obar* 'великан', поддерживаемому др.-русс. **ОБЪРИНЬ/ОБЪРИНЬ** 'авар', чеш.-слвц. **объгъ*, др.-польск. **объгъ* *im* и с.-х. **Объръ*/**Объръ*, а также в.-луж. **h-объгъ* с фарингальным *h*- представляется возможным восстановить качестве древнейшей, до X в., формы **объгъ*/**объгъ* с долгим закрытым *ó* под восходящим ударением в первом слоге, что имеет место в говорах Штирии, Каринтии и Резии. С этой долгим закрытым *ó* под восходящим ударением в первом слоге коррелирует тот факт, что в памятниках древнерусской письменности вышеупомянутые **ОБЪРИНЬ**, **ОБЪРИНЬ** передаются через инициальный *ω*-, обозначавший в греческом письме долгое *ō*, в отличие от краткого, передававшегося буквой омикрон (слав. *o*), отразившийся в книжных *обърь*. Он мог появиться за счет развития заместительной долготы на месте анлаутного *h*- (ср. в.-луж. **hобъгъ*), известного в крайних западных (резьянских) словенских говорах на северо-востоке Италии. В свою очередь, появление в.-луж.(и зап.-словен.?) **hобъгъ* с анлаутным *h*- могло быть обусловлено, как будет показано в последующем изложении, прошлой территориальной смежностью ареала распространения (верхне)лужицкого и словенского языков с исторической Паннонией, которую занимали авары. Их (европейских авар) язык в настоящее время квалифицируется как болгарский, что позволяет объяснить усвоение из последнего словен. *vila* 'колдунья', которое представляет собой, как уже отмечалось, южно-восточнославянскую глоссу с макед. *самовила*, др.-русс. **ВИЛА** 'мифическое существо в образе девы у славянских народов' (XIV в.), 'божество женского пола, русалка, нимфа, живущая в горах, в воде и воздухе', болг. *вила*, фолькл. *самовила*, *самодива*, с.-х. *вила* – то же.

При этом европейскими аварами следует считать упоминаемых еще в «Повести временных лет» «Авер, иже суть Обезы», которые являются болгарскими племенами, мигрировавшими на Балканы с Кавказа. Сви-

детельство тому – возможность их отождествления с названием известного к началу X в. хазарского (булгарского) рода Авыр//Авар/Аваз//Абаз, а также с др.-русск. ОБЪРЕ, ОБЪРИ, ед. ч. ОБЪРИНЪ того же источника. Наименование последних отложилось там же и в «половецком» ойкониме Обров, известном в сербско-хорватском как Обре, Обров, Обровац. Его наиболее древняя форма представлена в в.-луж.(и зап.-словен.?) *hobъгъ/*hǫbar, восходящим к *qǫbar/*qobar – названию ушедшего в Паннонию хазарского рода кабаров, первоначальной зоной распространения которого являлся Северный Кавказ и Дагестан. Исходная форма его наименования – *qamar/*qomar – мотивируется др.-кум.(пратюрк.) теонимом *Qam-ar, о древности бытования которого может свидетельствовать груз.-зан. *kmar/*kamar ‘муж’ при допущении соответствующего контакта, который, однако, имея в виду возраст грузинско-занской формы, мог иметь место не позже VIII в. до н.э.

М. Есеншек (Марибор) / Marko Jesenšek (Maribor)

Ошибочная языковая политика словенских университетов / Napačna jezikovna politika slovenskih univerz

Rektorska konferenca Republike Slovenije je pripravila spremembe Zakona o visokem šolstvu, med njimi tudi spremembo člena, ki govori o učnem jeziku na slovenskih državnih univerzah. Pripravljen je predlog sprevača zdajšnji 8. člen, tako da uvaja tuj jezik, tj. angleščino kot učni jezik na slovenskih državnih univerzah. Sedanja zakonodaja dovoljuje, da se lahko del študijskega programa izvaja v tujem jeziku, če gre za predavanje gostujočega profesorja, celoten študijski program pa le, če se tak program hkrati izvaja na univerzi tudi v slovenskem jeziku. Novi predlog pa sramotno zamenjuje sporočilnost sedanjega zakona, tako da bi naj izvajali študijske programe v tujem jeziku, če bi bili samo deli (!?) teh programov izvajani tudi v slovenskem jeziku. Gre za dolgoročno škodljivo spreminjanje obstoječe zakonske ureditve, za popolno pomanjkanje celovitega in narodotvornega vpogleda v slovenski jezik. To je odpad od slovenskega jezika, ki je brez primere v naši večtisočletni zgodovini od Brižinskih spomenikov naprej. Mogoče je na videz primerljiv le še z nemškutarstvom in ilirskimi zablodami v 19. stoletju. Tiste, ki se danes brez sramu in pomislekov zavzemajo za tako slovensko visokošolsko podobo, je Toporišič imenoval za tihe odpadnike. Slovenski jezik ni dovolj dober za znanost, za predavanja, za slovensko univerzo, za slovensko uni-elito! Le-ta meni, da je treba na stežaj odpreti vrata tujemu jeziku kot jeziku poučevanja. Ob tem se pri nas – kar je žalostno dejstvo in

diskriminatorna obravnava jezikov – tuji jezik praviloma enači z angleščino. Zakaj ne ruščina, kot največji slovanski jezik? Zakaj ne poljščina, ki jo v Evropski zvezi govori 40 milijonov maternih govorcev? Zakaj ne nemščina, ki je v Evropski zvezi materni jezik največ državljanov in ki je doma na najboljših evropskih univerzah? Ali francoščina, španščina in vsi ostali uradni jeziki Evropske zveze? Del slovenske uni-elite je prepričan, da bomo čez noč postali mednarodno prepoznavni in pomembni, le angleško je treba govoriti. Pri tem ne poznajo in ne upoštevajo evropske jezikovne politike, ki spodbuja učenje tujih jezikov ne pa predavanja v tujih jezikih na domačih univerzah). Internacionalizacija visokega šolstva ni enako kot jezikovna unifikacija; kakovost našega visokega šolstva bo s predavanji v tujem jeziku močno padla (o tem nas prepričujejo npr. nemške izkušnje), saj slovenski profesorji (večinoma) ne zmorejo ubesediti v angleškem jeziku vsega, kar lahko v materinščini, slovenski študenti pa bodo že pomanjkljivo informacijo razumeli slabše in težje, kot predavanja v slovenskem jeziku – in kakovost je tu na veliki preizkušnji.

Jezik ni le sredstvo, s katerim se sporazumevamo z drugimi, jezik je za človeka veliko več. Je misel, je način razmišljanja. Če nam vzamejo slovenski jezik v znanosti in na slovenskih univerzah, nam vzamejo možnost, kakovostno posredovati znanje. S tem bomo zapravili slovensko univerzo, ki je bila leta 1919 ustanovljena z namenom, da lahko slovenski študenti študirajo v Sloveniji in v slovenskem jeziku in da slovenski profesorji lahko svoje znanje posredujejo v slovenskem jeziku. Če ni misli, ni ničesar. Če nam bo vzeta misel, je konec s kakovostjo slovenskih univerz. Univerza raziskuje, predava in ustvarja nova znanja, v tujem jeziku bomo postali le še posredniki tujega. Če ne moreš razmišljati v svojem jeziku, ki ga najbolj obvladaš, boš mislil lahko le zelo površno. Zagovorniki uvajanja angleščine menijo, da bomo s tem postali večjezični, kar je seveda nadaljnja zabloda. Večjezičnost ne pomeni, da ob maternem jeziku lomimo še evroangleščino, v kateri obrčamo skromnih pet ali šest tisoč besed (ali celo manj) in menimo, da bomo tako slovensko univerzo kakovostno izboljšali. To je neperspektiven pogled, pomanjkanje kulturnozgodovinskega vedenja in odsotnost strokovnega znanja o bistvu in moči jezika. Žalostno, da tega predlagatelji novega zakona nočejo ali ne zmorejo razumeti. Zato pa nas je nekaj, ki takemu brezumnemu in neodgovornemu početju nasprotujemo in si ga prizadevamo ustaviti. Opozarjamo na zgrešeno mišljenje, da bi lahko z angleškimi predavanji slovensko univerzo naredili kakovostnejšo in boljšo. Zabloda brez primere!

Ректорская конференция Республики Словении выработала изменения к «Закону о высшем образовании», в том числе статьи, касающейся языка обучения в словенских государственных университетах. Представленное предложение полностью меняет существующую статью, вводя обучение на иностранном языке, т.е. английский язык получает статус языка преподавания в государст-

венных университетах Словении. Актуальное законодательство разрешает преподавание части программных дисциплин на иностранном языке, если имеет место курс внештатного зарубежного преподавателя, в то время как программа обучения в целом допускает это лишь в том случае, когда такая программа читается в университете и на словенском языке. Внесенное предложение постыдным образом извращает формулировку существующего закона, поскольку подразумевает возможность преподавания учебных дисциплин на иностранном языке, если лишь части (!?) этих программ будут преподаваться на словенском языке. Здесь налицо перспектива внесения опасных изменений в имеющееся законодательство, тотальный дефицит комплексного, народообразующего взгляда на словенский язык. Это отход от словенского языка, который не имеет аналога на протяжении всей нашей многовековой истории – с самого момента создания Фрейзингенских отрывков. Пожалуй, такую политику можно поставить в один ряд разве что с онемечиванием и заблуждениями сторонников иллиризма в XIX веке. Тех, кто сегодня ничтоже сумняшеся не стесняется выступать за такой облик словенской высшей школы, Йоже Топоришич в свое время называл затаившимися (тихими) отступниками. Значит, словенский язык недостаточно хорош для науки, для чтения лекций, для словенского университета, для словенской уни-элиты, которая полагает, что следует настезь распахнуть дверь иностранному языку как языку обучения?! При этом у нас – этот факт прискорбен и представляет собой дискриминацию языков – иностранный язык, как правило, отождествляется с английским. А почему, собственно, не с русским, языком, на котором говорит больше всего славян? Почему не польский, на котором в Евросоюзе говорит 40 миллионов носителей? Почему не немецкий, являющийся в ЕС родным языком большинства граждан, и на котором ведется преподавание в лучших европейских университетах? Или французский, испанский и все прочие официальные языки Европейского Союза? Часть словенской уни-элиты уверовала в то, что мы в одночасье станем популярными и значимыми в международных масштабах, если вдруг заговорим по-английски. При этом ее представители не знают и не придерживаются европейской языковой политики, поощряющей изучение иностранных языков, а отнюдь не преподавание на них в отечественных университетах. Интернационализация высшей школы не означает языковой унификации; качество обучения в наших вузах с введением преподавания на иностранном языке резко упадет (об этом свидетельствует немецкий опыт), поскольку словенские преподаватели (в большинстве своем) не в состоянии передать на английском языке всего, что они способны выразить на родном, а словенские студенты будут усваивать коряво изложенную информацию хуже и с большим трудом, чем лекции на словенском языке, – здесь качество подвергается тяжким испытаниям.

Язык – это не только средство, помогающее нам общаться с другими людьми, язык для человека значит гораздо больше. Это мысль, образ мышления. Если у нас отнимут словенский язык в сфере науки и высшего образования, нас лишат возможности качественной передачи знаний. Тем самым мы загубим словенский университет, учрежденный в 1919 году с целью дать возможность словенским студентам обучаться в Словении и на словенском языке, а профессорско-преподавательскому составу – делиться своими знаниями по-словенски. Нет мысли – нет ничего. Если у нас отберут университет, это будет крахом

словенских университетов. Университет занимается научно-исследовательской работой, в нем преподается наука и создаются новые знания, а иностранный язык нас сделает лишь проводниками чужого знания. Если у тебя нет возможности думать на родном языке, которым ты владеешь лучше всего, то думать ты будешь весьма поверхностно. Защитники насаждения английского языка, считающие, что он сделает нас полиглотами, но это, разумеется, уже следующее заблуждение. Говорить на разных языках и пыжиться, говоря не только на родном, но и на ломаном евроанглийском языке, в котором у нас в ходу каких-то пять-шесть тысяч (в лучшем случае) слов, полагая при этом, что мы таким образом усовершенствуем словенскую высшую школу, – это не одно и то же. Это неперспективный подход, обнажающий недостаток знания о культурно-исторической подоплеке и отсутствие экспертных знаний о сущности и силе языка. Печально то, что люди, предложившие новый закон, не хотят или не в состоянии это понять. Поэтому нас тоже немало – тех, кто таким вздорным и безответственным действиям противостоит и стремится их остановить. Мы привлекаем внимание общественности к неверному мнению о том, что преподавание на английском языке сможет повысить качество словенского вуза, усовершенствовать его. Беспрецедентное заблуждение!

Перевела Жанна Перковская

Vida Ešenšek (Maribor) / V. Jesenšek (Maribor)

Идеологическая маркированность лексики в словарях / Ideološko vrednotenje besed v slovarju

Prispevek obravnava odnos med jezikom in ideologijo, ki se med drugim kaže tudi v slovarski praksi. S pojmom ideologizacije v slovaropisju označujemo praviloma namerno in načrtno ravnanje v postopkih zasnovi in sestavljanja slovarjev, rezultat takega ravnanja pa so ideološko ovrednoteni slovarski prikazi izbranega besedja. Praviloma gre za družbenozgodovinsko in politično pogojene procese, ki odsevajo čas in vrednote okolja, v katerem slovarji nastajajo, lahko pa tudi za izraz slovaropiščeve (samo)volje oziroma strokovne nekompetentnosti. Učinki ideologizacije se poudarjeno kažejo pri slovarski obravnavi družbeno, ideološko in politično zaznamovanega izrazja, npr. pri obravnavi poimenovanj pripadnikov narodnostnih, političnih, družbenih, poklicnih skupin. Vidni so na makro- in mikrostrukturni slovarski ravni, na prvi zlasti glede kriterijev, po katerih je besedje vključevano v slovar, na drugi pa predvsem pri pomenskih opisih, kolokacijskih podatkih, pragmatičnih pojasnilih in slovarskih zgledih rabe.

Pojav je v prispevku opazovan v novejših slovarjih z nemščino in slovenščino (*SSKJ, SP, PONS, Duden online, DWDS, OWID/lexiko*), in sicer na ravni zbora slovarskih iztočnic in na ravni pomenskega opisa, kolokacijskih podatkov in slovarskega zгледа. Izbrani primeri nakazujejo mehanizme in metode ideologizacije, s čimer je slovar izrabljen za razširjanje

ideoloških vsebin in pogosto tudi za namerno ustvarjanje družbeno oziroma politično zaželenih realnosti. Ob tovrstni slovaropisni praksi je treba poudariti, da je vsak slovarski izdelek ogledalo časa in prostora, v katerem nastaja in tako tudi izraz družbene odgovornosti slovaropisne dejavnosti nasploh. Za povprečnega uporabnika je slovar še vedno avtoritativen vir podatkov, zato je odgovornost slovaropiščevega dela za pravilnost, zanesljivost, veljavnost in primernost slovarskih podatkov toliko večja, kritična presoja metod in mehanizmov ideologizacije pa eden izmed nujnih pogojev za zagotavljanje kakovosti slovarskih del.

В докладе исследуются отношения между языком и идеологией, которые в числе прочего отражаются и в лексикографической практике. Под идеологизацией в лексикографии мы понимаем осознанные целенаправленные действия в процессе выработки концепции и составления словарей. Результатом таких действий является идеологическая направленность в словарном отражении отобранной лексики. Как правило, здесь подразумеваются исторические и общественно-политические процессы, отражающие время и шкалу ценностей той среды, в которой создаются словари. Однако нельзя здесь исключить произвола или профессиональной некомпетентности лексикографа. Эффекты идеологизации проявляются особенно четко в словарной обработке лексических средств, маркированных в социальном, идеологическом и политическом отношении, напр., при подаче наименований представителей национальных, политических, социальных, профессиональных групп. Они проявляются на макро- и микро-структурных словарных уровнях. На первом уровне это отражается в критериях отбора лексики в словарь, на втором – в описании семантики, сочетаемостных и прагматических свойств лексем, в подборе примеров на их функционирование.

Анализируемое явление в докладе мы рассматриваем на материале словарей со словенской и немецкой лексикой (*SSKJ, SP, PONS, Duden online, DWDS, OVID/elexico*) как на уровне отбора заглавных слов словарной статьи, так и на уровне описания значения, сведений о сочетаемости, иллюстративного материала. Подобранные нами примеры демонстрируют механизмы и методы идеологизации, с помощью которых словарь служит целям распространения определенной идеологии и нередко формирования реальности, отвечающей интересам определенных социальных или политических кругов. Говоря о такой лексикографии, следует подчеркнуть, что практически каждый словарь является зеркалом времени и пространства, в рамках которого он создается, что подчеркивает ответственность лексикографической деятельности в целом перед обществом. Для среднестатистического пользователя словарь по-прежнему остается авторитетным источником сведений. Поэтому ответственность лексикографической деятельности за правильность, надежность, актуальность и адекватность словарных данных возрастает. Критический же анализ методов и механизмов идеологизации является одним из самых необходимых условий обеспечения качества лексикографической продукции.

Перевела Ольга Плотникова

Словенские предлоги между лексемой и высказыванием / Slovenski predlogi med leksemom in povedjo

– Izhodišče celotnega razpravljanja o prostem predložnem morfemu bi lahko bilo, da je predlog morfem, in sicer prvenstveno glagola, kar lahko potrdimo tako, da si v glagolu in drugih besednih vrstah zamišljamo skrit poseben slovnični predložni morfem, ki se s pretvorbo eventualno tudi pokaže, npr. *strašiti se bolezni* > *strah pred boleznijo* (Toporišič 1967: 111, 1982: 52, 333). O predlogih tudi kot o glagolskih morfemih («глагольные приклейки») je že v štiridesetih letih pisal В. В. Виноградов (1947: 678).

– Skladenjskofunkcijsko pričakovano je prostomorfemskost izvorno glagolska in pridevniška, tudi izglagolska in izpridevniška, samostalniška pa le v primerih abstraktnih poimenovanj tipa *ideja, pojem, načrt, račun, reklama*, pri katerih je motivacija dejavnost, pojavnost, lastnost.

– Predlog kot prvenstveno glagolski prosti morfem se dopolnjevalno navznoter leksikalizira v prostomorfemski glagol, npr. *temeljiti na, ukvarjati se z/s*, in določujoče oz. vezavnovezljivo navzven, npr. *dela na domu, dela na projektu / dela doma, projektno dela*, ali vezavnodružljivo, npr. *dela z veseljem / dela veselo* > *veselo dela*; družjivost uvaja obvezno modifikacijsko dopolnilo. Večjo skladenjskopomensko osamosvojenost predlogov omogočajo tudi besednovrstni prehodi iz samostalniške predložne zveze v prislov, ki pa je v vsakem primeru glagolska okoliščina, npr. *v ilegali* > *ilegalno, v modi* > *modno, na psu* > *pasje*.

Tako je predlog vedno v dvojnem in dvojem razmerju upravljajočega in upravljanega stavčnega člena. Z ohranjanjem svojega slovarskega pomena se predlog pomensko- in strukturoskladenjsko oddalji od upravljajočega glagola, tako da ostane samo še začetna oz. izhodiščna glagolska motivacija brez slovnično-pomenskega vpliva, npr. *dati nekaj na stol / pod stol / za stol* (nasproti *dati nekaj na obljube / na prijatelje*) (Kroupová 1980: 51).

– Tipologija predložne prostomorfemosti z vidika glagolskega povedka. Skrajnosti sta leksikalizirana prostomorfemskost glagola ali strukturoskladenjska vezavna družljivost predloga v prislovni predložni zvezi: **1)** prosti glagolski morfemi kot glagolski leksikalizirani morfemi sooblikujejo glagolsko vezljivost (to so lahko slovarske iztočnice ali le podiztočnice kot leksikalizacija enega pomena), **2)** prosti glagolski morfemi kot povedkovi prosti morfemi, vezani na določen skladenjski pomen glagola v povedku (v slovarju bi to označevalo pojasnilo »vezljive predložne zveze«), so pretežno vezljivi predložni morfemi in homonimni s predlogi v samostalniški predložni zvezi tipa (*imeti*) *v misli*, (*vzeti*) *v misel*, (*priiti*) *na misel*, (*priiti*) *za dne*, (*iti*) *v ilegalo*, (*biti*) *v ilegali*; zlasti metonimična raba ima lahko pretvorbno vrednost

ali ostaja neubesedena, npr. *govoriti o čem* > *govoriti kaj*, *govoriti (po) slovensko* ipd., **2.1** lahko so del povedkovodoločilne oz. povedkove vezljivosti, (*biti* nor na, (*biti*) v skrbi za, **3**) prosti predložni morfemi v metonimični rabi so samo družljivi (vezavni ali neizraženi) predložni prosti morfemi v prislovnih predložnih imenskih zvezah tipa *z veseljem*, *z imenom / po imenu / delati z veseljem*, *ogovarjati koga z imenom / po imenu* > *imensko / poimensko* (Bajec 1959: 108), to pa ima vzporednico z metonimično rabo predponskih obrazil, ki tudi ukinjajo vezljivost, npr. *o-*, *po-*, *pre-* (Vidovič Muha 1988: 22–23). Vezavnodružljivi prosti morfem s predložnim (sklonskim) pomenom lahko razlagamo z dodanim neizraženim družljivim glagolom (v slovarju bi to označevalo s pojasnilo »družljive predložne zveze kot predložnozvezni prislovi«), npr. *delati + biti vesel / imeti veselje (s tem)* > *delati z veseljem* > *veselo delati*, *klicati koga + delati po imenu* > *klicati po imenu* > *klicati poimensko* ipd. Sem sodijo tudi zveze stanje + iz stanja izpeljana lastnost: *avto od očeta* < *avto biti + biti od očeta*, *ograja iz lesa* < *ograja biti + biti iz lesa* ipd.

Отправной точкой рассуждений о свободной морфеме – предлоге могло бы быть следующее положение. Предлог является морфемой и в первую очередь глагола, что мы можем подтвердить тем, что в глаголах и других частях речи предугадываем особую скрытую грамматическую морфему – предлог, которая может быть эксплицирована в результате процедуры трансформации, напр., *strašiti se bolezni* > *strah pred boleznijo* (Toporišič 1967: 111, 1982: 52, 333). О предлогах как глагольных морфемах («глагольные приклейки») писал уже в сороковых годах В.В.Виноградов (1947: 678).

С точки зрения функционального синтаксиса можно предположить, что свободные морфемы восходят к глаголам, прилагательным, девербативам и деадъективам, а к существительным только в случаях абстрактных наименований типа *ideja*, *pojem*, *načrt*, *račun*, *reklama*, мотивацией которых являются деятельность, явления, свойства.

Предлог как изначально глагольная свободная морфема в процессе дополнительного внутриглагольного развития лексикализируется в глаголе со свободной морфемой, напр., *temeljiti na*, *ukvarjati se z/s*, в своем внеглагольном развитии определяет управление и сочетаемость глагола, напр., *dela na domu*, *dela na projektu / dela doma*, *projektno dela* или только сочетаемость, напр., *dela z veseljem / dela veselo* > *veselo dela*; сочетаемость предусматривает обязательное модификационное дополнение. Больше самостоятельности предлогов на семантико-синтаксическом уровне способствуют также частеречные переходы из сочетаний существительных с предлогами в наречия, которые в любом случае входят в приглагольное окружение, напр., *v ilegali* > *ilegalno*, *v modi* > *modno*, *na psu* > *pasje*. В силу этого предлог всегда находится в двойном и двойственном положении управляющего и управляемого члена предложения. Сохраняя свое словарное значение, предлог на уровне семантики и структуры предложения отделяется от управляющего глагола, остается только начальная, точнее исходная глагольная мотивация без влияния на грамматическое значение, напр., *dati*

nekaj na stol / pod stol / za stol (nasproti dati nekaj na obljube / na prijatelje) (Kroupová 1980: 51).

Типология предлогов как свободных морфем на уровне глагольного сказуемого. Здесь две крайности – лексикализация глагола с предлогом как свободной морфемой или структурно-синтаксическая сочетаемость предлога в составе сочетания предлога с наречием: **1)** предлоги как глагольные лексикализованные морфемы участвуют в оформлении глагольного управления (это могут быть заглавные слова словарной статьи или лексико-семантические варианты слова внутри статьи), **2)** глагольные предлоги как свободные морфемы сказуемого, связанные с определенной синтаксической функцией глагола в составе сказуемого (в словаре на это бы указывало пояснение «предложно-падежные сочетания»), преимущественно являются управляющими предложными морфемами и омонимичны предлогам в составе предложно-падежных сочетаний с существительными типа (*imeti*) *v misli*, (*vzeti*) *v misel*, (*priiti*) *na misel*, (*priiti*) *za dne*, (*iti*) *v ilegalo*, (*biti*) *v ilegali*; метонимическое употребление может иметь трансформационные потенции или быть лексически невыраженным, напр., *govoriti o čem* > *govoriti kaj*, *govoriti (po) slovensko* и т.п., **2.1** они могут быть частью предикативного определения или определять управление внутри сказуемого (*biti*) *nor na*, (*biti*) *v skrbi za*, **3)** предлоги – свободные морфемы в метонимическом употреблении определяют только сочетаемость (выраженную или невыраженную в предложно-именных сочетаниях в функции наречия) типа *z veseljem*, *z imenom / po imenu v delati z veseljem*, *ogovarjati koga z imenom / po imenu* > *imensko / poimensko* (Bajec 1959: 108), это имеет свою параллель в метонимическом использовании глагольных префиксов, где также устраняется управление, напр., *o-*, *po-*, *pre-* (Vidovič Muha 1988: 22–23). Валентную свободную морфему с предложно-падежным значением можно объяснить с помощью не эксплицированного валентного глагола (в словаре на это бы указывало пояснение «валентные предложные сочетания в функции предложных сочетаний с наречием»), напр., *delati* + *biti vesel / imeti veselje (s tem)* > *delati z veseljem* > *veselo delati*, *klicati koga* + *delati po imenu* > *klicati po imenu* > *klicati poimensko* и т.п. Сюда также относятся сочетания «состояние + качество, вытекающее из состояния»: *avto od očeta* < *avto biti* + *biti od očeta*, *ograja iz lesa* < *ograja biti* + *biti iz lesa* и т.п.

Перевела Ольга Плотникова

Л и т е р а т у р а

- Bajec A. Predlogi in predpone. In: *Besedotvorje slovenskega jezika* IV. Ljubljana: SAZU, 1959.
- Kroupová L. Vztah významu gramatického a lexikálního u předložek. // *Slovo a slovesnost*. 1980, № 41/1. S. 49–52.
- Toporišič J. Slovenski knjižni jezik I–IV. Maribor: Obzorja, 1965–1970.
- Toporišič J. Nova slovenska skladnja. Ljubljana: DZS, 1982.
- Vidovič Muha A. Slovensko skladijsko besedotvorje ob primerih zložen. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete in Partizanska knjiga, 1988.
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва, Ленинград, 1947

Кирилло-Мефодиевская традиция в Чехии

В соответствии с широко распространенным мнением, на территории современной Чехии Кирилло-мефодиевская традиция оборвалась, едва начавшись, когда после смерти Мефодия папа Стефан V упразднил привилегии, данные до этого моравской церкви, а князь Великой Моравии Сватоплук изгнал учеников Мефодия из страны, см. (Česko 2005: 48). Тем не менее Кирилло-Мефодиевская традиция в чешских землях продолжала свое существование, и речь отнюдь не ограничивается славянским богослужением в Сазавском монастыре в XI веке и так называемым «старославянским периодом чешской книжности», см. название монографии (Večerka 2010).

В этой связи следует отметить вышедшую в прошлом году в издательстве Карлова университета в Праге книгу профессора Иржи Марвана (Marvan 2015), в которой обосновывается оригинальная концепция чешского письменного языка, история которого начинается, по мнению автора, не с XIII века, как принято считать (Encyklopedický 2002: 91), а с IX века. Отвергая термин «старославянский язык», И. Марван предлагает называть созданный братьями язык просто «славянским языком» (*чешск. slověňština, англ. Slavonic*), а произошедшие из него национальные дериваты – «чешско-славянским языком» (*чешск. česko-slověňština, англ. Czech Slavonic*), «русско-славянским языком» (*чешск. ruskoslověňština, англ. Russian Slavonic*) и так далее, см. (Marvan 2015: 29-30; 421-422). Этот «славянский» язык воспринимался чехами как «свой» не только в X-XII веках, но и много позже – в эпоху расцвета уже собственно чешской письменности. Когда же в соответствии с «золотой буллой» (1356) Карла IV официальными языками Священной Римской империи были объявлены немецкий, итальянский и чешский, то «славянский» язык рассматривался как такая же интегральная часть этого чешского языка, как латынь – интегральная часть языка итальянского (Marvan 2015: 82). Не случайно Карл IV пригласил в основанный им в Праге, по согласованию с папой Климентом VI, бенедиктинский Эмаузский монастырь хорватов-глаголашей, получив у папы разрешение на славянскую литургию в этом монастыре. Созданную здесь в 1416 году глаголическую библию (сохранилось 258 страниц) И. Марван характеризует как «симбиоз славянского и чешского языков» (Marvan 2015: 154). Важное место в концепции И. Марвана занимает «глубинное течение» – предполагаемое воздействие на языковую ситуацию в чешских землях «славянского» языка, эксплицитно не фиксируемое, однако теоретически возможное. В книге последовательно отмечаются такие фак-

ты, как, например, то, что аббатиса Кунгута («Кунгутина молитва» и «Островская песня» – первые литературные произведения на чешском языке) была внучкой черниговского князя Ростислава Михайловича, что чешский король Вацлав II охотно приглашал к своему двору монахов со славянского Востока, что среди студентов Пражского университета было немало «русинов», что Ян Жижка и магистр Иероним Пражский посещали территорию современной Белоруссии, что настоятель Эмаузского монастыря в Праге Бенешовский рассматривал Острожскую Библию как образцовую в языковом отношении и т.д.

Л и т е р а т у р а

- Česko: Dějiny, místopis, osobnosti, památky, příroda, umění. Praha: Euromedia Group s.k., 2005. 512 s.
- Encyklopedický slovník češtiny. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002. 606 s.
- Marvan J. Jazyk. Jeho český příběh: Prvních tisíc let 800-1800: Malý průvodce cestami české lingvoekologie. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015. 456 s.
- Večerka R. Staroslověnská etapa českého písemnictví. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010. 176 s.

Борис Керн (Любляна) / Boris Kern (Ljubljana)

Особенности словообразовательной и семантической деривации новой лексики в словенском языке / Besedotvorne in pomenotvorne lastnosti novejšega besedja v slovenščini

Cilj prispevka je opisati besedotvorne in pomenotvorne značilnosti novejšega besedja v slovenščini. Gradivsko osnovo za novejše besedje predstavljata *Slovar novejšega besedja slovenskega jezika* (2012) in *Sprotni slovar slovenskega jezika* (rastoči slovar, prva gesla objavljana leta 2014), hkrati pa bo novejše besedje dopolnjeno tudi s korpusnimi viri (*Gigafida* in *Novejše besedje*) oz. glede na neažuriranost korpusov tudi z besedjem, zajetim na internetu.

Razprava je dvodelna: (1) v prvi vrsti je cilj opisati besedotvorne in tudi pomenotvorne značilnosti novejših leksemov, v nadaljevanju pa (2) opisati besedotvorno in pomenotvorno produktivnost novejšega besedja, v smislu, v kolikšni meri je novejše besedje podstava za nadaljnjo tvorbo. V okviru besedotvorja bo cilj tudi preveriti, kolikšna je izkoriščenost besedotvornega potenciala v slovenščini. Izhodišče za preverbo slednjega je t. i. stopenjska metoda (polj. *slowotórstwo gniazdowe*), ki v izhodišče postavlja netvorjeni leksem, v nadaljevanju pa navaja vse nadaljnje neposredne in posredne tvorjenke (neposredni tvorjenki sta *blog in blog-ati*, posredni pa *blog in blog-er-ski*).

Ena od izrazitih lastnosti novejšega besedja je visoka stopnja prevzetosti besedotvornih podstav iz tujih jezikov, predvsem seveda angleščine. V *Slovarju novejšega besedja slovenskega jezika* je namreč kar 20 % vsega v slovar zajetega besedja prevzeta iz angleščine. Tudi zaradi tega dejstva bo zanimiva analiza druženja tujih besedotvornih podstav z obrazili slovenskega besedotvornega sistema.

Pri opisu besedotvornih značilnosti novejšega besedja bo posebna pozornost med drugim posvečena zloženkam, katerih prvi element je akva-, alter-, avdio-, bio-, eko-, evro-, e-, hidro-, impro-, info-, multi-, narko-, sam-, turbo- (akvarobika, alterscena, avdiosignal, bioenergetik, bioinženiring, biolaser, biosnov, bioterapija, bioterorizem, ekoturizem, ekošola, evrocentrizem, evroposlanec, evrorealist, evroskeptik, e-bančništvo, e-knjiga, e-potrošnik, e-turizem, e-zasvojenec, hidroterapija, improvečer, improdelavnica, infotočka, infoservis, multikino, multikultura, multimedija, narkoscena, narkomafija, turboščetka, turbokapitalizem, turbofolk, turbodizeljski). V zvezi s temi tvorjenkami bo izpostavljena tudi problematika pisanja skupaj oz. narazen.

Za novejše besedje je značilno, da med njim prevladujejo samostalniki, saj je precejšnji del novejšega besedja posledica pojavitve novega denotata. V svetu nenehnega tehnološkega napredka pa seveda prednjačijo predvsem novi izzumi, tehnološke naprave, postopki itd. Tudi *Slovar novejšega besedja slovenskega jezika* potrjuje to dejstvo, saj ja kar 64% novejšega besedja samostalnikov, sledijo pridevniki, ki jih je 24%, glagolov pa je le 7,7 %.

V zvezi z besedotvorno produktivnostjo velja posebej izpostaviti glagole na *-irati*, ki pogosto motivirajo glagole s predponskimi obrazili: *dizajnirati – zdrizajnirati, drogirati se – zadrogirati se, kulirati se – skulirati, lobirati – zlobirati, minimalizirati – zminimalizirati, motivirati – demotivirati, relaksirati – zrelaksirati* itd. Izredno produktivna so tudi poimenovanja za ženske osebe oz. t. i. feminativi: *golfistka, kajakašica, konzulka, koordinatorica, ministrantka, varuhinja in dekanja/dekanica/dekanka* (trenutno soobstajajo vse tri oblike, čeprav je najbolj razširjena *dekanja*). Obsto tako velikega števila ženskih poimenovanj kaže na to, da so tudi v družbi nastopile določene spremembe. Ženske oblike nastajajo celo v primeru samostalnika *dojenček*, tj. *dojenčica*, in celo slengovsko *tamavček – tamavčica*.

Samostalniki pogosto motivirajo pridevnike: *heavymetalec/težkimetalec – heavymetalski/težkometalski, kari – karijev, kurikul – kurikularni* in tudi glagole: *mejil – mejlati*. Sicer pa so daljši besedotvorni nizi – glede na to, da gre za novejše besedje – pričakovano sorazmerno redki:

- *blog – blogger/blogar, blogerka, bloggerski, blogati;*
- *kajt – kajtati, kajtar, kajtarski;*
- *globalizacija – globalizirati (se), globalist, globalizem, globalizacijski;*

- *žur – žurati, žurer, žurerski, žuranje, žurirati, žuriranje;*
- *internet, internetizirati, internetski, internetizacija, internetovec;*
- *klik, klikniti, klikati, poklikati, klikanje.*

Целью работы является описание особенностей словообразовательной и семантической деривации новой лексики в словенском языке. Основным материал неологизмов содержится в словарях «*Slovar novejšega besedja slovenskega jezika*» (2012) и «*Sproti slovar slovenskega jezika*» (постоянно пополняющийся словарь, первые словарные статьи опубликованы в 2014 г.). В то же время источниками для сбора новой лексики послужили корпусы (*Gigafida* и *Novejše besedje*) и сеть Интернет (учитывая отсутствие обновлений в корпусах).

Исследование состоит из двух частей: (1) в первую очередь целью является описание особенностей словообразовательной и семантической деривации новых лексем, далее следует (2) анализ словообразовательной и семантической продуктивности образования неологизмов, то есть того, в какой степени новая лексика служит основой для дальнейшей деривации. В рамках словообразования наша цель – проверить, насколько исчерпан словообразовательный потенциал словенского языка. Такого рода проверка базируется на так называемом принципе словообразовательных гнезд (польск. *slowotwórstwo gniazdowe*): отправной точкой служит немотивированная лексема, а затем приводятся все последующие прямые и не прямые производные (к прямым производным относятся *blog* и *blog-ati*, к непрямым – *blog* и *blog-er-ski*).

Одной из ярко выраженных особенностей новой лексики является высокая степень заимствования словообразовательных основ из иностранных языков, в первую очередь, безусловно, английского. Так, 20% лексики, включенной в «*Slovar novejšega besedja slovenskega jezika*», заимствовано из английского языка. В связи с этим еще более интересен анализ объединения заимствованных словообразовательных основ с аффиксами из словенской словообразовательной системы.

При описании словообразовательных особенностей новой лексики особое внимание будет уделено сложным словам, первым элементом которых является *akva-*, *alter-*, *avdio-*, *bio-*, *eko-*, *evro-*, *e-*, *hidro-*, *impro-*, *info-*, *multi-*, *narko-*, *sam-*, *turbo-* (*akvarobika*, *alterscena*, *avdiosignal*, *bioenergetik*, *bioinženiring*, *biolaser*, *biosnov*, *bioterapija*, *bioterorizem*, *ekoturizem*, *ekošola*, *evrocentrizem*, *evroposlanec*, *evrorealist*, *evroskeptik*, *e-bančništvo*, *e-knjiga*, *e-potrošnik*, *e-turizem*, *e-zasvojenec*, *hidroterapija*, *improvečer*, *improdelavnica*, *infotočka*, *infoservis*, *multikino*, *multikultura*, *multimedija*, *narkoscena*, *narkomafija*, *turboščetka*, *turbokapitalizem*, *turbofolk*, *turbodizeljski*). В отношении данных производных будет также затронута проблематика слитного и раздельного написания.

Характерной чертой новой лексики является преобладание существительных, поскольку большая часть неологизмов является результатом возникновения нового денотата. В мире постоянного технического прогресса преобладают главным образом новые изобретения, технические устройства, процессы и т.д. «*Slovar novejšega besedja slovenskega jezika*» также подтверждает данный факт, так как 64% новой лексики относится к существительным, далее следуют прилагательные (24%), глаголов же всего 7,7%.

В аспекте словообразовательной продуктивности необходимо особо выделить глаголы на *-irati*, нередко представляющие мотивационную основу для префиксальных глаголов: *dizajnirati – zdrizajmirati, drogirati se – zadrogirati se, kulirati se – skulirati, lobirati – zlobirati, minimalizirati – zminimalizirati, motivirati – demotivirati, relaksirati – zrelaksirati* itd. Весьма продуктивными являются также номинации лиц женского пола (так называемые феминативы): *golfistka, kajakašica, konzulka, koordinatorica, ministrantka, varuhinja* и *dekanja/dekanica/dekanka* (в настоящее время сосуществуют все три формы, хотя наиболее распространена *dekanja*). Такое обилие наименований женщин свидетельствует том, что в обществе произошли определенные изменения. Форма женского рода возникает даже у существительного *dojenček – dojenčica*, в сленге у слова *tamavček – tamavčica*.

Существительные часто являются производящими основами для прилагательных: *heavymetalec/težkimetalec – heavymetalski/težkometalski, kari – karijev, kurikulum – kurikulumni*, а также глаголов: *mejl – mejlati*. Дальнейшие словообразовательные ряды – учитывая, что рассматривается новая лексика – как и ожидалось, образуются достаточно редко:

- *blog – blogger/blogar, blogerka, bloggerski, blogati;*
- *kajt – kajtati, kajtar, kajtarski;*
- *globalizacija – globalizirati (se), globalist, globalizem, globalizacijski;*
- *žur – žurati, žurer, žurerski, žuranje, žurirati, žuriranje;*
- *internet, internetizirati, internetski, internetizacija, internetovec;*
- *klik, klikniti, klikati, poklikati, klikanje.*

Перевела Мария Кулешова

Л.А. Кирилина (Москва)

Взгляды словенских политиков на Россию в начале XX века

Огромное значение русской культуры признавали представители всех политических направлений. Наибольший вклад в ее популяризацию в словенских землях, несомненно, внесла русофильски настроенная либеральная интеллигенция (Čurkina, 1995). Католики проявляли интерес к идеям русских философов В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева, ценили произведения Л.Н. Толстого. Молодые радикалы и социал-демократы увлекались пьесами М. Горького и статьями русского анархиста П.А. Кропоткина (Golouh 1966: 9). Словенская молодежь охотно посещала занятия в кружках по изучению русского языка и культуры, организованных в конце 1890-х гг., читала в библиотеках русские книги. (Lah 1925: 22).

Отношение словенских политиков к Российскому государству сильно разнилось. Лучше всех относились к нему либералы, среди которых получили распространение идеи русофильства и неославизма. Русофилы ратовали за введение православного богослужения, кириллической азбуки и общеславянского (русского) языка, они идеализировали Россию и ее порядки, однако сближение с ней представляли себе исключи-

тельно в культурной сфере. Неослависты в начале XX в. выступали за тесное сотрудничество с Россией, считая, что она должна стать главным политическим и экономическим союзником Австрии. Они видели в ней единственную силу, способную поставить преграду немецкому натиску и защитить славянские народы, и стремились к созданию культурного, научного и экономического союза всех славян. Россия привлекала словенских русофилов как крупнейшее и могущественное славянское государство, призванное защитить и освободить австрийских славян. Однако более близкое знакомство словенцев с реалиями самодержавной России, произошедшее во время ознакомительных поездок некоторых из них (И. Хрибар, А. Ашкерц, Б. Вошняк, И. Лах и др.) по нашей стране, способствовало развенчанию многих иллюзий и осознанию того, что выполнить свою миссию Россия сможет только тогда, когда освободится от уз деспотизма и немецкого влияния, а русская общественность лучше узнает австрийских славян и перестанет воспринимать их как чуждые католические народы. Накануне Первой мировой войны большинство прежде русофильски настроенных словенских либералов переориентировалось на идеи югославизма, лишь единицы (как, например, И. Хрибар) сохранили приверженность прежним идеалам.

Словенские католики в начале XX в. имели очень смутные и искаженные представления о российской действительности, почерпнутые, в основном, из иностранных источников. Наибольший интерес к российской проблематике католическая пресса проявила в период распространения в словенских землях неославистского движения с целью противодействия ему. В целом в вопросах, касающихся отношения к России, словенский католический лагерь был един. На Россию и православие они смотрели сквозь призму австрославизма и католицизма. Главным было различие в вероисповедании. Православные русские воспринимались как представители чуждой культуры, традиций, мировоззрения, как народ, которого следует опасаться и избегать сближения с ним. Лишь некоторые католики, среди них Я. Крек и Ф. Гривец, обладали более широким кругозором. Креку импонировали некоторые особенности российского уклада (например, крестьянская община) и черты русского характера (патриотизм и развитое славянское самосознание), Гривец интересовался русской литературой и православием. Оба они поддерживали идею об объединении Восточной и Западной церквей.

Словенские социал-демократы уделяли пристальное внимание политическому движению и направлениям развития политической мысли в России. Они неоднократно выражали солидарность с борьбой русского пролетариата. Большевистских идей словенцы не поддерживали, оставаясь в русле теоретических взглядов австрийской и итальянской социал-демократии. Для молодых членов партии «светлым примером»

стала борьба российских народовольцев В. Засулич, С. Перовской, Нечаева. Они пристально следили за событиями в России, ожидая, что мировая революция начнется именно в этой стране (Golouh 1966: 18).

Представители всех словенских политических течений в начале XX в. высоко ценили русскую культуру, каждый находил в ней что-то, представляющее для него интерес. На отношение словенских политиков к Российской империи как к государству прежде всего влияла их политическая ориентация, в зависимости от которой Россия для них приобретала статус друга или врага.

Л и т е р а т у р а

Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki. Ljubljana, 1995.

Golouh R. Pol stoletja spominov. Ljubljana, 1966.

Lah I. Knjiga spominov. Ljubljana, 1925.

Михаэла Кнез (Любляна) / Mihaela Knez (Ljubljana)

Развитие навыков письма на словенском языке как втором с помощью сетевой лаборатории чтения и письма (WRILAB2) / Razvijanje pisne zmožnosti v slovenščini kot drugem jeziku s pomočjo spletnega laboratorija za branje in pisanje (WRILAB2)

Namen našega prispevka je predstaviti spletni portal WRILAB2, ki je namenjen razvijanju pisne zmožnosti govorcev slovenščine kot drugega jezika. Pisanje je tesno povezano s procesom izobraževanja, saj se te jezikovne dejavnosti naučimo predvsem v šoli. V procesu učenja pisanja se učenci učijo zapisane različice jezika, ki se od govornice razlikuje tako po obliki kot po rabi. Domači govorniki si pri razvijanju svoje pisne zmožnosti pomagajo s svojo že razvito govorno zmožnostjo, medtem ko začnejo govorniki slovenščine kot drugega jezika zmožnost govornice in pisanja razvijati hkrati (Weigle 2000: 4). Učeči se pisanje potrebujejo za različne namene (Vähäpäässi 1982 v: Weigle 2000: 9): za učenje (npr. pisanje zapiskov, izpiskov, narekov, povzetkov), izražanje čustev in občutkov (pisanje zasebnih pisem), informiranje (pisanje poročil, življenjepisa), prepričevanje (pisanje prošenj), zabavo (kreativno pisanje), ohranjanje stikov (pismo, elektronska pošta, razglednica). Je pomembno orodje za učenje, s stopnjo izobraževanja pa se (tako kot pri bralni zmožnosti) njegova pomembnost večja. Pisanje se tesno povezuje tudi z bralno zmožnostjo. Hayes v zvezi s pisanjem izpostavlja zlasti zmožnost kritičnega branja oz. branja z namenom evalvacije besedila, ob katerem pisec odkrije pomanjkljivosti svojega besedila. Medtem ko se slabši bralci (in tudi govorniki) osredotočajo na

popravljanje lokalnih napak na ravni posameznih povedi, se boljši bralci osredotočajo na izboljšanje vsebine in organizacije besedila. Pomembno je tudi učinkovito branje izvorne literature (besedil, s katerimi si pomagamo pri pisanju ali pa jih citiramo) in branje navodil (Hayes 1996 v: Weigle 2000: 26–28). Napačno razumevanje izvornih besedil in navodil lahko pomembno vplivata na uspešnost pisanja.

Pisci se v drugem jeziku poslužujejo istih procesov kot v prvem, zato se, če dosežejo določeno stopnjo znanja, tako kot pri drugih spretnostih znanje iz prvega jezika lahko prenese v drugi jezik. Seveda pa je proces pisanja otežen, saj se mora pisec v drugem jeziku vedno znova ukvarjati z omejitvami, ki jih prinaša nižja jezikovna zmožnost v drugem jeziku in se zato med procesom pisanja bolj osredotoča na obliko kot pa na vsebino besedila. Govorci drugih jezikov načeloma manj načrtujejo pisanje, manj pregledujejo vsebino, pišejo manj tekoče in z več napakami, zaradi česar so njihova besedila pogosto tudi manj učinkovita (Weigle 2000: 36). Kljub zavedanju, da dobro razvita pisna zmožnost pomembno pripomore k uspešnosti izobraževanja, pa je specializiranih gradiv, ki bi bila govorcem slovenščine kot drugega jezika pri tem v pomoč, razmeroma malo oz. so večinoma del obstoječih splošnih učbenikov za učenje slovenščine kot drugega jezika. To vrzel smo skušali zapolniti s pripravo gradiva v okviru evropskega projekta Spletni laboratorij za branje in pisanje v češčini, nemščini, italijanščini in slovenščini kot drugem jeziku. Pomanjkanje ustreznih učnih gradiv za razvijanje pisne zmožnosti v drugem jeziku (zlasti na srednješolski in univerzitetni stopnji) se je namreč pokazalo v vseh navedenih jezikih.

Glavni cilj projekta je bil vzpostavitev portala, izdelanega v sistemu Moodle, v okviru katerega je uporabnikom prosto dostopno interaktivno učno gradivo za poučevanje oz. učenje pisanja na ravneh od B1 do C1. Namenjeno je tako učenju v razredu kot individualnemu učenju. Pri pripravi gradiva smo izhajali iz dejanskih potreb učečih se, zato smo vanj vključili tiste besedilne vrste, s katerimi se učeči se srečujejo v okviru svojega šolanja pa tudi v vsakdanjem življenju, hkrati pa smo upoštevali tako težavnost posamezne besedilne vrste kot tudi jezikovno zmožnost, ki naj bi jo učeči se izkazovali na posamezni jezikovni ravni (B1–C1). Tako smo izbrali 12 različnih besedilnih vrst – življenjepis, pritožba, prošnja, formalno pismo, ocena knjige, filma ali predstave, predstavitev osebe ali kraja, poročilo o ekskurziji, poročilo o eksperimentu, povzetek, referat ali seminar, razpravljalni esej, idejna zasnova šolskega projekta ali raziskave – ob katerih smo pripravili različne dejavnosti, ki smo jih razdelili v posamezne razdelke glede na faze pisanja:

predstavitev besedilne vrste: v tem razdelku učeči se najdejo kratek opis izbrane besedilne vrste in njene značilnosti;

primeri besedil: učeči se si lahko ogledajo vzorčne primere izbrane besedilne vrste, besedilo je tudi komentirano – izpostavljene so tipične značilnosti besedilne vrste;

načrtovanje pisanja: v tem razdelku učeče se seznanjamo z naborom sporazumevalnih vzorcev, ki se pogosto pojavljajo v izbrani besedilni vrsti;

pisanje: v tem razdelku je učečim se podana konkretna naloga za pisanje, ob njej pa tudi povezave do različnih spletnih virov, ki so piscu lahko v pomoč pri pisanju (slovarji Inštituta za slovenski jezik na portalu Fran, korpus Gigafida, Amebisov pregibnik Besana, prevajalnik Pons);

pregled besedila: v tej fazi pisanja pisca usmerjamo pri pregledovanju in dopolnjevanju besedila, svoje besedilo pa lahko ponudi tudi v komentar svojih sošolcem ali pa ga odda v pregled svojemu učitelju;

samoevalvacija: gre za sklepno fazo enote. Pisec lahko v tem razdelku ovrednoti naloge in kritično razmisli o svojem pisanju in pisnem izdelku.

Didaktične enote so torej sestavljene tako, da učenca vodijo skozi proces pisanja in ga učijo načrtovati posamezne faze pisanja ter upoštevanja tako vsebinskih (poznavanje tematike, upoštevanje sociokulturnega védenja) kot jezikovnih (besedišče, sporazumevalni in slovnični vzorci, poznavanje besedilnih vrst) vidikov pisanja. Portal je prosto dostopen na spletni strani: <https://www.wrilib2.eu/moodle/>

Цель нашей работы – представить Интернет-портал WRILAB2, предназначенный для развития навыков письма на словенском языке как втором. Письмо тесно связано с образовательным процессом, так как данным видом языковой деятельности мы овладеваем главным образом в школе. В процессе обучения письму изучается письменный вариант языка, отличающийся от разговорного как по форме, так и по особенностям употребления. При развитии письменных навыков носители языка пользуются своими уже развитыми разговорными способностями, в то время как в случае со словенским языком как вторым разговорные и письменные навыки развиваются параллельно (Weigle 2000: 4). Обучающиеся нуждаются в письме для осуществления различных целей (Vähäpääsi 1982 v: Weigle 2000: 9): для учебы (например, написания конспектов, выписок, диктантов, резюме), выражения чувств и ощущений (написания личных писем), информирования (написания отчетов, биографии), убеждения (написания просьб), развлечения (креативное письмо), поддержания контактов (письмо, электронная почта, открытка). Это важный инструмент обучения, и чем выше уровень образования (как и в случае с навыками чтения), тем больше его значение. Письмо тесно связано с навыками чтения: в данном аспекте Хейс отмечает в особенности способность критического чтения (чтения с целью оценки текста), при котором автор находит недостатки в своем тексте. В то время как плохой читатель (как и говорящий) ограничивается исправлением частных ошибок на уровне отдельных фраз, хороший читатель фокусируется на улучшении содержания и организации текста. Важным является также эффективное чтение литературы в оригинале (текстов, которыми мы пользуемся при письме и цитируем) и чтение руководств (Hayes 1996 v: Weigle 2000: 26–28).

Неверное понимание оригинальных текстов и руководств может сильно повлиять на успешность письменной деятельности.

При написании текста на втором языке автор проходит через те же процессы, что и носитель, поэтому, при достижении определенного уровня знаний, как и в случае с другими навыками, знание может переноситься из первого во второй язык. Безусловно, процесс письма усложняется, так как автор вынужден вновь столкнуться с ограничениями, связанными с более низкими навыками владения вторым языком, и поэтому во время написания текста он больше концентрируется на его форме, нежели на содержании. Говорящие на втором языке, как правило, реже составляют планы написания текстов, меньше проверяют содержание, пишут менее свободно и допускают больше ошибок, в связи с чем их тексты часто производят худшее впечатление (Weigle 2000: 36). Несмотря на бесспорность того факта, что хорошо развитые письменные навыки весьма способствуют успешности обучения, специализированные материалы по второму языку, направленные на их улучшение, достаточно немногочисленны; в основном они входят в состав существующих базовых учебников по изучению второго языка. Данный пробел мы постарались восполнить, подготовив материал в рамках европейского проекта «Сетевая лаборатория чтения и письма на чешском, немецком, итальянском и словенском как втором языке». Таким образом, недостаток соответствующих учебных материалов по развитию навыков письма на втором языке (особенно в старших классах и университете) актуален для всех вышеперечисленных языков.

Главной целью проекта было создание портала в системе Moodle, в рамках которого пользователям предоставлялся бы свободный доступ к интерактивным учебным материалам для преподавания или обучения письму на уровнях от B1 до C1. Он предназначен как для использования в классе, так и для индивидуальных занятий. При подготовке материала мы исходили из фактических потребностей учащихся, поэтому в него были включены те жанры текстов, с которыми они сталкиваются в рамках своего обучения и в быту. В то же время мы учитывали как трудность каждого из текстовых жанров, так и языковые навыки, которые учащиеся должны демонстрировать на том или ином уровне (B1–C1). Мы выбрали 12 различных текстовых жанров – биография, жалоба, просьба, официальное письмо, рецензия на книгу, фильм или спектакль, представление личности или места, рассказ об экскурсии, отчет об эксперименте, резюме, реферат или семинар, эссе, идейный концепт школьного проекта или выставки – для каждого из которых были подготовлены различные виды деятельности, распределенные по разделам в зависимости от этапа написания:

- представление текстового жанра: в этом разделе учащиеся найдут краткое описание выбранного жанра и его особенности;
- примеры текстов: учащиеся могут посмотреть образцы выбранного жанра, текст также снабжен комментариями, в которых выделены типичные особенности жанра;
- планирование написания текста: в данном разделе мы знакомим учащихся с набором коммуникативных шаблонов, как правило, фигурирующих в тексте выбранного жанра;
- написание: в этом разделе учащимся дается конкретное задание для выполнения, указываются также ссылки на различные сетевые ресурсы, которые

могут помочь автору при написании текста (словари «Института словенского языка» на портале *Fran*, корпус *Gigafida*, грамматический справочник *Amebis Besana*, переводчик *Pons*);

- проверка текста: на данном этапе написания автор получает руководство для проверки и дополнения текста; свой текст он может также предложить прокомментировать своим одноклассникам или отдать на проверку учителю;
- самооценка: является заключительным этапом раздела. Автор здесь может оценить задания и критически осмыслить свои письменные навыки и результат работы.

Итак, дидактические разделы составлены таким образом, чтобы провести учащегося через весь процесс написания текста и научить его планировать каждый из этапов и принимать во внимание как содержательные (знание тематики, социокультурных особенностей), так и языковые (лексика, коммуникативные и грамматические шаблоны, знание текстовых жанров) аспекты письма. Портал находится в свободном доступе на сайте: <https://www.wrilab2.eu/moodle/>.

Перевела Мария Кулеишова

Literatura

- Hayes, J. R.*, 1996: A new framework for understanding cognition and affect in writing. V: C. M. Levy in S. Ransdell (ur.): The science of writing. NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Vähäpääsi, A.*, 1982: On the specification of the domain of school writing. V: A. C. Purves in S. Takala (ur.): An international perspective on the evaluation of written composition. Oxford: Pergamon. 265–289.
- Weigle Cushing, S.*, 2002: Assessing Writing. Cambridge: Cambridge University Press.

Криштоф Яцек Козак (Konep) / Krištof Jacek Kozak (Koper)

Современная словенская литература с ностальгией о прошлом и пессимизмом о будущем / Nostalgična preteklost in temna prihodnost v sodobni slovenski književnosti

Alešu Debeljaku, dragemu prijatelju (1961-2016)

Ena popularnejših sintagm današnjega politično korektnega in na videz vsedovoljujočega sveta je "enotnost v različnosti" (N.B. kot svoj moto – na podlagi dejstva, da vključuje 28 držav – ga je leta 2000 sprejela tudi EU). Dokazala naj bi, da je današnji svet že dozorel za vključujoče razumevanje družbe in za strpno sobivanje različnih. V EU se tega zelo zavedajo, saj so se odločili financirati različne oblike izobraževalnih izmenjav od Leonarda pa do Erasmusa+, ki naj bi omogočili povezovanje mladih ter posledično spoznavanje drugih/tujih dežel in kultur. Leto 2008 je postalo celo "leto medkulturnega dialoga." Ne glede na vse dobre načrte pa večina, če ne vse, doslejšnjih izkušenj kaže, da tako zamišljena skupnost ne more vzdržati in da je različnost pogosteje povod za nasilje kot pa strpnost. Tega smo se boleče

zavedli bivši prebivalci države, ki je danes ni več, nekoč pa je veljala za bolj vplivno in celo vzorčno prav z ozirom na večkulturnost: Jugoslavije.

Z idealiziranega gledišča je Jugoslavija združevala različne maloštevilne slovanske narode na JV Evrope. Da *L'union fait la force*, je opozarjal že Freud (prim. Einstein 1972), in tako so se ti narodi odločili za (varnejšo) skupno pot po razpadu imperijev, ki so jim poprej stoletja pripadali. A vse prehitro so se – po mednarodnem priznanju in okrenitvi pozornosti navznoter – pokazala tudi medsebojna trenja. Jugoslavija je dvakrat doživela nasilno mirjenje mednacionalnih strasti: enkrat 1929 z razpustitvijo skupščine in oktroirano ustavo, drugič spet leta 1943 s prevzemom oblasti s strani Komunistične partije Jugoslavije, ki je nato nadzorovala državo vse do njenega razpada. Generacije, ki so doživele krvavi razkroj skupne države, so v veliki večini živele prav njeno zadnjo različico, SFRJ.

Nasilna implozija, ki smo jo doživljali vso prvo polovico 1990-ih, in je po svetu pognala člane vseh narodov (in narodnosti) – še najmanj morda Slovence in Makedonce, saj so se uspeli izogniti najbolj krvavi vojni – je pustila za seboj popolno opustošenje. Na tem prostoru težko še kdo verjame v bratstvo in enotnost, kakor je nagovarjala vodilna ideja v SFRJ. Bila je tako boleča, da se še danes le tu in tam izvije kakšen vzdih, kakšna umetniška stvaritev, namenjena nekoč srečni skupnosti.

V času spopadov na Balkanu so le redki avtorji in avtorice zmogli ustvarjalno odgovoriti na zgodeno: v Sloveniji so bili to predvsem dramatik kot D. Jovanović, B. A. Novak in D. Potočnjak. V ogledalu umetnosti so odsevale predvsem strahote vojne in z njo povezanih dogodkov. Šele mnogo kasneje so začeli dobivati obliko tudi lepi spomini občutljivih umetnikov, ki so se kot prvi začeli zavedati katastrofalne izgube, ki se nam je vsem primerila. Nesporo prvi med njimi je bil pesnik in esejist A. Debeljak, ki je že leta 1994 izdal esej *Somrak idolov*, posvečen nečemu najbolj krhkemu in hkrati najglobljemu, kar je Jugoslavija imela: kulturi in umetnosti, ki sta se, zaradi različnosti sodelujočih, bleščali s stotero fasetami. Za Debeljaka je izguba bivše države pomenila predvsem propad *respublicae literariae*, torej skupnosti intelektualcev, ki so črpali vsak iz svojega vrelca, nato pa drug drugemu dajali in drug od drugega črpali ter tako pletli nesluteno mrežo bogastva različnosti. Debeljak, ki je kot mladi avtor zaživel v zadnjih letih skupnosti, je vsa kasnejša leta ohranjal stike z avtorji, večinoma izgnanci iz novih dežel enoumja, ter spominjal, kogar je to sploh še zanimalo, izjemnih časov intelektualnih in umetniških spodbud, ki so nastajale na podlagi različnosti. Skozi vsa ta leta je Debeljak neutrudno vodil dialog s takimi avtorji kot so (bili) M. Crnjanski, D. Kiš, D. Albahari, A. Hemon, I. Štiks, M. Bazdulj, ki jim pa bi bilo zagotovo treba dodati še marsikoga. Leta 2010 je Debeljak objavil knjigo esejev, s katero je zbral to svoje delo, zaključil popotresno iskanje preživelih, in sicer *Balkansko brv*. Brv, ne most, je ostala edina vez z

izkopaninami spomina: premična, majava in nestabilna, a vseeno prehodna. Dovolj, da jo naš spomin prečka in se znajde v krajini, ki je več ni. Tako je mogoče razumeti tudi podnaslov, in sicer Eseji o književnosti "jugoslovanske Atlantide." V zbirki je napovedal še drugo knjigo, v kateri bi podobno "gibko[...] in mobilno[...]" brv napeljal še k drugim, vendar mu slednje, žal, ni uspelo več stesati.

V zadnjih letih pa se je Debeljaku pridružil še mlad prozaik in dramatik, ki Jugoslavije ni mogel doživeti na tak način in do te mere kot Debeljak, temveč je njegovo izkustvo opredeljeno predvsem z vojno, G. Vojnović. Gre za avtorja t. im. "druge generacije," torej otrok priseljencev iz drugih republik v Slovenijo, ki so dobesedno utelešali jugoslovansko različnost. S seboj so prinesli svoj jezik, kulturo in tradicijo ter jih v njim vendarle tujem svetu živeli. O tem govori prvi njegov roman *Čefurji raus!*, ki je požel uspehe tudi v dramatisirani obliki, medtem ko se drugi, ki je prav tako doživel dramatisacijo, že ukvarja s posledicami vojne za mladostnika, ki ne ve, kam pravzaprav spada.

In ker je danes Jugoslavija le še "Atlantida," vsi podobni poskusi vzdrževanja enakosti v različnosti močno vprašljivi. Tudi "'evropejstvo' kot ideologija solidarnosti in enotnosti med različnimi narodi in ljudstvi Evrope skuša preseči posamezne nacionalizme" (Debeljak 2010, 18), zato je vprašanje, ali ni zgolj utopija.

Дорогому другу Алешу Дебеляку (1961-2016)

Одним из наиболее распространенных выражений сегодняшнего политически корректного и, казалось бы, вседозволяющего мира является «единство в многообразии» (в 2000 г. оно было выбрано в качестве девиза ЕС, международной организации, в состав которой входят 28 стран). Тем самым ЕС словно стремился показать, что современный мир уже созрел для инклюзивного подхода к общественной жизни и толерантного сосуществования различных субъектов. В ЕС это хорошо понимают, не случайно принимают решения о финансировании различных форм обмена образовательными программами от «Леонардо» до «Эразмус+», что может способствовать общению молодежи и в конечном итоге ее знакомству с другими/зарубежными странами и культурами. 2008 год был объявлен «годом межкультурного диалога». Однако, несмотря на все эти добрые намерения, большинство, если не все, реализованные до сих пор попытки, показывают, что такое общество на деле не может функционировать и что многообразие чаще приводит к насилию, чем к терпимости. Мы, бывшие граждане Югославии, страны, которой больше нет, и которая когда-то считалась влиятельной, была образцом мультикультурализма, осознаем это особенно болезненно.

В идеале Югославия объединила несколько немногочисленных славянских народов Юго-Восточной Европы. На то, что «L'union fait la force», обратил внимание еще Фрейд, то есть после распада империй, в состав которых входили на протяжении столетий эти народы, они выбрали общий (безопасный) путь. Но

очень скоро, получив в составе нового государства международное признание и направив все внимание на внутренние проблемы, они оказались перед лицом взаимных противоречий. Югославия дважды пережила насильственное усмирение межнациональных страстей: первый раз в 1929 г. с роспуском скупщины и введением октроированной конституции, второй – в 1943 г. когда власть захватила Коммунистическая партия Югославии, осуществлявшая контроль над государством вплоть до его развала. Подавляющее большинство тех, кто, пережил кровавый распад своей многонациональной страны, были гражданами ее последней версии – СФРЮ.

Принудительная имплозия, в которой мы находились всю первую половину 1990-х гг., и которая вынудила скитаться по миру представителей всех народов (и национальностей) – в наименьшей степени словенцев и македонцев, избежавших основного кровопролития, – оставила после себя полное опустошение. Теперь на этом пространстве едва ли кто способен верить в идею братства и единства, как гласил главный лозунг СФРЮ. Это настолько болевая точка, что даже сегодня нет-нет да и послышится где-то вздох, появится художественное произведение, апеллирующее к когда-то счастливому обществу.

Во время конфликта на Балканах лишь немногие авторы смогли творчески отреагировать на случившееся: в Словении это были в основном драматурги, среди которых Д. Йованович, Борис А. Новак и Д.Поточняк. Через призму искусства они отразили ужасы войны и связанные с ней события. Значительно позже получили формальное выражение прекрасные воспоминания чутких художников, которые первыми начали осознавать, какие катастрофические потери все мы понесли. Первым среди них, был, бесспорно, поэт и публицист А. Дебеляк, который в 1994 г. опубликовал эссе «Сумерки идиолов», посвященное самому хрупкому и одновременно глубокому явлению в многонациональной Югославии: культуре и искусству, благодаря многообразию авторов, блиставших множеством граней. Для Дебеляка потеря прежнего государства означала, прежде всего, разрушение *respublicae literariae*, то есть сообщества интеллектуалов, где каждый, черпая из своего источника, что-то давал другому, что-то брал от него, создавая тем самым смешение невиданного многообразия. Дебеляк, который как художник сформировался в последние годы существования югославского сообщества, все последующее время поддерживал контакты с авторами, в основном уехавшими из новых государств, и помнил, хотя кого это вообще тогда интересовало, о тех исключительных временах интеллектуального и художественного воодушевления, которое было следствием этого культурного многообразия. В течение всех этих лет Дебеляк неустанно вел диалог с такими ныне еще живыми и уже ушедшими авторами, среди которых М. Црнянский, Д. Киш, Д. Албахари, А. Хемон, И.Штикс, М. Баздуль и многие другие. В 2010 г. Дебеляк опубликовал книгу эссе, в которой собрал эти свои размышления, завершив ею поиск выживших после катастрофы, он назвал ее «Мостки через Балканы». Именно мостки, не полноценный мост, единственное связующее звено между артефактами памяти: подвижные, шаткие и неустойчивые, однако по ним можно двигаться. По ним-то и движутся наши воспоминания, оказавшиеся в пространстве, которого больше нет. В этом ключе можно трактовать подзаголовок «Эссе о литературной “югославской Атлантиде”». В своем издании автор проанонсировал еще одну книгу, в которой такие же «гибкие [...] и

маневренные [...]» мостки были бы перекинута к другим персонажам, однако этот замысел ему, к сожалению, реализовать не удалось.

Недавно к Дебеляку примкнул Г.Войнович, молодой драматург и прозаик, он прожил свою Югославию по-другому, не так как Дебеляк, однако и его художественное видение определяется в первую очередь войной 1991-1995 гг. Войнович принадлежит к так называемому «второму поколению» иммигрантов, которое представляют дети переселенцев из других республик, в буквальном смысле слова воплотившие все многообразие народов Югославии. Носители собственного языка, культуры, традиций, они сохранили их, живя, по сути, в чужом мире. Об этом повествует первый роман Войновича «Чефуры вон!», театральная постановка которого имела большой успех; в центре его второго романа, также инсценированного, – последствия войны, с которыми сталкивается молодой человек, не знающий, как ко всему этому относиться.

И поскольку сегодня Югославия – лишь “Атлантида”, любые попытки сохранить равноправие в многообразии довольно сомнительны. Тот факт, что “европейскость” как идеология согласия и единства различных наций и народов Европы вынуждена преодолевать отдельные проявления национализма» (Debeljak 2010), приводит к мысли уж не утопия ли все это.

Перевела Надежда Старикова

Л и т е р а т у р а

Debeljak A. Balkanska brv: Eseji o književnosti "jugoslovanske Atlantide". Ljubljana, 2010.

Debeljak A. Somrak idolov. Celovec; Salzburg, 1994.

Einstein A. Sigmund Freud. Warum Krieg? Zürich, 1972.

Vojnović G. Če furji raus! Ljubljana, 2008.

Vojnović G. Jugoslavija, moja dežela. Ljubljana, 2013.

Е. М. Коницкая (Вильнюс)

Маркеры пространственных отношений в русском и словенском языках: наречия

Способы языкового выражения пространственных отношений активно исследуются в современной лингвистике [см. (Корнева 2006) и др.]. Выражение пространственных представлений в родственных языках отражает специфику членения пространства в связанных общностью происхождения лингвокультурных сообществах.

Одна из групп маркеров пространственных отношений (термин заимствован из теории перевода (Nida 1969: 181-182) для обозначения одной из универсалий дискурса) в русском и словенском языках – наречия места и направления, служащие для уточнения локализации, выраженной существительным (контекстом) или для определения локализации при невыраженном локализаторе (путем соотношения локализуемого предмета с личной сферой говорящего, напр., рус. *здесь, сюда, туда, оттуда*; слов. *tu, sem, tja, odtod* и др.). В группах наречий,

выделяемых по различным параметрам: статичность/ динамичность (рус. *вперед, сзади/вперед, назад*; слов. *spredaj, zadaj/naprej, nazaj*), вертикальность/горизонтальность (рус. *вверх, сверху; вниз, внизу; вперед, назад*; слов. *gor, gori, dol, doli, nazaj, naprej*), латеральность, близость/отдаленность (рус. *вблизи, недалеко*; слов. *blizu, daleč*) и т. д., часто образуются цепочки, в которых комбинируются статические и динамические признаки, конечный/начальный пункт движения: рус. *там-туда-оттуда*, слов. *tam-tja-odtod*. В обоих языках локативные наречия часто омонимичны предлогам.

Несмотря на близость, в строении русских и словенских локативных наречий имеются различия. Так, значение направления от исходной точки часто передается в словенском языке стандартной конструкцией *od + Adv* (*od znotraj, od spredaj, od zadaj* и т.д.), в соответствии с оформленными с помощью разных приставок русских наречий (*изнутри, спереди* и т.д.). Русским латеральным наречиям *справа, слева; направо, налево* в словенском языке соответствуют (помимо *desno, levo*) предложные конструкции с лексемами *leva, desna* (результатом эллипса сочетаний *desna/leva roka/stran*): *od desne/leve, na desno/levo, na desni/levi* (ср.: рус. *по левую/правую сторону/пуку*). С другой стороны, словенские наречия *onstran, tostran* эквивалентны русским предложным конструкциям: *по ту/эту сторону*.

Различия между группами наречий как маркеров пространственных отношений связаны с наличием в одном из языков: а) единиц, не имеющих соответствий в другом языке (напр., слов. *navkreber*, характеризующее крутой подъем); б) различающихся значений соотносимых наречий (ср. межъязыковой омоним рус. *мимо* – слов. *mimo*, в сочетании с глаголом *priiti*); в) возможных специфических семантических дифференциальных признаков (так, слов. *naproti – nasproti*, по толкованиям в SSKJ, различаются по признаку «движение навстречу с дружественными/ недружественными намерениями»).

Распространенность словенских локативных наречий связана также с их употреблением в случаях, когда в русском языке употребляются приставочные глаголы (напр.: *stopite noter* и *zaходите; prodati naprej* и *перепродать*; ср. также выражение слов. *pri enem ušesu mi gre noter, pri drugem ven*, рус. *в одно ухо влетает, в другое вылетает*). В ряде случаев различия связаны с прагматическим использованием (слов.: *Naprej!* – рус. *Заходите!*).

Слов. *noter, znotraj* (группа, выделяемая по признаку учета границ локализатора) в отличие от рус. *внутри, снаружи*, соотносятся, в частности, с пространством дома (/родины), ср. также антонимичные *ven, zunaj: jesti zunaj, nastopati doma in zunaj*, что можно интерпретировать релевантностью разграничения «свое/чужое

пространство». В словенском языковом пространстве активнее, чем в русском, используется вертикальная, а не горизонтальная ось (ср. фразеологизированное *gor in dol*, а также значение 'туда' 'сюда' у наречий *gor, dol*, не отмечаемое в SSKJ).

Особенности строения русской и словенской групп наречий – маркеров пространственных отношений, подтверждаемые на материале словарей и языковых корпусов НКРЯ и Gigafida, отражают своеобразие когнитивного освоения пространства генетически родственными народами.

Л и т е р а т у р а

Корнева В.В. Лингвистика на просторах пространства (обзор публикаций последних лет).// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006, № 1. С. 154-164.

Nida E., Taber C. The Theory and Practice of Translation. Leiden. 1969.

НКРЯ = Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Gigafida = Elektronska zbirka slovenskih besedil (<http://www.gigafida.net>).

SSKJ = Slovar slovenskega knjižnega jezika [Elektronski vir]. Ljubljana, 2000 (<http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>).

Божа Кракар-Вогел (Любляна) / Voža Krakar Vogel (Ljubljana)

Литература как учебная дисциплина в школах Словении / Književnost v izobraževanju v Sloveniji

Uvod. Od druge polovice 19. stoletja do danes so se pogledi na književnost v izobraževanju pogosto živahno kresali. Poskusi vplivanja na prakso so prihajali iz pedagoške in literarne vede, kakor tudi od politike in ideologij. Zato je toliko bolj važno, oblikovati strokovno argumentacijo, zakaj poteka sodoben pouk literature po nekaterih načelih, ki jih bomo opisali v našem prispevku.

Ta načela so se pospešeno oblikovala v 90. letih ob kurikularni prenovi – prvi celostni šolski reformi v samostojni Sloveniji. Tedaj je bilo v učne načrte, gradiva in v izobraževanje učiteljev vgrajeno temeljno pojmovanje pouka kot procesa transformacijskega učenja – komunikacije med dejavnimi učenci, učiteljem in učno snovjo, tj. literaturo. Najpomembnejša dejavnost je postalo branje, ki naj poteka v dialogu med učencem in besedilom, spodbuja in usmerja pa ga učitelj.

Od reforme dalje potekajo kontinuirane posodobitve, kadar tako pokažejo raziskave prakse in sodobne vsebinsko didaktične smernice iz domačih in tujih teoretskih refleksij. Načela pouka so ta čas oblikovana takole:

1. Književnost kot vsebinska podlaga za pouk: V pouk se vključujejo tista besedila, ki zaradi zgoščene in posrečeno oblikovane esencialne literar-

nosti (Juvan 1997, Krakar Vogel 2004) in zaradi kontekstnih dejavnikov v literarnem sistemu pridobijo s časom status reprezentativnosti (večplastne primernosti za zastopanje svoje vrste). Izbirajo se reprezentativna klasična in sodobna, pa tudi reprezentativna množična besedila.

Načelu reprezentativnosti se pridružuje načelo upoštevanja nacionalne in prevodne književnosti, nekako v razmerju 60 : 40. Nekatere svetovno pomembne literature (npr. ruska) so vsaj v nekaterih obdobjih predstavljene v poglavitnih črtah nacionalnega literarnega sistema.

Iz literarne in sorodnih ved pa se vključujejo v pouk temeljna, sodobna, utrjena in preverjena spoznanja, ustrezno reducirana in jezikovno poenostavljena.

2. Načelo diferenciacije: Potrebno je upoštevati tudi bralca, njegov razvoj in horizont pričakovanj ter iz teh predpostavk oblikovati nivo zahtevnosti na določenih stopnjah šolanja. Podlaga za to sta dva didaktična modela, recepcijsko komunikacijska in sistemsko komunikacijska didaktika književnosti. Vsaka po svoje definira didaktično strukturo pouka (cilje, vsebine, metode).

2.1. Recepcijsko komunikacijska didaktika književnosti (podlaga za devetletko) je razvila za pouk naslednja priporočila: Literarni pouk naj bo v prvi vrsti prijetna, pozitivna izkušnja. Branje literarnih besedil naj senzibilizira učence za čutno, čustveno, domišljjsko sprejemanje zanimivih besedil in izražanje bralnih doživetij. Vsebino pouka tvorijo zanimiva sodobna mladinska književnost, žanri, v manjši meri pa tudi aktualna reprezentativna besedila iz prejšnjih obdobj in iz nemladinske književnosti. Literarnozgodovinski pregled na tej stopnji ni sistematičen, vključuje le nekaj podatkov o avtorju. V šolski interpretaciji je posebej poudarjena uspešna motivacija, doživljajski pogovor ter druge oblike opisnega in ustvarjalnega izražanja

2.2. V okviru sistemske didaktike (podlaga za gimnazije) so zahteve večje: Komunikacija učenca z literaturo pomeni spoznavanje in vrednotenje celostnega literarnega sistema – besedil in kontekstnih dejavnikov. Kritično branje posameznih literarnih besedil je izhodišče za razvijanje kompleksne bralne in za njihovo umeščanje v (med)kulturni kontekst v sinhroni in diahroni perspektivi. Literarne vsebine tvorijo predvsem tista besedila iz nacionalne in prevodne književnosti, ki so za razvoj literarnega in kulturnega sistema reprezentativna, ključna, kanonizirana. In tista, ki se v literarni sistem vidno vključujejo zaradi trajne široke popularnosti, sprejemljivosti za bralce. (Krakar Vogel, Blažić 2013).

3. Razvijanje ključnih kompetenc: Taka zasnova literarnega pouka lahko prispeva tudi uresničevanju širših čezpredmetnih ciljev izobraževanja, tj. tistih ključnih znanj, spretnosti in vrednot, ki jih sodobni posameznik potrebuje na različnih področjih osebnega in družbenega življenja in dela. K njim

posamezni šolski predmeti prispevajo določen delež, če ob prizadevanju za doseganje predmetnega znanja sistematično poudarjajo tudi vsebine, dejavnosti in vrednote »za življenje«, ki jih je mogoče povezati s podobnim znanjem pri drugih predmetih. Ugotovili smo, da literarni pouk prispeva zlasti k razvoju sporazumevanja v maternem jeziku, kulturne zavesti in širših socialnih in personalnih kompetenc. (Jožef Beg: 2015). – Raziskali smo tudi rezultate teh prizadevanj v znanju in stališčih učencev in ugotovili, da je marsikdaj njihova samoocena višja od dejanskega znanja.

Введение. Начиная со второй половины XIX в. взгляды на изучение литературы в школе стремительно изменялись. Попытки преобразования учебной практики исходили не только от педагогики и литературоведения: на процесс обучения определенное влияние оказывала политика и идеология. Поэтому главной задачей настоящей работы является научное обоснование принципов, лежащих в основе процесса обучения в современных школах.

Ускоренное формирование этих принципов происходило в 1990-е гг. после реформы учебных программ – первой школьной реформы в независимой Словении. В это время в основу образовательных программ была положена концепция трансформационного обучения, т.е. активного взаимодействия между учителем, учеником и учебным материалом (в данном случае – литературой), что повлияло на подбор учебного материала и подготовку педагогов. Основным видом работы на уроке стало чтение, в ходе которого ученик, поощряемый и направляемый учителем, вступал в непосредственный контакт с текстом. Начав действовать, реформа, как показывают практические исследования и новейшие теоретические разработки национальной и зарубежной дидактики, постоянно корректировалась.

В настоящее время изучение литературы в школе опирается на следующие дидактические принципы:

1. Принцип содержательности и наглядности текста: На уроках используются тексты, которые благодаря своей «характерной и ярко выраженной литературности» (Juvan 1997, Krakar Vogel 2004), а также месту, которое они занимают в литературной жизни, получили статус образцовых (т.е. наиболее репрезентативно представляющих конкретный жанр). В качестве литературных образцов помимо классических и современных текстов избираются произведения массовой литературы.

С принципом репрезентативности связано требование учёта не только национальной, но и переводной литературы (в соотношении 60:40). Об этапах развития крупнейших национальных литератур (например, русской) на уроках рассказывается более подробно. На уроках в краткой и доступной для понимания учащихся форме их знакомят с основными актуальными знаниями смежных с литературой дисциплин.

2. Принцип доступности материала: Необходимо учитывать уровень развития читателя и горизонт его ожиданий и исходя из этого формировать требования, предъявляемые на определенных этапах обучения. На основании этого принципа в дидактике выделяют два различных подхода к преподаванию литературы: рецептивно-коммуникативный, системно-коммуникативный и дидак-

тический. В каждом из них по-своему определяется структура занятия (цели, содержание, методы).

2.1. Рецептивно-коммуникативная образовательная модель (для 1- 9 классов) выработала следующие педагогические рекомендации: занятия литературой должны нести позитивный опыт, приносить удовольствие; чтение должно развивать в учениках творческое и эмоциональное восприятие литературного текста, учить их выражать свои читательские переживания. Содержательная основа урока складывается преимущественно из современной литературы для юношества и произведений популярных жанров, в меньшей степени в учебную программу включаются тексты предшествующих периодов. Историко-литературоведческий обзор в рамках данного подхода не имеет систематического характера, он затрагивает лишь некоторые сведения из биографии автора. При интерпретации произведения приоритет отдается активному сопереживанию и обсуждению текста, а также другим описательным формам и использованию учеником выразительных средств языка.

2.2. В системной дидактической модели (для гимназий) требования к обучению выше: взаимодействие ученика с литературой означает изучение целостной литературной системы, т.е. рассмотрение произведений в контексте истории литературы. Критическое чтение отдельных текстов – отправная точка для развития панорамного читательского видения, оно позволяет помещать их в синхронный и диахронный (меж)культурный контекст. Большую часть списка по литературе согласно рекомендациям этой модели составляют важнейшие канонические тексты из национальной и переводной литератур, наглядно демонстрирующие этапы развития литературы и культуры. В школьную программу также входят и тексты, «получившие широкую популярность и признание у массового читателя» (Krakar Vogel, Blažič 2013).

3. Развитие ключевых компетенций: Такой принцип преподавания литературы может подразумевать более широкие, внедисциплинарные образовательные задачи, т.е. получение знаний и навыков, необходимых современному человеку в частной жизни и общественной практике. Этим целям в разной степени служат те школьные предметы, на которых ученик систематически получает не только твердые знания «для школы», но и формирует взгляды и навыки «для жизни». Мы пришли к выводу, что уроки литературы, как ни один другой школьный предмет, наряду с углублением представления о родном языке, «воспитывают культурное сознание, разнообразные социальные и личностные компетенции». (Beg 2015). Однако при проверке знаний в школе мы обнаружили, что самооценка учеников порой превышает фактический уровень знаний.

Перевела Анастасия Моругина

Literatura

- Jožef Beg J.* Razvijanje ključnih zmožnosti pri književnem pouku v gimnaziji.// Doktorska disertacija. Ljubljana, 2015.
- Juvan M.* Vprašanje o literarnosti – nekaj uvodnih opažanj. Slavistična revija, 45, št. 1-2. Ljubljana, 1997.
- Krakar Vogel B.* Poglavlja iz didaktike književnosti. Ljubljana, 2004.
- Krakar Vogel B., Blažič M.* Sistemska in recepcijska didaktika književnosti v teoriji in praksi. Ljubljana, 2013.

Александра Красовец (Москва)

Цветка Липуш и Майя Хадерлап: множественная языковая и культурная идентичность словенских поэтесс австрийской Каринтии

Цветка Липуш (1966), австрийская поэтесса словенского происхождения, родилась также, как и ее соотечественница, двуязычная австрийско-словенская поэтесса и писательница Майя Хадерлап (1961), в Айзенкаппель-Феллахе (слов. Железна Капла), обе являются представительницами словенского меньшинства в австрийской Каринтии. Цветка Липуш изучала литературу в университетах Клагенфурта, Вены и Питтсбурга, пятнадцать лет прожила в США, сейчас живет в Зальцбурге. Она — автор семи поэтических сборников, отмеченных рядом важных премий, последний из которых «Что мы, когда мы» («Kaj smo, ko smo», 2015) в 2016 г. получил награду фонда имени Прешерна.

Майя Хадерлап изучала немецкий язык, философию и театральное искусство в Венском университете, защитила докторскую диссертацию. Работала как драматург в театрах Триеста, Любляны и Клагенфурта, преподает историю театра и драматургию в университете Клагенфурта. Автор ряда поэтических сборников, один из которых в 1989 г. также получил награду фонда имени Прешерна. За свой роман «Ангел забвения» («Engel des Vergessens», 2011) Майя Хадерлап была удостоена премии Ингеборг Бахман, одной из самых главных литературных наград в среде немецкоговорящих авторов. Писательница посвятила свой романский дебют воспоминаниям своей бабушки и отца, пережившим нежелое испытание Второй мировой войной и нацизмом, отложившим неизгладимый отпечаток на словенцах австрийской Каринтии. Книга вышла десятитысячными тиражами, была неоднократно переиздана. В 2014 г. на немецком языке был опубликован поэтический сборник Хадерлап «Langer Transit» («Долгий переход»), в апреле 2016 г. увидел свет его словенский перевод «Dolgo prehajanje».

Обе поэтессы живут между разными языками, которые в равной степени являются частью их идентичности. Немецкий язык представляет язык их повседневного общения и работы, однако, словенская идентичность в виде языка так или иначе занимает главенствующее место в их творчестве. Цветка Липуш вопреки своему триязычию всегда пишет стихи по-словенски, делая акцент на том, что словенский для нее — это ничто иное как само собой разумеющееся, поэтому ее поэзия носит более аналитический характер и глубокую саморефлексию. Поэтическое погружение в себя, в свою самость — это всегда также столкновение с языком и его границами, так поэзия Цветки Липуш становится медита-

цией на тему идентичности, личной и коллективной. Язык – как та нить, которая связывает различные идентичности автора, географические и культурные пространства, в которых ей довелось жить; с темой идентичности соотнесены вопросы миграции, Другого, чуждости и инакости, открытость другим пространствам, а также связь с родным краем, с родом и предками. Майя Хадерлап задается теми же вопросами: семья, род, язык. Название ее сборника – это долгий переход между языками, родным словенским и немецким. Один из циклов напрямую посвящен теме языка, словенской идентичности как принадлежности к малому народу, которая воспринимается как непрекращающийся бой; язык ощущается как что-то физическое, почти физиологическое, интимное и сокровенное, уходящее в область бессознательного. Все это еще тем интереснее, что поэтесса создает свою лирическую рефлексию на немецком языке, сама она отмечает, что для нее переход из одного языка на другой — нечто естественное и составляет неотъемлемую часть ее существования, доказательством этому являются строки на словенском языке, внедренные в немецкоязычный текст. В нашем докладе мы постараемся проследить всю многосложность языковой идентичности австрийско-словенских поэтесс, их двумерный взгляд на словенское культурное пространство.

Л и т е р а т у р а

Lipuš C. Kaj smo, ko smo. Ljubljana, 2015.

Haderlap M. Angel pozabe. Ljubljana, 2012.

Haderlap M. Dolgo prehanje. Ljubljana, 2016.

Эрика Кржишник (Любляна) / Erika Kržišnik (Ljubljana)

Словенские и русские компаративные фразеологизмы с зоонимным компонентом / Slovenski in ruski primerjalni frazemi z zoonimno komponento

1. Zanimajo nas frazeološke primere z živalsko komponento (zoonimom). V njih se s poleg lastnosti/dejanj, ki jih živali imajo/opravljajo, opisujejo tudi take, ki se jim le pripisujejo (*zvit kot lisica – хитрый как лиса (лисица)*). Jezikovnospecifične so lahko ne le pripisane lastnosti, npr. zvitost ('premetenost') lisice, temveč tudi za žival objektivno tipične, npr. dolgoživost želve je frazeologizirana v večini slovanskih jezikov, ne pa tudi v slovenščini. Tako stanje kaže Hrvatsko-slavenski rječnika poredbenih frazema (dalje HSRPF), ki nam pri analizi služi kot glavni vir gradiva.

HSRPF, ki je izšel l. 2006, je ne le večjezični, temveč tudi večavtorski slovar. V njem je zbran korpus primerjalnih frazemov (dalje PF) v 9 slovan-

skih jezikih, poleg slovenščine in ruščine še hrvaščina, makedonščina, bolgarščina, ukrajinščina, poljščina, češčina in slovaščina. Kot soavtorica se zavedam pomanjkljivosti večjezičnih slovarjev z enojezičnim izhodiščem (hrvaščina) in večavtorstvom. Ob pripravi gradiva za ta prispevek zato smo za preverjanje ruskih frazemov upoštevali tudi *Slovar' sravnenij russkogo jazyka* V. M. Mokienka (2003).

2. Za obravnavo PF z zoonimom smo v HSRPF našli 154 slovensko-ruskih frazemskih parov, od katerih ima(jo):

- 104 pari zoonimno komponento v obeh jezikih;
- 30 frazemov v enem od jezikov nima ustreznika z zoonimom: 13 nezoonimnih je slovenskih, npr. *ползти как гусеница – vleči se kot megla*, in 14 ruskih, npr. *skrивати (tajiti) kot kača noge kaj – прятать как краденое что*;
- pri 23 frazemih eden od ustreznikov ni naveden: 17 jih je brez slovenskega, npr. ob ruskem *есть как акула*, in 6 brez ruskega frazema, npr. ob *greti se (ležati na soncu) kot martinček*.

Slovensko-ruske pare z zoonimom je mogoče dalje deliti na pare z:

- različnima zoonimoma *letati (divjati, tekati ipd.) kot muha brez glave – нестись (бегать ipd.) как угорелая кошка*;
- delno različnima: a) zoonimoma a₁) *prenašati kot mačka mlade kaj – таскать с собой как кошка котят что*; a₂) v okviru iste nadpomenke <stisnjeni> *kot sardine – как сельди в бочке*; b) nezoonimnima deloma *vrtneti se kot muha v močniku – запутаться (увязнуть, завязнуть) как муха в паутине*;
- istim zoonimom: a) popolni ekvivalenti *jesti kot vrabček – есть как воробышек*; b) neuravnoteženi ekvivalenti, npr. *delati kot konj – работать как лошадь/ушак*; *pada se kot kravi/svinji sedlo komu – идёт как <к> корове седло кому что*.

3. Nekateri posebnosti

Apresjan (1974, 67/68) izpostavlja posebnosti v konotacijah ruskih leksikalnih parov *собака/нѣс* in *ушак/осѣл*. V HSRPF se *нѣс* pojavi samo kot variantna komponenta v dveh frazemih (*собака* v 15): *голодный как собака (нѣс) in умереть (подохнуть) как собака (нѣс под забором)*. Razmerje do slovenskih frazemov s *pes* dodatno zaplete dejstvo, da v slovenščini *kot pes* dobiva vrednost intenzifikatorja. Drugi par *ушак/осѣл* ima v slovenščini približno ustrezno dvojico v *mula/osel*, vendar se njuna distribucija v frazemih obeh jezikov ne prekriva: v HSRPF stopa *ушак* v par z *лошадь (работатъ как лошадь/ушак = delati (garati) kot konj)*, slovensko *mula* pa v par z *osel (trmast kot osel/mula = упрямый как осѣл)*.

V slovensko-ruski zoonimni frazeološki par je treba postaviti tudi frazema *je kot rusov koga – как муравьѣв кого*. Etimološko gre pri komponenti *rus* za dialektalno poimenovanje ščurku podobne žuželke, vendar pa se zoonimna

motivacija v slovenščini izgublja in se v sodobnosti pretežno »navezuje na Ruse in njihovo številčnost« (Keber 2011, Slovar slovenskih frazemov, 839). V korpusu *Gigafida* z iskanjem »kot rusov« dobimo 41 frazeoloških zadetkov z razmerjem 36 (*Rusov*) : 5 (*rusov*).

Bik v slovenskih in ruskih primerjalnih frazemih: V HSRPF so kot izhodiščni navedeni 4 hrvaški primerjalni frazemi: *bijesan kao bik, jak kao bik, kao bik na gmajni, zdrav kao bik*. V slovenščini je ekvivalenten le *močen/močan kot bik*, v ruščini poleg tega (*сильный как бык*) še *здоровый как бык*. V HSRPF pa je še en frazem, kjer samo v slovenščini kot variantna nastopa komponenta *bik*. Gre za frazem *gledati kot tele (bik) v nova vrata*. Ruščina ima na tem mestu naveden zoonim *баран: смотреть (установиться) как баран на новые ворота*, vsi drugi upoštevani jeziki pa le *tele*. Natančnejši pregled po slovarjih razkrije, da obstaja v slovenščini še sinonimni frazem *gledati kot zaboden bik* (Keber 2011: 73), za ruščino pa v Mokienkovem Slovarju sravnjenij ruskogo jazyka (2003: 52/53) najdemo tudi frazem *хлопать глазами как оглушенный бык*, od katerega se napotuje k *баран*, kar pomeni, da gre za sinonimni frazem. *Bik* kot zoonimna komponenta torej v konotaciji kaže za slovenščino več skupnega z ruskimi kakor hrvaškimi frazemi s to komponento.

1. Нас интересуют фразеологизмы, включающие в себя наименования животных (зоонимы). С их помощью описываются свойства/действия, которые имеют/совершают животные или им приписываются (*zvit kot lisica – хитрый как лиса (лисица)*). Лингвоспецифичными могут являться приписываемые животному качества, например хитрость (изворотливость) лисицы, а также объективные типичные характеристики: например, продолжительность жизни черепахи фразеологизирована в большинстве славянских языков, но не в словенском. Эти данные содержатся в словаре «Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema» (далее HSRPF), который послужил нам при анализе в качестве главного источника материала.

HSRPF, вышедший в январе 2006 г., – словарь, отличающийся не только многообразием языков, но и большим коллективом авторов. В нем собран корпус компаративных фразеологизмов (далее КФ) девяти славянских языков: помимо словенского и русского он включает также хорватский, македонский, болгарский, украинский, польский, чешский и словацкий материал. Будучи соавтором данного словаря, я осознаю недостатки мультилингвальных словарей с одним исходным языком (хорватским), составленных большим авторским коллективом. В связи с этим, чтобы проверить русские фразеологизмы, при подготовке материала для настоящей работы мы использовали также «Словарь сравнений русского языка» В. М. Мокиенко (2003).

2. С целью рассмотрения КФ с зоонимной составляющей мы выделили в HSRPF 154 словенско-русских пар фразеологизмов, из которых:

- 104 пары обладают зоонимным компонентом в обоих языках;
- 30 фразеологизмов в одном из языков не имеет соответствия с зоонимом: 13 «незоонимных» единиц относится к словенскому языку, например,

ползти как гусеница – *vleči se kot megla*, и 14 – к русскому, например, *skrivati (tajiti) kot kača noge kaj* – прятать как краденое что-либо;

- у 23 фразеологизмов один из эквивалентов не указан: 17 не имеет словенского соответствия, например рус. *есть как акула*, и 6 – русского, например, слов. *greti se (ležati na soncu) kot martinček*.

Словенско-русские пары фразеологизмов с зоонимным компонентом далее можно подразделить на пары с:

- различными зоонимами: *letati (divjati, tekati* и т.п.) *kot muha brez glave* – нестись (бегать и т.п.) как угорелая кошка;

- частично различающимися: а) зоонимами а₁) *prenašati kot mačka mlade kaj* – таскать с собой как кошка котят что; а₂) в рамках одного и того же гиперонима <*stisnjeni*> *kot sardine* – как сельди в бочке; б) незоонимными компонентами *vrteni se kot muha v točniku* – запутаться (увязнуть, завязнуть) как муха в паутине;

- идентичным зоонимом: а) абсолютные эквиваленты *jesti kot vrabček* – есть как воробышек; б) неполные эквиваленты, например. *delati kot konj* – работать как лошадь/ишак; *pada se kot kravi/svinji sedlo komu* – идѐт как <к> корове седло кому что.

3. Отдельные особенности

Апресян (1974, 67/68) отмечает особенности коннотации русских лексических пар *собака/нѐс* и *ишак/осѐл*. В HSRPF *нѐс* фигурирует исключительно в качестве вариативного компонента у двух единиц (*собака* у 15-ти): *голодный как собака (нѐс)* и *умереть (подохнуть) как собака (нѐс под забором)*. Соотношение со словенскими фразеологизмами, имеющими в составе *pes*, дополнительно усложняется тем фактом, что в словенском языке *kot pes* обладает свойством интенсификатора. Другая пара *ишак/осѐл* в словенском языке имеет приблизительное соответствие *mula/osel*, однако их дистрибуция в составе фразеологизмов обоих языков не пересекается: в HSRPF *ишак* встречается в паре с *лошадью (работать как лошадь/ишак = delati (garati) kot konj)*, а словенское *mula* – в паре с *ослом (trmast kot osel/mula = упрямый как осѐл)*.

Как словенско-русскую зоонимную фразеологическую пару следует рассматривать единицы *je kot rusov koga* – как муравьѐв кого-либо. Этимологически компонент *rus* восходит к диалектному наименованию насекомого, похожего на таракана, однако зоонимный мотивационный признак в словенском языке утрачивается и в современном мире преимущественно «ассоциируется с русскими и их многочисленностью» (Keber 2011, Slovar slovenskih frazemov, 839). В корпусе *Gigafida* поиск «*kot rusov*» выдает 41 вхождение фразеологизмов с соотношением 36 (*Rusov*) : 5 (*rusov*).

Бык в словенских и русских компаративных фразеологизмах: в HSRPF в качестве исходных приведены четыре хорватские компаративные единицы: *bijesan kao bik, jak kao bik, kao bik na gmajni, zdrav kao bik*. В словенском языке эквивалентом является только *močen/močan kot bik*, в русском, помимо аналогичного *сильный как бык*, присутствует также *здоровый как бык*. В HSRPF содержится еще одна единица, обнаруживающая вариативный компонент *bik* только в словенском языке. Имеется в виду фразеологизм *gledati kot tele (bik) v nova vrata*. Его русский аналог включает в себя зооним *баран*: *смотреть (уставиться) как баран на новые ворота*, в то время как все другие рассматриваемые

языки – только *теленек*. Более подробный анализ словарей показал, что в словенском языке существует также синонимичный фразеологизм *gledati kot zaboden bik* (Keber 2011: 73); в «Словаре сравнений русского языка» Мокиенко (2003: 52/53) мы зафиксировали русский фразеологизм *хлопать глазами как оглушенный бык*, отсылающий к словарной статье *баран*, что также свидетельствует о его синонимичности. Таким образом, коннотация зоонимного компонента *бык* обнаруживает в словенском языке больше сходств с русским, нежели с хорватским языком.

Перевела Мария Кулешова

М.Л. Кулешова (Москва)

Общеоценочные прилагательные с положительной коннотацией в словенском языке: семантика и сочетаемость

Особенности словенских общеоценочных прилагательных на данный момент описаны недостаточно полно. Как известно, данные лексемы не содержат эксплицитных дескриптивных смыслов [Вольф 1985: 28], [Аругинова 1988: 75], однако их семантика неоднородна (см., например, [McConnell-Ginet 1979]). Общеизвестна классификация общеоценочных положительных смыслов Х. фон Вригта, приводимая Е.М. Вольф: «добро» инструментальное (*хороший нож*), техническое (*хороший шофер*), медицинское (*хорошие глаза*), утилитарное (*хороший план*), гедонистическое (*хороший запах*) и «добро» человека (*хороший поступок*) [Вольф 1985: 27]. Рассмотрим, как данные семантические компоненты распределяются в рамках значений словенских общеоценочных лексем.

Доминантной единицей в ряду анализируемых прилагательных является лексема *dober*, способная выражать семантику всех вышеперечисленных видов «добра». Тем не менее в области гедонистического «добра» в качестве его главного конкурента выступает прилагательное *lep* (*lepo vreme*, *lep vtis*), эксплицирующее не только частную эстетическую оценку, но и общеоценочные смыслы, пересекающиеся с *dober* и требующие более тщательного анализа. Так, например, в сфере утилитарного «добра» для словенского языка естественны такие словосочетания, как *lep načrt* или *lep začetek*, сохраняющие определенный имплицитный гедонистический смысл, но маловероятно сочетание лексем *?lep nasvet* и невозможно **lepa politika*. Такого рода сочетания, как *lep poklic* или *lep položaj*, также отличаются от аналогичных с *dober* менее прагматическим подтекстом. Как подтип утилитарного «добра» может трактоваться значение 'крупный по сумме', свойственное обоим прилагательным: *dobra/lepa plača*, *dobra/lepa dota*. Кроме того, как *lep*, так и

dober употребляются в сочетаниях, характеризующих «добро» человека (*dobre/lepe lastnosti, dobro/lepo ravnanje*), при этом *lep*, безусловно, является более интенсивным выразителем положительной оценки.

В словенском, как и в других языках, намечается тенденция к грамматикализации общеоценочных прилагательных в определенных контекстах (см., например, об английском языке [Егорова 2013: 219]). В частности, *dober* и *lep* приобретают значение 'значительный по размеру, количеству': «*dober odstotek volivcev*», «*lep del svoje igralske kariere*» (примеры из корпуса *Gigafida*); *dober* функционирует в качестве маркера приблизительности в сочетании с мерами веса, объема и т.п.: «*dober kilometer ceste*». Несомненно также прагматикализация (*dober dan, lep pozdrav*) и идиоматизация (*biti na dobrem glasu, ne imeti lepe besede za koga*) отдельных словосочетаний с данными лексемами.

Предметом нашего исследования являются также другие прилагательные, служащие для выражения общей оценки: *čudovit, fantastičen, odličen, krasen, prekrasen, sijajen, izvrsten, imeniten* и т.д. Критерии их дифференциации различны: в частности, выделяются лексемы, способные характеризовать человека в моральном аспекте (*čudovit človek, krasen človek, sijajen človek*) – с нашей точки зрения, это еще один особый параметр «добра» – а также прилагательные, которым свойственно обозначать техническое «добро» (*izvrsten strokovnjak, odličen športnik, sijajen trener*). В числе сленговых наименований, наряду с несклоняемыми *kul* и *super*, необходимо упомянуть общеоценочное употребление прилагательного *svetoven* в позиции предиката: «*Ti čevlji so svetovni!*» (пример из Интернета). Сочетаемость всех вышеперечисленных прилагательных индивидуальна и, как будет доказано в докладе, не всегда может быть объективно описана.

Л и т е р а т у р а

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
Егорова М.А. Лексикализация, грамматикализация, прагматикализация: английское прилагательное *good* // Известия ВГПУ, No2(261). Воронеж, 2013. С. 217-220.
McConnell-Ginet S. On the Deep (and Surface) Adjective Good // Contribution to Grammatical Studies: Semantics and Syntax. Volume II. Leiden, 1979. P.132-150.

Л.В. Куркина (Москва)

**Словенская лексика в «Этимологическом словаре
славянских языков. Праславянский лексический фонд»
вып. 1- (М., 1974-)**

Словенская лексика входит в круг источников, на основании которых осуществляется реконструкция и этимологизация праславянского лексического фонда в «Этимологическом словаре славянских языков», работа над которым ведется в Москве. Словенский язык, расположенный на периферии славянского языкового пространства, является хранителем архаичных явлений, расширяющих наши знания о составе славянских морфонологических, словообразовательных моделей, географии славянского слова, генетических связях на индоевропейском уровне. Начало такому подходу к изучению словенской лексики положили труды акад. Ф. Безлая (Bezljaj 1967). Если подойти к оценке структуры восстанавливаемых праславянских лексических диалектизмов с позиции словенского языка, то можно на основе сравнительно-исторического сопоставления выделить некоторые типы архаичных образований, включение которых в этимологические связи углубляет представления о диалектной дробности исходной системы.

1 Праславянские лексические диалектизмы, сохранившиеся на словенской территории, с родственными связями в балтийских языках: ср. словен. *távati* 'тяжело ступать' ~ лит. *taujóti* 'бродяжничать'; словен. *rěšek* 'раст. *Sonchus asper*' лит. *eršketis* 'колючка, шип'; словен. *snúiditi se* 'шмыгать, сновать' ~ лит. *snáusti* 'дремать', 'медлить, колебаться' и т.д.

2 Лексические диалектизмы, засвидетельствованные в западной части ю.-слав. ареала, позволяют восстановить некоторые ступени чередования и таким образом представить некоторые основы с полным набором ступеней чередования ср. словен. *sprostí* мн. 'распорка в ткацком станке' (~ лит. древн. *spranstas* 'рама для натягивания полотна') с корневым вокализмом -о-, связанное отношением производности от гл. **sъ-pręd-ti*; словен. *mléden* 'худой, осунувшийся', хорв. *mlédan* 'худой', 'безвкусный, пресный' ~ слав. *modъ*; словен. *rúgati se* 'рыгать' ~ слав. **rygati*, лит. *rūgti* с тем же значением; словен. *krzma: otroke v krzmi imeti* 'держат детей в строгости', с.-хорв. *krzmati* < **krsmati* < **krъsmati* ~ слав. **krosno* и т.д.

3 Материалы словенского языка позволяют пополнить состав некоторых лексико-словообразовательных типов архаичными образованиями, унаследованными из праславянской эпохи: ср. с *j*-суффиксом словен. *grúže* 'парша, чесотка' (ср. польск. *gruz* 'щебень') ~ лит. *gráužas* 'крупный песок'; словен. *súček* 'пряжа', 'водоворот', хорв. *suč* 'катушка

с намотанными нитками' ~ слав. **sukati*; с суф. *-tva* словен., с.-хорв. *pletva* 'прополка' ~ слав. **pelti*; с преф. *pa-* словен. **páščiti se* 'стараться, трудиться', с.-хорв. *paštiti se* 'торопиться, спешить', 'стараться, трудиться' < **тъщ-* и т.д.

4 Словенские диалектизмы расширяют географию древних слов: словен. диал. *žveno* (Рохогје) свидетельствует о том, что эта лексема была известна на всей ю.-слав. территории (ср. Фасмер II: 86) и т.д.

Устойчивые характеристики, связывающие словенский язык вместе с западноюжнославянскими диалектами (чакавским, кайкавским) с балтийскими и другими индоевропейскими языками, а также изолексные связи в славянском языковом пространстве дают некоторые основания для восстановления уже в системе праславянского языка некой исходной диалектной структуры, непрерывно развивающейся, ставшей основой будущего словенского языка (Куркина 1992).

Л и т е р а т у р а

Куркина Л.В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Любляна. 1992.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Т. I-IV. М., 1964-1973.

Bezljaj F. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

Барбара Иванчич Кутин (Любляна) / Barbara Ivančič Kutin (Любляна)

Мотивы преданий о «кривопетах» / Motivi v pripovedih o krivopetah

Slovensko folklorno izročilo o krivopetah, divjih ženah z nazaj zasukanimi stopali je (bilo) znano v Nadiških dolinah v Benečiji, ter v nekaterih delih Zgornjega Posočja: v Trenti, v Breginjskem kotu in na Livškem. Poimenovanje tega ženskega mitskega bitja z obrnjenimi stopali ima več lokalnih narečnih oblik: krivopeta, krivapeta, kriva peta, krivopeka, krivopetnica, dujepetka, častitjova žena ...

Razen na omenjenih predelih severozahodnega roba slovenskega (in slovanskega) etničnega prostora drugod na Slovenskem pa tudi pri sosednjih slovanskih, romanskih in germanskih narodih, kot kaže, krivopet ne poznajo. Ženska, največkrat demonska, antropomorfná bitja s podobno deformacijo nog pa so znana v nekaterih drugih izročilih na različnih koncih sveta: v zahodni Indiji in v goratih predelih Armenije, še posebej pa je bogato v folklori nekaterih ljudstev Srednje in Južne Amerike.

Fizične lastnosti (z izjemo nazaj zasukanih stopal) in značajske lastnosti krivopet se prekrivajo z drugimi ženskimi (včasih tudi moškimi) bajčnimi bitji, kot so divji ljudje (divja baba, divji mož), velikani in velikanke (gejdi,

gejdukinje), različne vile (bele žene, žalik žene, rojenice...), rusalke, anguane, celo čarovnice. Zato so krivopete v strokovni literaturi (npr. v pregledih slovenske mitologije) obravnavane v sklopu sorodnih ženskih mitskih bitij kot, so npr. divje žene in vile. Avtorji jih opisujejo kot bitja z ambivalentnim značajem, ki s svojim znanjem vedenjem ter tudi obvladovanjem vremenskih pojavov lahko človeku pomagajo, po drugi strani pa mu lahko storijo veliko škode.

Pripovedi o krivopetah, ki jih najdemo v objavah in arhivskih zapisih, vsebujejo različne motive, večino bi lahko uvrstili v katero od naslednjih skupin:

- 1) ugrabijo človeka (otroka ali odraslega moškega);
- 2) krivopeta se omoži s človekom;
- 3) svetujejo oračem;
- 4) naučijo ljudi delati stvari, ki jih še ne znajo;
- 5) moški krivopeto ujame v razcepljeno deblo in jo pusti v gozdu;
- 6) krivopete kot lastnice bogastva in/ali čred divjih koz.

Pogoste so tudi pripovedi oz. fragmenti, kako so se ljudje bali krivopet ali z njimi strašili otroke. Motivi se lahko prepletajo oz. se pojavljajo skupaj v isti pripovedi. Starejši motivi se nekoliko razlikujejo od mlajših zapisov, predvsem so se krivopete otresle ekstremne okrutnosti in so skozi čas pridobile milejše in prijaznejše poteze (motiv kanibalizma, ki je bil v Trinkovih zapisih najpogostejši, je v novejših virih redkejši).

Motivi v zgodbah o krivopetah se pokrivajo ali deloma prekrivajo z motivi, ki so razširjeni ne le v slovenski in slovanski pač pa tudi v evropski in svetovni folklori, kot je npr. motiv poroke ženskega mitskega bitja s človekom; zakonska sreča traja, dokler mož ne prelomi tabuja, kot je npr. poimenovanje (zmerjanje) ženske z njenim pravim imenom.

Словенские предания о «кривопах» – женщинах, ступни которых развернуты задом наперед, (были) известны в Венеции, в долине реки Надижа, а также в некоторых районах верхней реки Соча: Трента, Брегински Кот, Ливно. Для обозначения существа женского пола, у которого ступни обращены в противоположном направлении, использовались разные термины: «*krivopeta*», «*krivapeta*», «*kriva peta*», «*krivopeka*», «*krivopetnica*», «*dujepetka*», «*častitjova žena*» и т.д.

За пределами упомянутых территорий северо-западной (а также славянской) этнической территории Словении, равно как и у соседних славянских, романских и германских народов, этот мифический персонаж не присутствует. Предания о существе женского пола, как правило, потустороннем и антропоморфном, характеризующемся аналогичной деформацией стопы, бытуют, например, в горных районах Армении, а также весьма широко представлены в мифах народов Центральной и Южной Америки.

Физические свойства (если не считать вывернутую ступню) и характерные признаки «кривопах» коррелируют с особенностями других женских (а порой и

мужских) мифологических существ, таких как «дикие» люди («*divja baba*», «*divji mož*»), гиганты обоих полов («*gejdi*», «*gejdukinje*»), феи-«вилы» («*bele žene*», «*žalik žene*», «*rojenice*»), русалки, «ангуаны» и даже ведьмы. Поэтому «кривоветы» в специальной литературе (например, в обзорах словенской мифологии) рассматриваются в увязке с другими мифологическими фигурами женского пола – такими как «дикие» женщины или «вилы». Авторы указывают, что это существа, обладающие амбивалентным характером: с одной стороны, имея определенные знания и навыки, помогают человеку в битве со стихией, с другой стороны – способны причинить немалый ущерб.

Предания о «кривоветях», сохранившиеся в публикациях или архивных свидетельствах, разноплановы, но их можно распределить по следующим категориям, где они:

- 1) похищают человека (ребенка или взрослого мужчину);
- 2) вступают в брак с мужчиной-человеком;
- 3) дают советы пахарям;
- 4) обучают людей действиям, ранее им не известным;
- 5) с подачи мужчины попадают в ловушку в виде расщепленного дерева и остаются брошенными в лесу;
- 6) обладают сокровищем или стадом диких коз.

Распространены также рассказы, или отрывки преданий, говорящие о том, как люди боялись «кривовет» и пугали ими детей. Мотивы могут переплетаться или возникать одновременно в одном и том же повествовании. Более древние мотивы несколько отличаются от позднейших – «кривоветы», прежде всего, перестали наделяться крайней жестокостью, их образы смягчились, они стали доброжелательнее (мотив каннибализма, чаще всего присутствовавший в записях Тринко, в новейших источниках весьма редок).

Мотивы, представленные в преданиях о «кривоветях», полностью или частично совпадают с мотивами, распространенными не только в словенском или славянском, но и в европейском, а также мировом фольклоре: это, к примеру, мотив брака между мифическим персонажем женского пола и мужчиной-человеком; семейное счастье длится до тех пор, пока муж не нарушит табу – например, не назовет (оскорбит) жену, используя ее настоящее имя.

Перевела Жанна Перковская

Андрея Леган-Равникар (Любляна) / Andreja Legan Ravnikar (Ljubljana)

Влияние контактного языка – немецкого – на семантические изменения и стилистическую окраску древнейшей словенской литературной лексики (16 век) / Vpliv stičnega jezika – nemščine na semantične spremembe in stilno vrednost najstarejše slovenske knjižne leksike (16. stoletje)

Pri leksikografskem delu za zgodovinski *Slovar slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja* (prvi zvezek, A–D) se zaradi različnih neposrednih in

posrednih jezikovnih stikov z nemščino srečujemo s problematiko, ki jo znotraj jezikoslovne znanosti preučuje kontaktno jezikoslovje. S pomočjo njegovih teoretičnih izhodišč in raziskovalnih metod želimo ugotoviti, kako in zakaj prevzete besede v postopku integracije v slovenski jezikovni sistem doživljajo pomenske spremembe in spreminjajo stilno vrednost. To je mogoče ugotoviti iz sobesedilne rabe prevzetih besed, potrjenih v slovenskih knjižnih virih iz druge polovice 16. stoletja (1550 – 1603). Predvsem nemške prevodne predloge (večinoma verskih besedil) so vplivale tudi na pomenske spremembe domačih besed, največkrat v smeri polisemije in širjenja njihovega pomenskega polja.

Sprejem jezikovnih prvin iz jezika dajalca (iz nemščine ali z njenim posredovanjem) v jezik prejemnik (slovenščino) poteka na vseh ravneh jezikovnega sistema. Zaradi procesov transfonemizacije (fonemi jezika dajalca se prilagodijo oz. zamenjajo s sorodnimi iz jezika prejemnika) in transmorfologizacije (Filipović 1986: 69-76, 119-152, Newerkla 2004: 40-65), transmorfologizacije in transderivacije (Ajduković 2004b: 144-167, 178-190, zgledi v Ajduković 2004a) prevzete besede v knjižnem jeziku 16. stoletja izkazujejo variacije glede na zapis, izgovor in zamenjave fonemov, variantne oblikoslovne kategorije in besedotvorna obrazila itd. Variacije kažejo na različne stopnje prilagoditve prevzetih besed in njihovih prvin v slovenski jezikovni sistem (Legan Ravnikar 2013: 71-76).

Rezultat jezikovnega stika na semantični ravni, ki poteka v dveh oz. treh fazah transsemantizacije, je adaptacija pomena izhodiščne besede, t. i. modela na jeziku dajalcu (Filipović 1986: 153-181, Ajduković 2004b: 191-201). Primarna adaptacija se izvrši v trenutku prevzema besede; novi pomen te besede v jeziku prejemniku, t. i. replike je enak (npr. *antithesis*, *anis*, *asara*) ali ožji v primerjavi z modelom, saj prevzem običajno poteka v določenem kontekstu (npr. *apat/apt*, *ara*). V postopku sekundarne adaptacije že integrirana prevzeta beseda doživlja nadaljnje pomenske spremembe: širi se njeno pomensko polje (iz specialne rabe prehaja na druga področja, v splošni jezik), po različnih pomenskih zakonih se oblikujejo novi, dodatni pomeni, podpomeni in pomenski odtenki, iz nevtralne rabe prehaja med stilno zaznamovano leksiko. Na ta način se lahko prevzeta beseda povsem oddalji od rabe v jeziku dajalcu (npr. *cajhen*, *činž*). Poleg adaptacije pomena modela obstaja na semantični ravni tudi t. i. semantični prevzem, ko prevod tujejezičnega leksema postane razlog za semantične spremembe v že obstoječi domači besedi. Rezultat je širitev pomenskega polja domače besede in njen pomenski razvoj v smeri polisemije (npr. *človeštvo*, *čuden*, *čuti*). To se največkrat dogaja v jeziku, ki je z drugim v tesnem kulturnem, političnem, gospodarskem stiku in v okoliščinah, ko je privilegirani jezik (nemški) vzor za deprivilegirani jezik (slovenski). Rezultati te raziskave potrjujejo mojo hipotezo, da je semantični prevzem eden od pomembnih razlogov za soraz-

merno skromno število vseh besed v knjižnem jeziku 16. stoletja (nekaj nad 22.000 besed), ki pa je v primerjavi s sodobnim slovenskim knjižnim besediščem bistveno bolj pomensko obremenjeno.

Drugačno vrsto pomenskih sprememb predstavljajo spremembe stilne vrednosti besed, t. i. leksikalno-stilistična adaptacija. Sem spada vsak stilem v besedju jezika prejemnika, ki je nastal pod dominantnim vplivom jezika dajalca (Ajduković 2004b: 225). Pri prevzetih besedah se običajno pojavlja po integraciji v nov jezikovni sistem; za tiste iz nemščine je značilna negativna konotacija (Newerkla 2004: 77). Na domače besede se je stilno ali kako drugače zaznamovana raba prenesla s prevajanjem iz tujejezične predloge. Splošno znano je, da pomenske razlage besed v leksikografiji dopolnjujejo kvalifikatorji in kvalifikatorska pojasnila, ki opredeljujejo jezikovno rabo, subjektivni odnos do pomena in pojasnjujejo zunajjezikovne okoliščine. Dosedanja redakcija gesel je pokazala, da sta med ekspresivnimi kvalifikatorji najpogostejša dva: *ekspr.* (ekspresivno), ki v zgodovinskem slovarju izraža čustveno razmerje do poimenovanega v najširšem smislu, in *slabš./nav. slabš.* (slabšalno, navadno slabšalno) (npr. *časek, ceremonija*). Od pomenskih kvalifikatorjev, ki opozarjajo na neleksikalizirane pomenske spremembe, prevladujeta *pren.* (preneseno) in *pooseb.* (poosebljeno) (npr. *arfa, burfel, cunj*). Za zgodovinsko leksikografijo, tudi za slovar knjižnega jezika 16. stoletja so običajni besedilnovrstni kvalifikatorji in kvalifikatorska pojasnila; od funkcijskozvrstnih kvalifikatorjev pa v njem prevladuje *ver.* (versko), ker so gradivski viri pretežno verskega značaja (npr. *cibarij*). Na pomensko modifikacijo nekaterih knjižnih besed 16. stoletja, ki je rezultat tako sociolingvističnih okoliščin (razkol v krščanski cerkvi zahodnega obreda) kot vpliva nemških predlog, opozarjata kvalifikatorja *protest.* (protestantsko: jezikovna prvina ali način prikaza, ki zrcali protestantski odnos do obravnavane problematike) in *katol.* (katoliško: jezikovna prvina ali način prikaza, ki zrcali katoliški odnos do obravnavane problematike). Razlike med njima so razvidne ali jih vsaj približno dojamemo iz sobesedila in poznavanja širšega družbenega konteksta (npr. *bergla, canon, cerkev*).

В лексикографической работе по составлению исторического словаря «Словарь словенского литературного языка 16 века, т.1, А – Д» мы встречаемся с проблемами, обусловленными различными прямыми и косвенными контактами словенского языка с немецким. Эти проблемы – предмет изучения особой отрасли лингвистической науки – контактной лингвистики. С помощью теоретических принципов и исследовательских методов этой науки мы хотим определить, как и почему заимствованное слово в процессе вхождения в словенскую языковую систему изменяет свое значение и стилистическую окраску. Это можно установить на основе изучения контекстуальных особенностей функционирования заимствованной лексики, представленной в словенской книжности второй половины 16 века (1550-1603). Немецкие оригиналы переводных текстов

(преимущественно духовного содержания) влияли также и на семантические изменения словенских слов, чаще всего в сторону полисемии и расширения их семантического поля.

Освоение языковых элементов языком-реципиентом (словенским языком) из языка-донатора (из немецкого языка прямо или косвенно) осуществляется на всех уровнях языковой системы. В результате процессов трансфонемизации (фонемы языка-донатора адаптируются или заменяются родственными фонемами языка-реципиента) и трансморфемизации (Filipović 1986: 69-76, 119-152, Newerkla 2004: 40-65, трансморфемизации и трансдеривации (Ajduković 2004b: 144-167, 178-190, примеры в Ajduković 2004a) заимствованные слова в литературном языке 16 века характеризуются варьированием в написании, произношении, мене фонем, вариантность наблюдается также в рамках морфологических категорий, словообразовательных формантов и т.д. Варьирование отражает разные уровни адаптации заимствованных слов и их особенностей в рамках словенской языковой системы (Legan Ravnikař 2013: 71-76). Результатом языкового контакта на семантическом уровне, который протекает в двух-трех фазах, является транссемантизация, т.е. адаптация исходного слова, так называемой модели, языка-донатора (Filipović 1986: 153-181, Ajduković 2004b: 191-201). Первичная адаптация протекает в момент заимствования слова: новое значение этого слова в языке-реципиенте, так называемая реплика, идентично (напр., *antithesis*, *anis*, *asara*) или уже по сравнению с моделью, т.к. слово заимствуется в определенном контексте (напр., *apat/apt*, *ara*). В процессе вторичной адаптации уже интегрированная лексема претерпевает дальнейшие семантические изменения: расширяется ее семантическое поле (из специализированной сферы употребления лексема переходит в другие сферы, становится общепотребительной), согласно семантическим закономерностям формируются новые, дополнительные значения, варианты значения, семантические оттенки, из сферы нейтрального употребления слово переходит в разряд стилистически маркированной лексики. Так заимствованное слово полностью отделяется от особенностей ее функционирования в языке-донаторе (напр., *cajhen*, *činž*). Наряду с адаптацией значения модели на семантическом уровне существует и так называемое семантическое заимствование, когда перевод иностранной лексемы становится причиной семантического изменения уже существующей автохтонной лексемы. Результатом этого становится расширение семантического поля своего слова и его семантическое развитие в сторону полисемии (напр., *človečtvo*, *čuden*, *čuti*). Это чаще всего происходит с языком этноса, который находится в тесных культурных, политических и экономических контактах с другим этносом, язык которого в силу определенных обстоятельств как привилегированный (немецкий язык) становится образцом для депривилегированного (словенский язык). Результаты данного исследования подтверждают мою гипотезу: семантическое заимствование явилось одной из важнейших причин относительно скромной численности лексического фонда словенского литературного языка 16 века (немногим свыше 22 000 слов), который по сравнению с современным словенским языком характеризуется значительно большей степенью семантической нагрузки.

Другой вид семантических изменений – это изменение стилистической окраски слов, так называемая лексико-стилистическая адаптация. Сюда относится

любая стилистическая нагрузка в лексике языка – реципиента под доминирующим влиянием языка – донатора (Ajduković 2004b: 225). Это явление обычно наблюдается после встраивания лексемы в новую языковую систему, для заимствований из немецкого языка характерна негативная коннотация (Newerla 2004: 77). Стилистическая (или другого рода) маркированность словоупотребления была привнесена в словенскую лексему при переводе иноязычного оригинала. Общеизвестно, что толкование значения слов в лексикографии дополняют словарные пометы, которые указывают на функционирование, субъективное отношение к значению, поясняют экстралингвистические факторы. Редактирование словарных статей, проведенное ранее, показало, что среди помет, указывающих на экспрессивность, чаще всего фигурируют две: *eksprg.* (*ekspresivno*), что в историческом словаре выражает эмоциональное отношение к названному в широком смысле, и *slabš./nav. slabš.* (*slabšalno* ”уничижительно” *navadno slabšalno* ”обычно унижительно”), напр., *časek, ceremonija*. Из семантических помет, которые указывают на нелексикологизированные семантические изменения, преобладают *prer.* (*prereseno*) и *pooseb.* (*poosebljeno* “персонифицировано”), напр., *arfa, burfel, cunja*. В исторической лексикографии, в том числе в словаре литературного языка 16 века обычны частеречные пометы и пояснения, указывающие на сферу использования лексемы. Здесь преобладает помета *ver.* (*versko* ”рел.”), напр., *cibarij*. На семантическую модификацию некоторых книжных слов 16 века, являющейся результатом как социолингвистических факторов (раскол в западной христианской церкви), так и влияния немецких оригиналов, указывают две пометы *protest.* (*protestantsko*: особенность языка или способ изложения, отражающий отношение протестантов к обсуждаемой проблематике) и *katol.* (*katoliško*: особенность языка или способ изложения, отражающий отношение католиков к обсуждаемой проблематике). Различия между ними видны, или мы их по крайней мере можем понять из контекста или знания исторической ситуации в целом (напр., *bergla, canon, cerkev*).

Перевела Ольга Плотникова

Л и т е р а т у р а

- Ajdukovič J.* Контактолошки речник адаптације русизама: у осам словенских језика/ Контактологическиј словарь адаптацији русизмов : в восьми славянских језиках. Београд, 2004а.
- Ajdukovič J.* Увод у лексичку контактологију. Теорија адаптације русизама. Београд, 2004б.
- Filipović R.* Теорија језика у контакту: увод у лингвистичку језичних додира. Загреб, 1986.
- Legan Ravnikar A.* Problematika germanizmov v zgodovinskem slovarju knjižne slovenščine 16. stoletja. // Slovenski jezik na stičišču več kultur. Maribor, 2014. S. 70 – 84.
- Newerla S. M.* Sprachkontakte Deutsch –Tschechisch – Slowakisch. Frankfurt am Main, 2004.

**Особенности функционирования союза *pa* в
современном словенском литературном языке / Raba
veznika *pa* v sodobni knjižni slovenščini**

V prispevku je obravnavana raba veznika *pa* v protivnem priredju. Tega Toporišič deli na štiri podskupine, in sicer v skupino, ki izraža (1) kontrast ali razliko, (2) nasprotje, (3) zamenjava in (4) izvzemanje. Veznik *pa* se uporablja samo v prvih dveh skupinah, toda ne v vseh primerih in ne z enakim položajem v besednem redu. *Pa* namreč lahko stoji na prvem mestu drugega stavka vezniške zveze ali na drugem (torej zapostavljenem) mestu, kar kaže na dve različni stavčni razmerji.

Veznik *pa* na neprvem mestu (zapostavljeni *pa*) v stavku se rabi v drugem delu protivne vezniške zveze, ki izraža kontrast ali razliko (Toporišičev izraz). Primernejše za tako stavčno razmerje se zdi rusko poimenovanje primerjava. *Jaz delam, ti pa razpravljaš, Nimam denarja, imam pa ljubezen.* V stavku pred *pa* stoji informacija, ki je v protistavi z informacijo iz prvega dela zveze in je del primerjave (*ne imeti – imeti*). V teh razmerjih se *pa* ne more rabiti na prvem mestu v stavku. Zapostavljen *pa* se lahko rabi tudi v besednih zvezah: *nekoč podjetnik danes pa priznani umetnik Janez Novak.*

Nekoliko zapletenejša je raba veznika *pa* na prvem mestu, ki se rabi pri izražanju protivnosti s podpomenom nasprotja, kjer se prav tako lahko rabijo vezniki *toda, vendar, ampak, a, ali*. Nekaj primerov (iz slovnice in učbenikov):

1. Vem, pa ne povem.
2. To je zelo preprosta naprava, vendar zelo koristna.
3. Breskev je sedaj dovolj, vendar so še zmeraj drage.
4. Bi rade še ležale, pa vstati morajo.
5. Volja je dobra, toda meso je slabo.
6. V nasprotju z Grki so imeli Rimljani mogočno logiko, a slabo dialektiko.
7. Bil je izpolnil že trideseto leto, vendar še ni mislil na ženitev.
8. Bil je velik čudak, ali ljudje so ga radi imeli.
9. Reven je, ampak srečen.
10. Takrat sem že vedel, kaj je denar, ampak prepozno.

Običajno učbeniki in slovnice (Toporišič, Herrity) to podskupino opisujejo kot zvezo dveh stavkov, kjer je v enem pogosto zanikanje, rabijo pa se lahko vezniki *toda, vendar, a, ali, ampak* in *pa*. Vendar pa se izkaže, da veznika *pa* vendarle ne moremo rabiti v čisto vseh primerih, medtem ko ostale veznike lahko (seveda z določeno slogovno razliko). V zgoraj naštetih primerih veznika *pa* ne bi mogli uporabiti v primerih 2), 5), 6), 9) in 10)

(npr.: **Volja je dobra, pa je meso slabo* **Reven je, pa srečen*). Kakšno je merilo rabe?

Kot kažejo zgledi v korpusu Gigafida, se *pa* na prvem mestu v protivnih razmerjih res najpogosteje rabi za izražanje nasprotja, kadar je eden od stavkov (bodisi prvi bodisi drugi) v vezniški zvezi nikalni, drugi pa trdilni. Takih primerov je v korpusu velika večina. *Razmišljam o nakupu enega izmed dveh aparatov, pa se ne morem odločiti, Niti pomislila nisem, da bodo posnetki uspeli, pa so.*

Vendarle pa korpus kaže, da se *pa* na prvem mestu lahko rabi tudi v zvezah dveh trdilnih stavkov (teh je veliko manj). In sicer v zvezi dveh stavkov z istim osebkom (*Hotela sta govoriti, pa sta skupaj spravila le vreščanje in renčanje.*) ali v zvezi stavkov z različnima osebkoma, kar je dokaj redko (*Pogrebca sta ga hotela odnesti, pa sem se uprl, Nadaljeval bi, pa sva že stala pred njenim apartmajem, Zjutraj je deževalo, pa sva vseeno sedela zunaj, Skušal sem videti, pa je bilo vse kot nekakšna gmota*). Nasprotno pa ni redko, da dva taka stavka povezuje kateri od drugih protivnih veznikov iz podskupine nasprotje: *Šlo mi je na jok, toda realnost se je že vračala, Kot vedno je bil neobrit, ampak lase si je pa le opral. Streljanje je potihnilo, ampak kupola se je še kar vrtela naokrog.*

Nekaj tez glede na korpusne primere: (1) V trdilnih stavkih, ki ju povezujejo *a, vendar, toda* ali *ampak*, je tema oziroma izhodišče (najpogosteje osebek) drugega stavka poudarjena, izpostavljena, ter stavljeno neposredno za veznikom (*ampak realnost se je že vračala*). V zvezah s *pa* izhodišče drugega stavka ni izpostavljeno, temveč pogosto izraženo z naslonsko obliko zaimka, ali pa umeščeno za naslonski niz (*pa je bilo vse kot nekakšna gmota : pa sva že stala*). (2) Stavka v zvezi s *pa* sta si pomensko bližje oziroma v bolj smiselnem, pričakovanem nasprotju od tistih z drugimi vezniki (*Zjutraj je deževalo – vseeno sva sedela zunaj : Šlo mi je na jok – realnost se je vračala*). Večja ko je pomenska povezanost obeh stavkov, večja je možnost rabe veznika *pa*. (3) Ta veznik za razliko od veznikov *toda, a, ampak* ne dopušča besednega reda, kjer poudarjena beseda stoji neposredno za veznikom in pred naslonskim nizom (*Šlo mi je na jok, ampak realnost se je že vračala. – *Šlo mi je na jok, pa realnost se je že vračala*). Kadar pa v takih zvezah s šibkejšo smiselno povezavo za *pa* vendarle stoji poudarjeno novo izhodišče, se v drugem stavku zelo pogosto pojavlja prislov ali členek, ki izraža nasprotje s prej povedanim (že, vseeno, še, kljub temu): *Mama spi, pa oče vseeno kosi. – *Mama spi, pa oče kosi; Alkohol je bil sicer prepovedan, ampak študentje so si dali duška – *Alkohol je bil sicer prepovedan, pa so si študentje dali duška – Alkohol je bil prepovedan, pa so si študentje kljub temu dali duška*. Veznik *pa* sam po sebi očitno zelo šibko izraža nasprotje (morda ravno zaradi možnosti rabe v različnih zvezah), da bi v tako razmerje lahko povezoval vsebine, ki jih same po sebi ne dojemamo kot nasprotne (npr.: *iti komu na jok*

– *vračanje realnosti*). Zveze dveh trdilnih stavkov z različnima izhodiščema je lažje in večkrat bolj smiselno pretvoriti v protivne zveze s pomenom primerjave (razlike ali kontrasta) z zapostavljenim veznikom *pa*. *Kot vedno je bil neobrit, lase pa si je le opral*. V teh primerih veznik *pa* teži k umestitvi za poudarjenim izhodiščem in ne pred njim.

Na ravni protivnih besednih zvez se *pa*, kot kaže korpus, ne rabi, dve besedi v protistavi lahko povezujejo le drugi protivni vezniki. *Reven je, ampak srečen*. – **Reven je, pa srečen*. Lahko pa bi verjetno rekli *Reven je, pa vseeno srečen*, čeprav tudi takih primerov v korpusu skorajda ni. Veznik *pa* je lahko na prvem mestu drugega stavka še v povezavi z veznikom *če* v prvem stavku: *Če so si enote pogosto zelo podobne v lastnostih in priloženi opremi, pa je kar nekaj razlik pri zanesljivosti delovanja*.

Taki primeri ne izražajo nasprotja, temveč primerjavo (razliko oz. kontrast). Če parafraziramo: *Enote so si podobne v lastnostih in opremi, razlik pri zanesljivosti delovanja pa je kar nekaj*.

V докладе рассматривается функционирование противительного союза *pa* в сочинительном ряду. Йоже Топоришич здесь выделяет четыре семантические подгруппы: (1) выражает контраст или различие, (2) противопоставление, (3) замену, (4) исключение. Союз *pa* употребляется только в первых двух подгруппах, но не во всех случаях, изменчива и его позиция в предложении. *Pa* может стоять на первом месте второй части сложносочиненного предложения или на втором месте, что указывает на разные синтаксические отношения.

Союз *pa* на первом месте представлен во второй части противительного союзного ряда, выражающего контраст или противопоставление (выражение Топоришича). Для такого соотношения больше подходит русское наименование "сопоставление". *Jaz delam, ti pa razpravljaš, Nimam denarja, imam pa ljubezen*. В предложении перед *pa* содержится информация, которая противопоставлена информации из первой части предложения и является частью сопоставления (*ne imeti – imeti*). В этих случаях *pa* не может стоять в предложении на первом месте. На втором месте *pa* может быть в составе распространенных определений: *nekoč podjetnik danes pa priznani umetnik Janez Novak*.

Несколько сложнее объяснить использование союза *pa* на первом месте, где он помимо противительности выражает дополнительное значение противопоставления. В этой функции могут также употребляться союзы *toda, vendar, ampak, a, ali*. Несколько примеров из грамматик и учебников:

1. Vem, pa ne povem.
2. To je zelo preprosta naprava, vendar zelo koristna.
3. Breskev je sedaj dovolj, vendar so še zmeraj drage.
4. Bi rade še ležale, pa vstati morajo.
5. Volja je dobra, toda meso je slabo.
6. V nasprotju z Grki so imeli Rimljani mogočno logiko, a slabo dialektiko.
7. Bil je izpolnil že trideseto leto, vendar še ni mislil na ženitev.
8. Bil je velik čudak, ali ljudje so ga radi imeli.
9. Reven je, ampak srečen.

10. Takrat sem že vedel, kaj je denar, ampak prepozno.

Обычно учебники и грамматики (Toporišič, Herrity) описывают эту подгруппу как связь двух предложений, где в одном из них часто представлено отрицание и возможно употребление союзов *toda*, *vendar*, *a*, *ali*, *ampak* и *pa*. Однако выявляется, что далеко не во всех таких примерах можно употребить союз *pa*, в то время как все другие союзы возможны (конечно, с определенными стилистическими отличиями). Мы не могли бы использовать союз *pa* в примерах 2), 5), 6), 9) и 10) (напр., **Volja je dobra, pa je meso slabo* **Reven je, pa srečen*). Что является критерием употребления? Как показывают примеры из корпуса Gigafida, *pa* на первом месте в противительном отношении действительно чаще всего используется для выражения противопоставления, если одно из предложений (первое или второе) отрицательное, а второе утвердительное. Таких примеров в корпусе явно большинство, напр., *Razmišljam o nakupu enega izmed dveh aparatov, pa se ne morem odločiti*, *Niti pomislila nisem, da bodo posnetki uspeli, pa so*. Однако материалы корпуса показывают, что *pa* на первом месте возможен и при соединении двух утвердительных предложений (таких случаев значительно меньше). Это имеет место в сложносочиненном предложении с одним и тем же подлежащим (*Hotela sta govoriti, pa sta skupaj spravila le vreščanje in renčanje*.) или в предложении с двумя различными подлежащими, что значительно реже (*Pogrebca sta ga hotela odnesti, pa sem se uprl*, *Nadaljeval bi, pa sva že stala pred njenim apartmajem*, *Zjutraj je deževalo, pa sva vseeno sedela zunaj*, *Skušal sem videti, pa je bilo vse kot nekakšna gmota*). И напротив, использование других союзов из подгруппы “противопоставление” здесь не редкость: *Šlo mi je na jok, toda realnost se je že vračala*, *Kot vedno je bil neobrit, ampak lase si je pa le opral*, *Streljanje je potihnilo, ampak kupola se je še kar vrtela naokrog*.

Несколько выводов на основе анализа материалов корпуса: (1) В утвердительных предложениях, которые связывают союзы *a*, *vendar*, *toda* или *ampak*, тема (чаще всего подлежащее) второго предложения акцентирована, выделена и стоит непосредственно за союзом (*ampak realnost se je že vračala*). В предложениях с союзом *pa* тема второго предложения не выделена, часто выражена краткой формой личного местоимения или расположена за кластером клитик *pa je bilo vse kot nekakšna gmota* : *pa sva že stala*). (2)

По сравнению с предложениями с другими союзами предложения, соединенные союзом *pa*, между собой семантически ближе, их смысловое противопоставление ожидаемо (*Zjutraj je deževalo – vseeno sva sedela zunaj* : *Šlo mi je na jok – realnost se je vračala*). (3) Союз *pa* не допускает порядка слов, при котором акцентированное слово стоит непосредственно за союзом или перед кластером клитик (*Šlo mi je na jok, ampak realnost se je že vračala* – **Šlo mi je na jok, pa realnost se je že vračala*). Когда в таких предложениях с ослабленной смысловой связью за *pa* расположена новая тема, перед ним часто появляется наречие или частица, эксплицирующие противопоставление ранее сказанному (*že*, *vseeno*, *še*, *kljub temu*): *Mama spi, pa oče vseeno kosi* – **Mama spi, Bbil sicer prepovedan, pa so si študentje dali duška – Alkohol je bil prepovedan, pa so si študentje kljub temu dali duška*. В самом союзе *pa* очевидно слабо выражено значение противопоставленности (возможно, по причине его полифункциональности). Поэтому он не может соединять смысловые единицы, которые мы изначально не можем воспринимать как противоположные (напр., *iti komu na jok – vračanje realnosti*). Два

утвердительных предложения с разными темами легче и во многих случаях целесообразнее соединить противительным союзом *pa* со значением сопоставления (различие, контраст). В этих примерах союз *pa* занимает вторую позицию, располагаясь после выделенной темы, а не перед ней, напр., *Kot vedno je bil neobrit, lase pa si je le opral.*

По данным корпуса на уровне противительной связи внутри словосочетания союз *pa* не употребляется, два противопоставленных слова соединяют другие противительные союзы напр., *Reven je, ampak srečen. – *Reven je, pa srečen.* Однако возможно высказывание *Reven je, pa vseeno srečen*, но такие примеры в корпусе не отражены. Союз *pa* возможен на первом месте второго предложения, если в первом предложении употреблен союз *če* "если", напр., *Če so si enote pogosto zelo podobne v lastnostih in priloženi opremi, pa je kar nekaj razlik pri zanesljivosti delovanja.* В таких примерах выражается не противопоставление, а сравнение (различие, контраст). Если это предложение перефразировать, то получим следующее: *Enote so si podobne v lastnostih in opremi, razlik pri zanesljivosti delovanja pa je kar nekaj.*

Перевела Ольга Плотникова

Л и т е р а т у р а

Herrity P. Slovene: A comprehensive grammar. London, New York, 2000.
Toporišič J. Slovenska slovnica. Maribor, 2000 (¹1976).
Korpus Gigafida, <http://www.gigafida.net/>. Dostop 20. 9. 2016.

Матея Лутар (Любляна) / Mateja Lutar (Ljubljana)

Учебники «Центра словенского языка как второго/иностранного» и «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» (SEJO) / Učbeniki Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik in Skupni evropski jezikovni okvir

Skupni evropski jezikovni okvir (SEJO) je slovenski prevod dokumenta *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment*, ki ga je leta 2001 izdal Svet Evrope. Dokument opredeljuje ravni jezikovnega znanja, ki omogočajo (mednarodno) primerljivost programov jezikovnega izobraževanja, učnih gradiv, preverjanja in certificiranja jezikovnega znanja v neprvih jezikih. V Centru za slovenščino kot drugi in tuji jezik so od leta 2010 do 2014 potekale različne dejavnosti, povezane predvsem z uvrščanjem preverjanja in certificiranja znanja glede na ravni SEJO in uvrščanjem obstoječih učnih gradiv za slovenščino.¹ Sodobne

¹ Leta 2015 je Ministrstvo za izobraževanje, znanost in šport RS z odredbo sprejelo javno veljavni izobraževalni program za odrasle Slovenščina kot drugi in tuji jezik, pred tem je bil veljavni program *Slovenščina za tujce, program* (2000).

smernice primerljivosti znanja so aktualne tudi za založnike, zato smo na Centru za slovenščino v sodelovanju z dr. Ino Ferbežar in člani delovne skupine oblikovali metodologijo za uvrščanje učnih gradiv in učna gradiva opremili z oznako, za doseganje katere stopnje znanja je primerno določeno gradivo.

Delovno skupino je sestavljalo sedem članov: šest jih ima različne izkušnje s poučevanjem slovenščine kot drugega in tujega jezika (avtorstvo in priprava učnih gradiv, poučevanje odraslih in mladostnikov, testiranje in ocenjevanje znanja), en član pa ima izkušnje s poučevanjem in didaktiko tujega jezika, je tudi avtor učnih gradiv za učenje angleščine. Najprej smo naredili izbor učbenikov za uvrščanje, in sicer: *Slovenska beseda v živo 1a*, *Slovenska beseda v živo 1b*, *Slovenska beseda v živo 2*, *Slovenska beseda v živo 3a*, *Slovenska beseda v živo 3b*, *A, B, C ... 1, 2, 3*, *gremo*, *Gremo naprej*, *Naprej pa v slovenščini*, *S slovenščino nimam težav*. Člani delovne skupine so dobili izbrani učbenik, lestvice z opisniki SEJO in ocenjevalni obrazec. Ocenjevalni obrazec je bil razdeljen na dejavnosti (poslušanje, branje, govorjenje, pisanje), ki smo jih ocenjevali po nalogah, podali pa smo tudi skupno oceno učbenika. Člani delovne skupine so uvrščali naloge individualno, potem pa smo pregledali uvrstitve ter diskutirali o mestih, kjer smo se razhajali. V primeru odstopanj med uvrščevalci smo argumentirali odločitve za posamezno uvrstitev in nato nalogo ponovno uvrstili, skupna uvrstitev je bila povprečje vseh uvrstitev.

Za uvrščanje smo imeli na voljo 57 ocenjevalnih lestvic, kar bomo v prihodnje verjetno omejili in s tem metodologiji zagotovili večjo zanesljivost. Vsak ocenjevalec je sam presodil, katera lestvica bi bila najustreznejša za uvrstitev posamezne naloge, rezultati so se včasih nekoliko razhajali, hkrati pa smo naloge večinoma zelo usklajeno uvrstili. Poseben izziv so bile tudi posamezne naloge: a) nekatere naloge so imele zelo kompleksna navodila, zato smo uvrstili navodilo in nalogo ločeno. Pri b) nalogah za pisno in govorno produkcijo, ki so odprtega tipa, smo določili predvideno minimalno raven znanja, ki jo je treba doseči, da lahko rešimo nalogo. V učbenikih so se pojavile tudi c) kombinirane naloge (npr. dejavnosti branja in igranja vlog) in v takih primerih smo naloge uvrščali po dveh različnih lestvicah. Posebno dilemo pa so predstavljale d) naloge za poslušanje in e) naloge za utrjevanje, ponavljanje določenih struktur, saj za uvrščanje tovrstne dejavnosti ni predvidene ustrezne lestvice, lestvice za slušno razumevanje pa ne predvidevajo opisnikov na najnižji ravni. V obeh primerih smo naloge uvrstili glede na osebne in strokovne izkušnje s poučevanjem, avtorstvom in delom z učnimi gradivi.

Sodobne smernice označevanja učnih gradiv so nas spodbudile, da smo začeli s projektom uvrščanja, ki pa smo ga zastavili s širšimi cilji in predvsem kot pregled obstoječe produkcije. V veliki meri se je potrdilo, da imamo

bogate izkušnje s slovenščino kot drugim in tujim jezikom, saj se je predvidena uvrstitev večinoma ujemala s končno natančno uvrstitvijo posameznega učnega gradiva. Hkrati smo dobili vpogled, da smo v dobrih petnajstih letih dobro načrtovali produkcijo učnih gradiv za različne naslovnike (začetnike, nadaljevalce in izpopolnjevalce). Izkušnje z uvrščanjem bodo koristne tudi pri nadaljnjem usmerjanju avtorjev in uredniškem delu, da bodo gradiva sistematično stopnjevala zahtevnost ter da bodo posamezne dejavnosti zastopane uravnoteženo. Postopek uvrščanja učnih gradiv je kompleksnejši, kot se zdi na prvi pogled, hkrati pa se moramo zavedati, da je učbenik le eno od sredstev v procesu učenja in da je odvisno predvsem od uporabnika, kako učinkovito bo izrabil vsebino.

Skupni evropski jezikovni okvir («Общеввропейские компетенции владения иностранным языком», SEJO) – это словенский перевод документа *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment*, изданного в 2001 г. Советом Европы. Документ определяет уровни владения языком, которые обеспечивают международную сопоставимость программ языкового образования, учебных материалов, проверки и сертификации владения неродным языком. В «Центре словенского языка как второго/иностранного» в 2010–2014 гг. проходили различные мероприятия, связанные прежде всего с проверкой и сертификацией владения языком, а также с приведением учебных материалов по словенскому языку в соответствие с уровнями SEJO.²

Современные принципы сопоставимости владения языком актуальны и для издателей, так что «Центр словенского языка» в сотрудничестве с др. Инной Фербежар и членами рабочей группы разработал методику приведения учебных материалов в соответствие с уровнями SEJO и снабдил учебные материалы пометой с указанием уровня, на достижение которого рассчитан конкретный материал.

Рабочая группа состоит из семи членов, шесть из которых имеют разнообразный опыт преподавания словенского языка как второго/иностранного (сопоставление и подготовка учебных материалов, обучение взрослых и подростков, тестирование и оценка владения языком), а один имеет опыт в области преподавания и дидактики иностранного языка и является автором учебных материалов по английскому языку.

Сначала были отобраны учебники, которые планировалось привести в соответствие с SEJO: *Slovenska beseda v živo 1a*, *Slovenska beseda v živo 1b*, *Slovenska beseda v živo 2*, *Slovenska beseda v živo 3a*, *Slovenska beseda v živo 3b*, *A, B, C ... 1, 2, 3, gremo*, *Gremo naprej*, *Naprej pa v slovenščini*, *S slovenščino nimam težav*. Члены рабочей группы получили выбранный учебник, шкалы SEJO с дескрипторами и форму для оценки. Форма была разделена на виды речевой деятельности (аудирование, чтение, говорение, письмо), которые оценивались по отдельным заданиям; также была выставлена общая оценка учебнику. Члены рабочей

² В 2015 году Министерство образования, науки и спорта Республики Словения приняло постановлением программу для взрослых «Словенский язык как второй/иностранной»; до этого действовала программа «Slovenščina za tujce, program» (2000).

группы классифицировали задания индивидуально, а затем классификации рассматривались и обсуждались те места, где мнения расходились. В случае расхождений решение аргументировалось, а задание было классифицировано заново; общий рейтинг представлял собой средний показатель, полученный в результате всех классификаций.

Для классификации нам было предоставлено 57 оценочных шкал, число которых в дальнейшем, вероятно, будет ограничено, что позволит гарантировать большую надежность методологии. Каждый член рабочей группы сам принимал решение, какая из шкал лучше всего подходит для классификации отдельных заданий; результаты иногда немного расходились, но в то же время в большинстве случаев классификация была весьма скоординированной. Особую трудность вызывали отдельные задания, поскольку: а) инструкции по выполнению некоторых заданий были очень сложными: в связи с этим задание и инструкции классифицировались отдельно. В случае б) заданий на проверку письменной и устной речи, относящихся к открытому типу, мы определили предполагаемый минимальный уровень знаний, который нужно достигнуть для выполнения такого рода задания. В учебниках появились также: в) комбинированные задания (например, чтение и разыгрывание ситуаций). В таких случаях мы классифицировали задания по двум различным шкалам. Особую дилемму представляли собой г) задания на аудирование и д) задания на закрепление, повторение определенных структур, так как для классификации такого рода деятельности не предусмотрена соответствующая шкала, а шкалы для восприятия речи на слух не предполагают дескрипторов на самом низком уровне. В обоих случаях задания были классифицированы с учетом личного и профессионального опыта преподавания, создания учебных материалов и работы с ними.

Современные предписания маркировки учебных материалов побудили нас начать заниматься проектом классификации, цели которого были широкими и в первую очередь подразумевали анализ существующей продукции. В значительной степени наш подтверждение наш богатый опыт обучения словенскому языку как второму и иностранному, поскольку предполагаемая классификация главным образом совпадала с окончательной детальной классификацией отдельных учебных материалов. В то же время мы осознали, что за все пятнадцать лет удачно планировали выпуск учебных материалов для различной аудитории (начинающие, продолжающие и совершенствующиеся). Опыт классификации будет полезен для того, чтобы авторы и редакторы и в дальнейшем стремились систематически располагать материал в порядке увеличения сложности и равномерно распределять разные виды деятельности. Процесс классификации учебных материалов труднее, чем кажется на первый взгляд; в то же время мы должны осознавать, что учебник – это лишь одно из средств в процессе обучения и эффективность использования его содержания зависит главным образом от учащегося.

Перевели Мария Громова и Мария Кулешова

Л и т е р а т у р а

Feržežar I., Pirih Svetina N., Lutar M. The Common European Framework of Reference: a reference to Slovene // Linguistica. 2014, № LIV/1. 277–291.

Skupni evropski jezikovni okvir:
www.europass.si/files/userfiles/europass/SEJO%20komplet%20za%20splet.pdf
Uvrstitveni listi in ocene (interno gradivo Centra za slovenščino). Ljubljana, 2011–2014.

О.А. Лысенко (Санкт-Петербург)

Словенский язык в языковой политике Республики Сербии

Европейская интеграция, распад СФРЮ и иные факторы привели к изменению статуса языков на отдельных территориях, поэтому лингвистические проблемы балканского региона вызывают значительный теоретический и практический интерес.

Языковая политика понимается как совокупность решений и мер власти в связи со статусом государственного и других языков, их функциями, ролью, доминированием в важнейших социальных сферах (Беликов и Крысин 2001: 263-264), регламентацией применения в конкретных районах (Руссо 2007: 97). Ряд исследователей делают особый акцент на таких целях языковой политики, как сохранение текущего состояния языка и его изменение по запросу общества (Швейцер, Никольский 1978: 117). В современной социалингвистике язык в целях воссоздания объективной социалингвистической картины региона нередко рассматривается в тесной связи с политикой. Ряд авторов заявленную попытку анализа современной языковой политики Республики Сербии (далее – РС) сводят к частным моментам, связанным только с сербским языком (Војводић 2015 и др.).

Решения в области функционирования языка тесно связаны с внешней и национальной политикой, самоопределением этнических групп, их правовым статусом, педагогическими практиками и историческим прошлым.

В СФРЮ действовала успешная политика национального и языкового единства с декларировавшимся и фактическим равноправием языков независимо от числа их носителей, без предпочтений или доминирования, хотя и не обходилось без проблем в ее реализации (Bugarski 2014: 2 и др.).

При переписи населения 2011 г. в РС словенцами себя назвали 4033 чел (0,06%). Юридически они имеют статус национального меньшинства. В Белграде с 2010 г. работает Национальный совет (вече) словенского национального меньшинства (13 обществ). Это высший представительный орган словенцев в стране, защищающий и их интересы в области официального употребления языка. В сербском парламенте предусмотрены квоты для представителей национальных меньшинств, включая словенцев.

В Белградском университете словенская литература и язык преподаются более ста лет, есть лектор словенского языка, словенец по происхождению (2015 г.), собрана богатая библиотека. С 1947 по 1990-е словенский имел статус обязательного предмета на двух кафедрах. Позднее без официальных распоряжений статус этих дисциплин по разным причинам изменился. Словенский язык становится дисциплиной по выбору и только для студентов с профилирующим сербским в Белградском университете, он объявляется элективным и в Нови-Саде. В последние годы интерес к словенскому языку несколько возрос, в том числе благодаря вхождению Словении в ЕС, ее экономической ситуации, миграции, потребностям рынка труда и реформам образования, предусматривающим индивидуальные образовательные траектории. Словенский язык как иностранный изучается и за пределами главных вузов страны: на курсах повышения квалификации, языковых курсах, в обществах словенцев в Белграде, Нови-Саде, Суботице, Нише и Зреняине³.

Типологически централизованную языковую политику РС в отношении словенского языка как миноритарного можно охарактеризовать как перспективную и конструктивную. Следует учитывать, что статус официального (административного) словенский и другие языки могут получить только в тех общинах, где орган местной власти принял соответствующие постановления.

Современная языковая политика правительства РС продолжает решения СФРЮ с декларируемым равноправием языков. Это подтверждает пример словенского языка как языка национального меньшинства в условиях стратегического многоязычия. Она отражает также и процесс сближения с ЕС. Законотворческие действия власти можно назвать последовательными, хотя на практике, например, в судах, остается ряд нерешенных проблем.

Литература

- Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолнгвистика. М., 2001. С. 263-264.
Војводић О. Ђерање ћирилице или југословенска језичка политика // ognjenvojvodic.info. 2015. 23. Јула.
Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолнгвистику. М., 1978.
Bugarски R. Jezik, nacionalizam i rat na prostoru bivše Jugoslavije // Filoloski fakultet. Univerzitet u Beogradu. Beograd, 2014. S. 1-4 [online] <http://old.fil.bg.ac.rs/katedre/spanski/files/jezik,%20nacionalizam%20i%20rat%20na%20prostoru%20bivse%20jugoslavije.pdf>

³ Подробнее о нерешенных терминологических проблемах в Европе в связи с понятием «национальное меньшинство» и об источниках упомянутых данных сообщается в тексте доклада.

Ирина Макарова-Томинец (Копер)

Словенский язык с русским акцентом: языковой портрет русскоговорящего жителя Словении

В связи с тем, что Словения в течение последних двух десятилетий стала привлекательной для большого количества приезжих из России и русскоговорящих стран бывшего СССР, явление русско-словенского билингвизма, по нашему мнению, заслуживает самое пристальное исследовательское внимание. За последнее время количество русскоговорящих жителей Словении выросло до 5 000 человек⁴, многие приезжают по бизнес-миграции, открывая собственную фирму, оказываются перед необходимостью пройти языковую и культурную адаптацию в максимально сжатые сроки. При этом основное внимание прибывших переселенцев, как правило, устремлено на максимально быстрое освоение словенского языка. Сохранению, а там более развитию русского языка в этих условиях обычно уделяется значительно меньше внимания.

Поскольку углубленному анализу особенностей языковой компетенции билингвов на русском языке, с учетом разницы между первым и вторым поколением, уже были посвящены отдельные публикации (Макарова 2015; Makarova Tominec, 2015)⁵, в данной работе будут рассмотрены особенности языковой компетенции первого поколения билингвов различного возраста (от 20 до 50 лет) на словенском языке. В качестве материала исследования послужили записи устных интервью с русскоговорящими жителями Словении (студентами Приморского университета г. Копер, а также жителями словенского Приморья), анализ отдельных письменных работ на словенском языке.

Согласно данным интервью, языковая компетенция опрошенных нами представителей русскоязычной диаспоры на словенском языке весьма неоднородна и отличается как по объему словарного запаса, так и по степени самостоятельности высказываний, по беглости и стилистическому разнообразию речи, по уровню фонетического соответствия словенской произносительной норме. Различия обусловлены, с одной стороны, индивидуальными обстоятельствами/языковыми способностями, влияющими на языковую компетенцию наших информантов, так и некоторым общими факторами, которые мы на основании нашего анализа можем выделить в качестве существенных. К таким мы можем отнести следующие: (1) длительность пребывания в стране; (2) интенсивность языковых контактов с языковым окружением (учеба/работа, свободное время); (3) языковой состав ближайшего окружения (на каком языке

⁴ На основании данных МВД Республики Словении от 30. 8. 2015г.

⁵ Две последние работы пока находятся в печати.

говорят совместно проживающие друзья или члены семьи); (4) возможность дополнительного изучения словенского языка (занятия с репетитором/ в словенском образовательном учреждении); (5) намерение остаться в Словении на длительный период/на всю жизнь; (6) в отдельных случаях также собственный статус и положение в стране проживания (осознание своей супериорности, в отдельных случаях наблюдаемое у богатых русских переселенцев).

В докладе представлены примеры высказываний русскоязычных информантов, содержащих частотные примеры интерференции, а также описание частотных отклонений, образующих узнаваемый акцент русскоговорящих жителей Словении.

Литература

- Макарова И.Д.. Языковые отклонения в русском языке под влиянием словенского как языка окружения // Глобализационные процессы и их влияние на языковое и цивилизационное развитие этносов, Москва, 27 октября 2015 г, тезисы научной конференции. Стр.7-8.
http://inslav.ru/images/stories/other/2015_tezisy_globalizacija.pdf.
- Makarova Tominec, Irina. Ruščina in slovenščina: jezikovna odstopanja v ruščini pod vplivom slovenščine kot jezika okolja // Jezikoslovni zapiski: zbornik Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša.- 21, št. 2 (2015), str. 159-189.
- Stritar, Mojca. Korpusi usvajanja tujega jezika. Ljubljana: Zveza društev Slavistično društvo Slovenije, 2012.

Желько Маркович (Нови-Сад) / Желько Марковић (Нови Сад)

Глагол *видети* в сербском и словенском языках / Глагол *видети* у српском и словеначком језику

Полазећи од учења о апстрактним ситуацијама (Barrwise, Perry 1983), глагол *видети* може се посматрати као заједнички лексички експонент различитих ситуационих предиката. Сваки од тих ситуационих предиката представља спој одређеног ситуационог типа с неким од аргумената који се појављују у предикатном оквиру перцептивних глагола.

Ситуациони типови дефинисани су преко три бинарна обележја ситуационе темпоралне структуре: [± статично], [± трајно], [± теличко] (Smith 1991). На основу различитих комбинација ових обележја издваја се пет основних ситуационих типова, за које, ослањајући се на Орешникова терминологију решења, користимо следеће називе: *стање* (+ статично, + трајно), *нетеличко догађање* (– статично, + трајно, – теличко), *теличко догађање* (– статично, + трајно, + теличко), *нетелички догађај* (– статично, – трајно, – теличко), *телички догађај* (– статично, – трајно, + теличко) (Orešnik, 1994). Обележје [± теличко] није

релевантно за стања, стога уз овај ситуациони тип и није наведено. Глагол *видети* у српском и словеначком језику може наступити као ознака стања, теличког догађаја и теличког догађања.

У предикатном оквиру перцептивних глагола појављују се четири аргуменатске улоге: перципијент, као леви аргумент, те перцептивни објекат, орган опажања и спацијални детерминатор, као десни аргументи.

На основу горе представљеног аналитичког модела могу се издвојити следећи ситуациони предикати лексикализовани српским и словеначким глаголом *видети*:

ВИДЕТИ 1: визуелно опажање приказано као диспозиција, а не као актуализовани перцептивни акт; од десних аргумената може се појавити једино орган опажања, и то по правилу само када уз њега стоји неки детерминатор; ситуациони тип – стање: *... ribe ne slišijo, ribe le vidijo in še to ne preveč dobro* (Pečič, 225) / *...рибе не чују, рибе једино виде, и то не баш добро; Блато метну ми на очи, и умих се и видим / Blata mi je dal na oči, nato sem se umil in vidim* (Јн 9, 15); *Види само на једно око / Vidi le na eno oko*.

ВИДЕТИ 2: објекат перцепције није исказан, али је у датој комуникационој ситуацији увек имплициран – најчешће је у питању неко организовано догађање (концерт, спортско такмичење и сл.) или простор на коме се то догађање одвија; присуство спацијалног детерминатора; ситуациони тип – стање: *Са овог места видимо одлично / S tega mesta vidimo odlično; Одавде лоше видимо, идемо ближе до бине / Odtod vidimo slabo, greva bliže k odru*.

ВИДЕТИ 3: одсуство аргумента перцептивног објекта и присуство спацијалног детерминатора; ситуациони тип – стање: *Када је лепо време, одавде видимо све до мора; Bil je tako jasen in čist dan, da sva videla vse do Kranja in Ljubljane* (KN); *Dvignil je glavo, da bi videl čez glave drugih potnikov, ki so se zdaj drenjali v ozkem prehodu* (KN) / *Подигао је главу да би видео преко глава других путника који су се сада тискали у уском пролазу*.

ВИДЕТИ 4: обавезан аргумент перцептивног објекта; актуализовани перцептивни акт који траје извесно време; ситуациони тип – стање: *... од укњижене Божије речи подиже манастир који видите...* (Петр., 167) / *... је (...) iz zapisane Božje besede sezidal samostan, ki ga vidita...* (Петр., 151); *У просторији је још неколико људи, али добро видим само једнога* (Марк., 123) / *V prostoru je bilo še nekaj ljudi, dobro pa sem videl samo enega* (Mark., 132).

ВИДЕТИ 5: обавезан аргумент перцептивног објекта; динамичка, тренутна ситуација која резултира променом стања – из стања неопажња у стање опажања нечега; ситуациони тип – телички догађај:

Марко је наједном видео змију / Marko je naenkrat videl kačo; Мухарем се окрену и виде у трњу луду Мару (Булат. П, 178); *Stali smo zunaj, pred hišo, nenadoma smo videli svetlobo, ki se je razlivala prek dreves* (I).

ВИДЕТИ 6: у улози објекта перцепције неко догађање с конвенционално утврђеном почетном и завршном тачком (филмска или позоришна представа, спортска утакмица и сл.); ситуациони тип – теличко догађање: *За Маргерит Дира сам почела да се занимам (...) када сам видела филм „Хирошима, љубави моја“* (К); *Ko sem imel devetnajst let, sem videl Do zadnjega diha (...) – prvi Godardov film...* (KN); *Снимак концерта ТВ гледаоци видеће 30. децембра* (К); *Publika je videla dinamično tekmo* (KN).

Согласно ученио об абстрактних ситуацијах (Bargwise, Perry 1983), глагол *видети* может рассматриваться как общий лексический экспонент различных ситуационных предикатов. Каждый из данных ситуационных предикатов представляет собой комбинацию определенного ситуационного типа и одного из аргументов, которые фигурируют в предикатной рамке перцептивных глаголов.

Ситуационные типы определяются с помощью трех бинарных характеристик ситуационной темпоральной структуры: [± статичный], [± продолжительный], [± терминативный] (Smith 1991). На базе различных комбинаций данных характеристик выделяется пять основных ситуационных типов, для которых мы, опираясь на терминологическую систему Орешника, используем следующие названия: *состояние* (+ статичный, + продолжительный), *нетерминативный процесс* (– статичный, + продолжительный, – терминативный), *терминативный процесс* (– статичный, + продолжительный, + терминативный), *нетерминативное действие* (– статичный, – продолжительный, – терминативный), *терминативное действие* (– статичный, – продолжительный, + терминативный) (Orešnik, 1994). Характеристика [± терминативный] не является релевантной для состояний и, следовательно, не указывается при данном ситуационном типе. Глагол *видети* в сербском и словенском языках может выступать как маркер состояния, терминативного действия и терминативного процесса.

В предикатной рамке перцептивных глаголов возникают четыре функции аргументов: перципиент (левый аргумент), а также перцептивный объект, орган восприятия и пространственный детерминатор (правые аргументы).

На базе представленной выше аналитической модели можно выделить следующие ситуационные предикаты, лексикализованные с помощью сербского и словенского глагола *видети*:

ВИДЕТИ 1: визуальное восприятие выступает как диспозиция, а не как актуализованный перцептивный акт; из правых аргументов может фигурировать только орган восприятия, как правило, только при наличии детерминатора; ситуационный тип – состояние: *... ribe ne slišijo, ribe le vidijo in še to ne preveč dobro* (Pečič, 225) / *...рибе не чују, рибе једино виде, и то не баш добро; Блато метну ми на очи, и умих се и видим / Blata mi je dal na oči, nato sem se umil in vidim* (Јн 9, 15); *Види само на једно око / Vidi le na eno oko*.

ВИДЕТИ 2: объект перцепции не выражен, однако в данной коммуникативной ситуации всегда имплицирован: чаще всего имеется в виду какой-либо организованный процесс (концерт, спортивное мероприятие и т.п.) или место, где происходит это событие; присутствие пространственного детерминатора; ситуационный тип – состояние: *Sa ovog mesta vidimo odlično / S tega mesta vidimo odlično; Oдавде лоше видимо, идемо ближе до бине / Odtod vidimo slabo, greva bliže k odru.*

ВИДЕТИ 3: отсутствие аргумента перцептивного объекта и присутствие пространственного детерминатора; ситуационный тип – состояние: *Kada je leno vreme, oдавде видимо све до мора; Bil je tako jasen in čist dan, da sva videla vse do Kranja in Ljubljane (KN); Dvignil je glavo, da bi videl čez glave drugih potnikov, ki so se zdaj drenjali v ozkem prehodu (KN) / Подигао је главу да би видео преко глава других путника који су се сада тискали у уском пролазу.*

ВИДЕТИ 4: обязателен аргумент перцептивного объекта; актуализованный перцептивный акт, длящийся определенный период времени; ситуационный тип – состояние: *... od uknjižene Božije речи подиже манастир који видите... (Петр., 167) / ... je (...) iz zapisane Božje besede sezidal samostan, ki ga vidita... (Петр., 151); У просторију је још неколико људи, али добро видим само једнога (Марк., 123) / V prostoru je bilo še nekaj ljudi, dobro pa sem videl samo enega (Mark., 132).*

ВИДЕТИ 5: обязателен аргумент перцептивного объекта; динамичная, длящаяся мгновение ситуация, завершающаяся сменой состояния – из состояния невосприятия в состояние восприятия чего-либо; ситуационный тип – терминативное действие: *Марко је наједном видео змију / Marko je naenkrat videl kačo; Мухарем се окрену и виде у трњу људу Мару (Булат. П, 178); Stali smo zunaj, pred hišo, nenadoma smo videli svetlobo, ki se je razlivala prek dreves (I).*

ВИДЕТИ 6: в роли объекта перцепции выступает определенный процесс с конвенционально установленной начальной и конечной точкой (кинопоказ, театральное представление, спортивное мероприятие и т.п.); ситуационный тип – терминативный процесс: *За Маргерит Дира сам почела да се занимам (...) када сам видела филм „Хирошимо, љубави моја“ (К); Ko sem imel devetnajst let, sem videl Do zadnjega diha (...) – prvi Godardov film... (KN); Снимак концерта ТВ гледаоци видеће 30. децембра (К); Publika je videla dinamično tekmo (KN).*

Перевела Марија Кулешова

Л и т е р а т у р а

- Barrwise J., Perry J.* Situations and Attitudes. Cambridge: MIT Press, 1983.
Orešnik J. Slovenski glagolski vid in univerzalna slovnica. Ljubljana, 1994.
Smith C. The parameter of aspect. Dordrecht, 1991.

С.Н. Мецзяков (Москва)

Сербский исторический роман 1970-х годов в южнославянском контексте

В 70-е годы в сербском историческом романе усиливается эпическая тенденция. В это время появляется исторический роман-эпопея Д.Чосича «Время смерти»(1-1У, 1972-1979), повествующий об участии Сербии в Первой мировой войне. В 70-80-е годы сербский и черногорский писатель М.Лалич создает историческую тетралогию о Черногории первой половины XX века («Военное счастье», «Поборники», «Когда лес зазеленеет», «Глядя вниз на дороги»).

Вместе с тем в сербской литературе сохраняются традиции романа-параболы с историческим сюжетом. «Вечные вопросы» на примере событий конца XIII — начала XIV в. пытается осмыслить Д.Ненадич («Дорогтей», 1977), в этом жанре продолжает создавать свои произведения боснийский и сербский писатель М.Селимович («Крепость», 1970). В словенской литературе к историко-философскому роману проявляет интерес Д.Янчар («Галерник», 1978).

Важнейшей характеристикой сербского исторического романа 70-х годов становится слияние крупномасштабного эпического романа и романа-параболы (М.Марков «Смутное время», 1-П, 1976-1978; Э.Кош «По следам мессии», 1-Ш, 1978), исторического монументального романа и романа интеллектуального (Б.Петрович «Певец», 1-П, 1979).

Появление романа-синтеза характерно для болгарской литературы того времени (Б.Ничев . Современный болгарский роман. М., 1983).

И в сербском (М.Савичевич), и в хорватском (М.Аралица) историческом романе 70-х годов видны постмодернистские черты. С постмодернизмом в определенной степени связано и проявление в романе барочных тенденций (М.Марков, боснийско-герцеговинский и черногорский прозаик Ч.Сиярич, хорватский прозаик и драматург И.Супек).

Моругина А.С. (Москва)

Автобиографические мотивы в романе Д. Янчара "Насмешливое вождение"

Романное творчество наиболее авторитетного и переводимого современного словенского писателя Драго Янчара обширно и удивительно гармонично: все его произведения объединяет экзистенциальная философия и проблема противостояния личности истории и своей судьбе. Для романов писателя характерно включение в текст неявных авто-

биографических отсылок, однако в этой связи особый интерес представляет вышедший в 1993 г. постмодернистский роман «Насмешливое вожделение», отличный по своей тематике и жанровой специфике от остальных романов Янчара. Произведение продолжает автобиографическую традицию, типичную для словенской прозы XX в. (И.Цанкар, В.Зупан, Э.Флисар, Л.Ковачич, Б.Пахор, Н. Пирьевец и др.), однако, по-новому интерпретирует ее в русле постмодернизма.

В основу исследуемого романа положено пребывание Янчара в 1985 г. в Новом Орлеане. Тридцатипятилетний словенский писатель Грегор Градник отправляется на родину джаза как преподаватель на курсах писательского ремесла, после которого собирается написать книгу. Чувствуя себя чужаком в новой стране, протагонист занимает позицию "невидимого наблюдателя", не участвующего в происходящих событиях, а описывающего их со стороны. Таким образом, Грегор Градник является одновременно и героем, и автором произведения, и текст романа создается как бы в момент речи повествующего наблюдателя. С одной стороны, герой описывает свои отклики на внешние события и тщательно фиксирует их (уровень саморефлексии), с другой, – внимательно и иронично описывает происходящее вокруг себя (уровень рефлексии над внешним миром). Повествовательный способ от первого лица, при котором сознание героя выстраивает сюжет и полностью исключает объективное восприятие действительности, размывает дистанцию между автором и героем-рассказчиком. О близости героя к автору говорит схожесть взглядов на мир, однако отличающееся от авторского имя главного героя указывает на то, что автор не полностью отождествляет себя с протагонистом.

С жанровой точки зрения роман представляет собой сложное гибридное образование, что присуще постмодернизму, где автобиография выступает в качестве жанра, который "проблематизирует границу между документальным и вымышленным» (Киреева 2013: 21). В романе, помимо автобиографических, можно выделить, черты романа документального (отрывки из трактата "Анатомия меланхолии" Р.Бертон), философского (философия постструктурализма), любовного (большей частью натуралистического) произведения, а также романа-путешествия (описания жизни и нравов США).

Словенская исследовательница литературы А. Корон выделяет в национальной литературе поджанр "роман как автобиография" (Kogon 2002: 192), который характеризуется достоверностью фактов при одно-временной сосредоточенности на внутреннем состоянии повествующего от первого лица субъекта. Именно из-за погруженности в сознание персонажа, соблюдая пространственно-временную биографическую точность, Янчар создает текст, в котором сложно отличить реальное от

вымышленного. Собственная биография становится для автора поводом к ее домысливанию и интерпретации. Известный литературовед Н.В. Киреева обращает внимание на противоречивость постмодерна, который провозглашает "смерть автора" и вместе с тем приводит к необходимости осмысливания авторского «я» на письме. Появление новых "дискурсивных типов" Киреева связывает с "проблемой способов воссоздания идентичности", "изменениями представлений о соответствии факта и вымысла" и "кризисом субъективности". Согласно ее классификации повествовательных автобиографических типов в современной американской постмодернистской литературе, роман «Насмешливое вожделие» можно отнести к так называемому типу BIOS («жизнь») (Киреева 2013: 52). В этом типе письма писатель исследует себя самого и размышляет о личном статусе, балансируя между документальным и вымышленным.

Л и т е р а т у р а

- Киреева И.В.* Постмодернистская литература США: особенности жанровой поэтики, Благовещенск, 2013 г.
- Словенская литература XX века. М., «Индрик», 2014.
- Старикова Н.Н.* Феномен постмодернизма в словенской литературе: предпосылки и последствия // Славянский мир в третьем тысячелетии: Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М., 2016. С.460-468.
- Avtobiografski diskurz: Teorija in praksa avtobiografije v literarni vedi, humanistiki in družboslovju.* Ur. A. Koron in A. Leben. Ljubljana, 2011.
- Jančar D.* Posmehljivo poželenje. Celovec, 1993.
- Koron A.* Roman kot avtobiografija // Slovenski roman / Mednarodni simpozij Obdobja – metode in zvrsti, Lj., 2002. Str. 191 – 200.
- Sozina J.* Avtor in glavna literarna oseba v slovenskem avtobiografskem romanu sedemdesetih in osemdesetih let 20. stoletja. // *Slavistična revija*. Lj., 2002, № 2. Str. 199–217.
- Zupan Sosič A.* Zavetje zgodbe. Sodobni slovenski roman ob koncu stoletja, Ljubljana. 2003.

Мойца Нидорфер-Шушкович (Любляна) / Mojca Nidorfer Šiškovič (Ljubljana)

Словенистика в зарубежных университетах в свете актуальных вызовов / Slovenistike na tujih univerzah v mreži aktualnih izzivov

Slovenistike so v študijskem letu 2014/15 delovale na 57 univerzah po svetu, od tega večina, 50, v Evropi. Porazdelitev je posledica geografske lege Slovenije, vpetosti slovenščine kot enega uradnih jezikov v Evropsko unijo ter jezikovnih in zgodovinskih povezav z državami, kjer so državni jeziki slovanski jeziki. Bolj pogosto je umeščena v študijske programe na univerzah v sosednjih državah in slovansko govorečih državah – v slednjih je prisotna na 22 univerzah, v neslovansko govorečih državah pa na 35 univerzah. Izven

Evrope je na tujih univerzah še sedem slovenistik, in sicer 2 v Aziji, 3 v Severni Ameriki in 2 v Južni Ameriki. Na nobeni od izvenevropskih univerz se ne izvajata diplomski oziroma podiplomski študij slovenščine, se pa ta izvaja na 26 univerzah v Evropi, na več kot eni v sosednjih državah Slovenije – Italiji (Trst, Videm, Padova, Rim, Neapelj), Avstriji (Dunaj, Celovec, Gradec) in na Madžarskem (Budimpešta, Sombotel), sicer pa še na Češkem (Praga, Brno, Pardubice), Poljskem (Lodž, Varšava, Katowice), Ukrajini (Kijev, Lvov) (Letno poročilo 2015: 23-25).

Pregled razvoja slovenistik na tujih univerzah in njihovih aktualnih izzivov začnemo ob začetku samostojnosti slovenske države leta 1991, tj. pred 25 leti, ko je slovenščina postala državni jezik samostojne države. V letu 1989/1990 je bilo na tujih univerzah 25 slovenistik, od tega 13 z lektorji, napotenimi na delo iz Slovenije. Po osamosvojitvi slovenske države je tudi število slovenistik, sistemiziranih na slovenski s strani, naraščalo in v letu 2000 doseglo število 36, od tega je bilo iz Slovenije napotenih 20 lektorjev (Arhiv programa STU).

Ob prizadevanjih predsednikov, strokovnih sodelavcev in vodje programa Slovenščina na tujih univerzah: Jožeta Toporišiča do leta 1997, Ade Vidovič Muha (1997–2000), Simone Kranjc (2000–2006), Alojzije Zupan Sosič (2006–2012) in Mojce Nidorfer Šiškovič (2012–) se je s finančno podporo R Slovenije izboljševal delovnopравни položaj učiteljev in državna podpora Republike Slovenije, ki je v delovanju učiteljev in programa prepoznala potencial in pomembno vlogo pri uveljavljanju slovenskega jezika, književnosti in kulture po svetu.

Pomembni dejavniki, ki so v zadnjih 25 letih vplivali na razvoj programa Slovenščina na tujih univerzah, so bili zunanji, družbeni, ki so na program vplivali posredno, ter notranji, neposredno povezani s programom Slovenščina na tujih univerzah.

Med zunanjimi so bili najpomembnejši zlasti trije: vstop Slovenije v Evropsko unijo leta 2004 (skupaj s še drugimi devetimi državami), ko je slovenščina postala eden od uradnih jezikov Evropske unije in se je povečalo zanimanje za učenje jezikov novih držav, evropski programi mobilnosti pa so omogočili več sodelovanja. Sledila je uvedba bolonjske reforme visokošolskega sistema, ki je prispevala k povečanju izbirnosti v študijskih programih ter posledičnemu uvajanju novih predmetov in lektoratov tujih jezikov, od leta 2008 pa svetovna gospodarska kriza, ki je imela za posledico manjši vpis na humanistične in jezikovne študije.

K notranjim dejavnikom prištevamo intenziven razvoj Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik, ki s svojimi dejavnostmi zagotavlja infrastrukturo za delo lektorjev z razvojem učnih gradiv in izobraževanji učiteljev, izvedbo skupnih mednarodnih kulturnopromocijskih projektov Svetovni dnevi vsaki dve leti na tujih univerzah od leta 2004, umestitev programa v

stabilnejše državno financiranje od leta 2009 in ureditev delovnopравnega položaja učiteljev v okviru Univerze v Ljubljani, Filozofske fakultete. Na ta način zagotovljena stabilnost omogoča nadaljnji vsebinski razvoj programa in strokovni razvoj učiteljev.

Slovenistike v Ruski federaciji so tri, od tega sta slovenistiki na državnih univerzah v Sankt Peterburgu in Permu organizirani na ravni lektorata, na Moskovski državni univerzi pa se na Filološki fakulteti slovenščina izvaja kot do- in podiplomski študij, v zadnjih desetih letih v precej omejenem obsegu dveh do treh vpisanih študentov v posamezni generaciji, čeprav so potrebe trga in sodelovanja večje. Ob tem pa je medinstitucionalno sodelovanje na področju znanstvenega sodelovanja in načrtnega književnega prevajanja zelo intenzivno, k čemur med drugim pripomore tudi znanstveno-strokovno srečanje Slovenski prevajalski seminar, ki poteka vsako leto, izmenično v Moskvi in Ljubljani od leta 2012.

Словенистика в 2014/15 учебном году была представлена в 57 университетах мира, преимущественно (их 50) в Европе. Такое распределение является следствием географического положения Словении, включенности словенского языка как одного из официальных языков в Европейский Союз, языковых и исторических связей со странами, государственными языками которых являются славянские языки. Чаще всего словенистика входит в учебные программы университетов соседних славянских стран. В последних она представлена в 22 университетах, в неславянских странах в 35 университетах. За пределами Европы словенистика имеется в семи иностранных университетах, из которых 2 в Азии, 3 в Северной Америке, 3 в Южной Америке. Ни в одном из внеевропейских университетов словенистика не является основным предметом и не входит в программы магистратуры/докторантуры. И то и другое представлено в 26 университетах Европы. В каждой из перечисленных ниже стран словенистика представлена в двух и более университетах, так, в соседних со Словенией странах – в Италии (Триест, Видем, Падуя, Рим, Неаполь), в Австрии (Вена, Клагенфурт, Грац), в Венгрии (Будапешт., Сомботель), в несоседних – в Чехии (Прага, Брно, Пардубице), в Польше (Лодзь, Варшава, Катовице), Украине (Киев, Львов) (Letno poročilo 2015: 23-25).

Обзор развития словенистики в зарубежных университетах в свете актуальных вызовов мы начинаем со времени, когда 25 лет тому назад в 1991 году Словения становится самостоятельным государством, а словенский язык приобретает статус государственного языка. В 1989/90 учебном году словенистика была в 25 зарубежных университетах, в 13 из них работали словенские лекторы, направляемые словенской стороной. После обретения Словенией независимости представленность словенистики в зарубежных вузах с методической помощью словенской стороны возрастает, и в 2000 году было уже 36 вузов, где изучался словенский язык, в 20 из них работали лекторы из Словении (Arhiv programa STU).

Усилиями председателей, профильных сотрудников и руководителей Программы «Словенский язык в зарубежных университетах»: Йоже Топоришича до

1997 г., Ады Видович – Мухи (1997 – 2000), Симоны Краньц (2000 – 2006), Алойзии Зупан- Сосич (2006 – 2012) и Мойцы Нидорфер – Шишкович (2012 -), при финансовой поддержке Республики Словении улучшался трудовой и юридический статус лекторов, росла государственная поддержка Республики Словении, которая видела в работе лекторов и деятельности в рамках Программы в целом большой потенциал и важную роль в популяризации словенского языка, литературы и культуры в мире.

Важными факторами, повлиявшими в последние 25 лет на развитие Программы «Словенский язык в зарубежных университетах» были как внешние, общественные, косвенно повлиявшие на Программу, так и внутренне, непосредственно связанные с Программой. Из внешних самыми важными были три: вступление Словении в Европейский Союз (вместе с 9 другими странами), словенский язык становится одним из официальных языков ЕС, растет интерес к изучению языков новых государств, а европейские программы мобильности расширяют возможности сотрудничества. Затем последовала Болонская реформа высшего образования, которая предоставила значительно больше возможностей выбора учебных программ, что способствовало введению новых предметов и лекторатов иностранных языков. Следствием мирового экономического кризиса 2008 года было снижение числа учащихся, выбирающих гуманитарные и языковые направления обучения.

К внутренним факторам мы относим интенсивное развитие Центра «Словенский язык как второй и иностранный», который в ходе своей деятельностью обеспечил инфраструктуру, необходимую для работы лекторов, совершенствуя подготовку учебных материалов и обучение преподавателей. Важной стороной деятельности Центра было проведение в зарубежных университетах раз в два года, начиная с 2004 г. совместных международных культурных проектов «Всемирные дни словенского языка, литературы и культуры», включение с 2009 г. Программы в более стабильную систему государственного финансирования и урегулирование правового и трудового статуса лекторов в рамках Филологического факультета Люблянского университета. Так было обеспечено дальнейшее всестороннее развитие программы и профессиональный рост преподавателей.

В Российской Федерации словенистика представлена в трех государственных университетах. В Санкт-Петербурге и Перми на уровне лектората, на Филологическом факультете Московского государственного университета словенский язык преподается как основной предмет как студентам, так и аспирантам, но в последние 10 лет набор в словенистические группы резко снизился (2 -3 человека), хотя потребности рынка и сотрудничества между странами значительно выше. В то же время сотрудничество между институциями в области науки, литературного перевода и плановой книгоиздательской деятельности протекает очень интенсивно, чему в немалой степени способствуют ежегодные научно-профессиональные встречи на Словенско-Российском переводческом семинаре, проходящем с 2012 г. по очереди в Москве и Любляне.

Перевела Ольга Плотникова

Л и т е р а т у р а

Arhiv programa Slovenščina na tujih univerzah.

- Letno poročilo Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik 2015. Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 2016.
- Nidorfer Šiškovič, M., Zupan Sosič, A. Program Slovenščina na tujih univerzah kot del infrastrukture slovenščine in slovenistike // Infrastruktura slovenščine in slovenistike, (Obdobja, Simpozij, = Symposium, 28). 1. natis. Ljubljana, 2009. Str. 279-283.
http://www.centerslo.net/files/file/simpozij/simp28/Nidorfer%20S_Zupan%20S.pdf
- Nidorfer Šiškovič, Mojca. Program Slovenščina na tujih univerzah in slovenistike v Evropski uniji. //Jeziki v izobraževanju : zbornik prispevkov konference, Ljubljana, 25.-26. septembra 2008 = Languages in education: proceedings, September 25-26, 2008, Ljubljana. Ljubljana, 2008. Str. 151-154.
- Zbornik Centra za slovenščino kot drugi/tuji jezik. Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 1999.

Ирена Орел (Любляна) / Irena Orel (Ljubljana)

Русизмы в словенской лексикографии второй половины 19 века / Rusizmi v slovenskem slovaropisju druge polovice 19. stoletja

V prispevku bo tipološko prikazan delež ruske leksike v dveh največjih skupinskih dvojezičnih slovarjih 19. stoletja, *Deutsch-slovenisches Wörterbuch* (1860) in *Slovensko-nemški slovar* (1894–1895), glede na zastopanost in recepcijo v slovenskem knjižnem jeziku.

M. Cigale je kot urednik slovarja z nemškim izhodiščem s pretirano slavizacijsko vneto uvedel drugoslovanske ustreznice v ok. 7% slovarskih sestavkov, med njimi je imel prvenstvo največji slovanski jezik. V predgovoru je navedel le imena avtorjev slovanskih slovarjev: za ruščino mu je služil *Vollständiges Russisch-Deutsches und Deutsch-Russisches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen/Polnyj russko-nemeckij i nemecko-russkij slovar' dlja upotreblenija oboih" narodov* J. A. E. Schmidta, morda 2. predelana izdaja (Leipzig 1844). Vnos neslovenskih ustreznih jezikovno označuje, ruske so prečrkovane v latinico. Drugoslovanski leksemi imajo v slovarju ne glede na korensko razlikovalnost ali ujemanje informativno/ilustrativno oz. primerjalno/kontrastivno vlogo ter dvojezičnost slovarja razširjajo v večjezičnost, hkrati pa tudi pojasnjujejo izvor, prevzem iz ruščine ali so predlog za izposojno v slovenščino. Prevzemanje izkazuje kvalifikator *russ.*, ki večinom nastopa samostojno (npr. podoba, obraz, prilika, *russ. figura* (Figur)), ali kot del kvalifikatorskega pojasnila: izposojno izraža *nach dem Russ.* (npr. bratovstvo, bratovščina, bratovšina, bratinstvo, *nach dem Russ.* bratstvo (Bruderschaft)), dodajanje *auch (im) Russ.* (npr. ribja kost (*auch russ.*), koščica (Fischgräte)), primerjanje *cfr.* (npr. vzbuditi ob zbuditi (*cfr. russ.* razbuditi) (Erwecken)), prisotnost leksema v jeziku *im russ.* (npr. maček, sidro; in Croat., lenger*, mačka; *im altsl., russ., poln. u. böhm.*, kotva oder kotev (Anker, [...] des Schiffes)), včasih pa je izvor izražen tudi opisno (npr. *nach V. auch kirpič, was jedoch nur russ. zu sein scheint* (Backstein)). Ruske

ustreznice so v slovarskih sestavkih navedene samostojno ali v kombinaciji z drugimi slovanskimi ustreznici ob drugi(h) slovenski(h) ustreznici/ah ali pa je ena skupna več slovanskim jezikom, zelo redko, zlasti pri terminih, se pojavlja na prvem mestu brez slovenske ustreznice (npr. *nach dem Russ.* afrikanska podlasica, *nach V.* bela podlasica (Frett)). V lastnoimenskem seznamu je ruščina navedena obvestilno in opozarja na oblikovno ujemanje ali razlikovanje v zapisu (Nicolaus, m. Nikolaj. Miklavž, *russ.* Nikolaj; Zurich [...] (*russ.* Ciriš [...]). Primerjava iztočnic pod črko *a* je pokazala, da jih je od 25 z ruščino označenih besed le nekaj ostalo del knjižnega besedišča: *samodržec* (Absolut), serb. u. *russ.* *obožavati* (Anbeten), *russ.* u. poln. *privrženec* (Anhänger), *očevidec* (Augenzeuge) z glasovno razliko (ne pa npr. *nesklonnost* (Abneigung), *mravolev* (Ameisenlöwe), *zadatek* (Angled)).

V *Slovensko-nemškem slovarju* je zajetih skoraj 400 oz. okoli 0,4 % neposredno označenih besed (*russko*, iz ruščine, po ruščini) ali navedenih primerjalno (npr. častiljuben *prim. hs.* častoljuban, *rus.* čestoljubnyj), pomenških izposojenk (npr. *číslo* 'datum') ali prevzetih posredno iz ruščine, večinoma prek hrvaščine/srbščine, ki so bile sprejete iz poimenovalne potrebe ali so kljub že obstoječemu izvorno slovenskemu izrazu prodrle v tedanji slovenski besedni fond. Pleteršnik je rusko leksiko izbral iz Cigaletovega slovarja (npr. od omenjenih pod črko *a* sta kot ruska označena le *samodržec* in *privrženec*, medtem ko *obožavati*, *očevidec*, *zadatek* nimajo jezikovne oznake), Janežičevih slovarjev, termine iz Cigaletove *Znanstvene terminologije za srednja učilišča* (1880), po Levstiku, Tušku, Miklošiču idr. Izmed prvih 100 iztočnic jih je skoraj tretjina še prisotnih v sodobnem knjižnem jeziku (npr. *blagoglasen*, *bujen*, *čaj*, *dragocen*, *enorožec*, *izraziti*, *izslediti*), tudi kulturne besede (npr. *bojar*, *jantar*, *kavijar*); nekatere so zastarele (npr. *izsledovati* 'ugotoviti, odkriti'), ali starinske (*dejstvovati*, *izvestje*, *jarek-rka - o*), knjižne/ekspresivne (npr. *bodriti* 'spodbujati'). *Birka* 'ovca' in *čaća* 'igrača' sta izpričani le v stari knjižni prekmurščini. Mestoma je ruščina, tudi ob drugih slovanskih jezikih, stari cerkveni slovanščini, le zgled za drugačno glasovno ali besedotvorno varianto (npr. pri glagolih s predpono *iz-* proti slovenskemu *z-/s-*: *izkaziti*, *izkusiti*). Od Pleteršnika do sodobnosti je lahko pri prevzeti besedi prišlo do glasovnih razlik (npr. *čuvstvo* > *čustvo* (stsl., rus.), *brusnica* > *brúsnica* idr.).

В докладе в сопоставлении с данными словенского литературного языка рассмотрена типология отражения русской лексики в двух самых больших двуязычных словарях 19 века, составленных коллективом авторов: *Deutsch-slovenisches Wörterbuch* (1860) и *Slovensko-nemški slovar* (1894–1895).

М. Цигале, редактор немецко-словенского словаря, движимый идеей славизации словенского языка, включил почти в 7 % словарных статей словаря инославянские эквиваленты, при этом численное преимущество имел самый большой славянский язык. В предисловии он указал имена авторов славянских сло-

варей. Источником русской лексики для него был «*Vollständiges Russisch-Deutsches und Deutsch-Russisches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen*» «*Полный русско-немецкий и немецко-русский словарь для употребления обоих народов*» И.А.Е. Шмидта, вероятно, второе переработанное издание (Leipzig, 1844). В словаре обозначена языковая принадлежность несловенских эквивалентов, русские параллели даны в латинице. Инославянские лексемы независимо от того, являются ли они однокоренными или нет, в словаре выполняют информативную/иллюстративную или сопоставительную/контрастивную функции, тем самым расширяя границы словаря от двуязычности в направлении к многоязычности. Одновременно такие лексемы указывают на источник, прямое заимствование из русского языка или являются рекомендацией заимствовать слово. На заимствование указывает помета *russ.*, которая в большинстве случаев самостоятельна (напр., *rodoba, obraz, prilika, russ. figura (Figur)*), либо представлена в составе пояснения к помете. При этом заимствование обозначено пометой *nach dem Russ.* (напр., *bratovstvo, bratovščina, bratovšina, bratinstvo, nach dem Russ. bratstvo (Bruderschaft)*), уточнение пометой *auch (im) Russ.* (напр., *ribja kost (auch russ.), koščica (Fischgräte)*), сравнение пометой *cf.* (напр. *vzbuditi ob zbuditi (cf. russ. razbuditi (Erwecken))*), присутствие лексемы в языке *im russ.* (напр., *maček, sidro; in Croat., lenger*, mačka; im altsl., russ., poln. u. böhm., kotva oder kotev (Anker, [...] des Schiffes)*), иногда источник обозначен описательно (напр., *nach V. auch kirpič, was jedoch nur russ. zu sein scheint (Backstein)*). Русские эквиваленты в словарных статьях даются в одном ряду со словенскими/словенским: изолировано, в комбинации с другими славянскими или как эквивалент, общий для всех славянских языков. Очень редко и в первую очередь в рамках терминологической лексики русское слово дается на первом месте без словенской лексемы (напр., *nach dem Russ. afrikanska podlasica, nach V. bela podlasica (Frett)*). В ряду имен собственных личных русское имя информирует о формальном соответствии или отличиях в написании (Nicolaus, m. Nikolaj, Miklavž, *russ. Nikolaj; Zurich [...]* (*russ. Ciriš [...]*) Сравнение словарных статей под буквой А показало, что из 25 слов, обозначенных в словаре как русские, в словенском литературном языке осталось только несколько слов (*samodržec (Absolut), serb. u. russ. obožavati (Anbeten), russ. u. poln. privrženec (Anhänger), očevidec (Augenzeuge) z glasovno razliko (но не напр., nesklonnost (Abneigung), mravolev (Ameisenlöwe), zadatek (Angled)*).

В «Словенско-немецком словаре» представлено 400 (около 0,4 %) лексем с прямым указанием на русский язык (*rusko* “русское”, *iz ruščine* “из русского” по *ruščini* “через русский”), приведенных в качестве сравнения (напр., *častiljuben prim. “cp.” hs. častoljuban, rus. čestoljubnyj*), семантических калек (npr. *číslo 'datum'*) или косвенных заимствований в основном через сербский/хорватский. Последние заимствования были обусловлены либо потребностями в номинации, либо проникали в словенский лексический фонд того времени несмотря на наличие в языке собственно словенского наименования. М. Плетиершич черпал русскую лексику из словаря М.Цигале (напр., из всех лексем, под буквой А, упомянутых выше, как русские обозначены только *samodržec* и *privrženec*, в то время, как для *obožavati, očividec, zadatek*, языковая принадлежность не обозначена), из словарей А. Янежича, термины – из «*Znanstvene terminologije za srednja učilišča*» М. Цигале (1880), из текстов Ф. Левстика, И. Тушека, Ф. Миклошича и

др. Из первых 100 заглавных слов словарных статей почти треть еще присутствует в современном литературном языке (напр., *blagoglasen, bujen, čaj, dragocen, enorožec, izraziti, izslediti*), сохранились этнокультурные слова (напр., *bojar, jantar, kavijar*); некоторые слова устарели (напр., *izsledovati* 'ugotoviti, odkriti') или архаичны (*dejstvovati, izvestje, jarek-rka -o*), некоторые входят в фонд книжной экспрессивной лексики (напр., *bodriti* 'spodbujati'). *Birka* 'овца' in *čača* 'игрушка' представлены только в старой прекурской книжности. Иногда русский язык наряду с другими славянскими языками и старославянским языком был только образцом для появления нового фонетического или словообразовательного варианта (напр., у глаголов. с префиксом *iz-* в противовес словенскому *z-/s-*: *izkaziti, izkusiti*). В период со времени создания словаря Плетершника по настоящий момент возможна была и фонетическая адаптация заимствований (напр., *čuvstvo* stsl., rus. > *čustvo*, *brusnica* > *brúsnica* и др.).

Перевела Ольга Плотникова

Г.П. Пилипенко (Москва)

Языковые стратегии словенцев в Триесте

Словенцы, проживающие в провинции Триест (Италия), являются билингвами. По разным оценкам в регионе насчитывается от 95 до 100 тысяч словенцев (Кауцич-Ваба 2007: 195). В регионе среди словенцев распространено словенско-итальянское двуязычие. Степень билингвизма зависит от многих факторов: идеологических установок индивида, условий приобретения языков, возможности использования словенского и итальянского языков в повседневной коммуникации. По результатам полевых исследований в регионе (автором доклада обследованы следующие населенные пункты: Триест, Долина, Мачковле, Грочана, Набрежина, Сливно) были собраны образцы речи словенцев – нарративы (лингвистические биографии, этнодиалектные тексты). В ходе транскрипции было установлено, что в речи информантов реализуются разные стратегии. В докладе будут проанализированы следующие речевые практики: повтор высказывания, перевод, пауза, поиск подходящего слова, коммуникативные неудачи. При помощи подобных речевых элементов часто происходит маркирование переключения кода. Особое внимание будет уделено рассмотрению стратегии перевода, при которой перевод осуществляется как между языками (с итальянского на словенский и наоборот), так и между кодами словенского языка (по линии приморское наречие – стандартный язык). Предполагается провести также типологическое сравнение с подобными языковыми стратегиями, зафиксированными в речи словенцев в других контактных регионах (Прекурье). В докладе будет также проведен анализ ситуаций, в которых реализуются рассматриваемые речевые практики.

Литература

Kaučič-Baša M. Ohranjanje slovenščine med Slovenci na Tržaškem. // Živeti mejo. Zbornik slavističnega društva Slovenije 18. Trst. 2007. S. 195.

Н.С. Пилько (Москва)

Культурная жизнь Любляны в 1941-1943 годах

Как только на границах Югославии начались военные действия, по инициативе бана Дравской бановины М.Натлачена был создан Национальный совет Словении. Спустя несколько дней стало очевидным, что Дравская бановина будет разделена. Словенские периодические издания призвали население сохранять спокойствие, не противиться оккупантам, «показать свою зрелость, достоинство и жизнеспособность», поскольку «национальная сплоченность и дисциплина входили в сферу интересов тех, кто по-новому перекраивал Европу» (*Jutro*. 12.04.1941 № 87). В это же время возникает Антиимпериалистический фронт словенского народа. Его центрообразующей силой стала Коммунистическая партия Словении (КПС). С этого момента КПС начинает тесное сотрудничество с христианскими социалистами, демократическим крылом либерального лагеря – группой «Сокол». К Фронту присоединилась «Старая СНП», которую возглавил А.Брецель, примкнули и другие небольшие культурные, спортивные, профессиональные группы и организации.

17 апреля Национальный совет формально передал власть в руки итальянскому гражданскому комиссару Э.Грациоли. Натлачен и другие члены Совета направили Муссолини в Рим благодарственное письмо «за корректное поведение итальянской армии в ходе оккупации словенских земель» (Макаг 2005 : 601). Муссолини ответил, что фашистская Италия уважала и будет уважать культуру словенского народа. Граф Чиано, министр иностранных дел Италии, записал в своем дневнике: «...с дуче готовили декрет аннексии Любляны. Это будет итальянская провинция с широкой автономией как в культурной сфере, так и в фискальной».

Новая итальянская провинция получила название Люблянкой, ее центром соответственно стала Любляна. С 27 апреля в главных утренних и вечерних газетах, таких как «Утро», «Словенски дом», «Словенец» и «Словенски народ», стали появляться первые статьи на итальянском языке. Власти объяснили это тем, что теперь в провинции проживает большое число итальянских солдат и рабочих, которые должны быть в курсе важнейших событий и наиболее интересных новостей. В прессе было отмечено, что словенские издатели «пошли навстречу итальянским властям, и это доказало стремление люблянкой прессы к

совместной работе, что является одним из первых шагов к культурному сотрудничеству» (Jutro. 27.04.1941 № 100). Следует отметить, что на протяжении всей итальянской оккупации пресса носила довольно светский характер. Естественно, в ней публиковались сводки с фронтов и указы властей, но были также сообщения о культурной жизни, из номера в номер печатались современные повести и рассказы как словенских, так и итальянских авторов, новости из мира моды, анекдоты реклама (Пилько 2009 : 30-32).

Итальянские власти уделяли «особое» внимание культуре и просвещению на оккупированных территориях. Создавались различные организации для школьников, студентов, профессоров и учителей, а все существовавшие до этого общества ликвидировались. В сентябре 1941 г. было основано объединение «Люблянская итальянская молодежь», или «ГИЛЛ». Причем особо отмечалось, что слово «итальянская» не означает национальной принадлежности, «поскольку после аннексии Люблянская провинция стала одной из провинций Италии» (Jutro. 23.10.1941 №275). Существовало также «Объединение школьников Люблянской провинции». Оно функционировало вплоть до капитуляции Италии. Была образована Университетская организация. Были созданы и другие общества. Например, просветительская организация «После работы».

3 мая 1941 г. Италия аннексировала эту территорию. Верховный комиссар активно участвовал в общественной жизни провинции. Он также взял под свою охрану все культурные ценности. Специальным законом запрещался вывоз из Люблянской провинции предметов, имеющих культурно-историческую, археологическую и палеонтологическую ценность.

Итальянские оккупационные власти разрешили двуязычие в школе, делопроизводстве, преподавательский состав ни в школах, ни в университете не поменялся. Вкладывались деньги в развитие инфраструктуры, в частности строились детские площадки и детские сады, завершились начатые еще до войны архитектурные проекты. В театрах продолжали ставить пьесы современных словенских авторов.

Особое место занимала подпольная деятельность «Антиимпериалистического фронта словенского народа», который в июне 1941 г. был переименован в «Освободительный фронт». В Любляне появляется целый ряд подпольных типографий, которые издавали газету «Словенски порочевалец», а также патриотические книги словенских авторов.

В целом, по сравнению с ситуацией, сложившейся в германской и венгерской оккупационных зонах, в Люблянской провинции положение словенской культуры было более выигранным. Главным фактором

являлось то, что итальянские власти не запретили употребление словенского языка.

Л и т е р а т у р а

Пилько Н.С. Словения в годы оккупации. М., 2009.

Млакar B. Slovenski meščanski politični tabor in okupacija // Slovenska novejša zgodovina 1841-1992. Knj.1. Ljubljana, 2005.

Jutro.

Катя Пиузи (Киeв) / Katja Piuzi (Kijev)

«Говорят, и это правда, что их сам черт выгоняет на пастьбу...» Соня обыкновенная в славянском анималистическом фольклоре / »Pravijo za trdno, da jih goni vrag sam na pašo ...« Navadni polh v slovenski folklori v navezavi na slovansko živalsko folkloro

Pričujoči prispevek predstavlja poizkus umestitve navadnega polha⁶ v slovansko živalsko folkloro. Polh in lov na polhe je bil v preteklosti na Slovenskem zelo razširjen. Najbolj znana polharska območja so bila na Dolenjskem, za pretežno ruralno prebivalstvo pa je lov na polhe predstavljal dodaten vir zaslužka. Ni presenetljivo, da je bil vse do leta 1848 lov na polhe obdavčen⁷. Zelo cenjena je bila tudi polšja mast, ki se je uporabljala za zdravljenje ran, opeklin in ureznin⁸. Polh je kot zelo razširjena žival našel svoje mesto v tudi slovenskih pregovorih in primerah (Ob Mihaelu rad žene hudič polhe spat; Gleda kakor oguljen polh) ter v ljudskih pripovedih (O črnem polhu).

Ob dobrih letinah, torej v letih, ko bogato obrodijo bukke, se polhi pojavljajo v velikih količinah (t. i. polšja leta). Opis polšjih let najdemo v Valvasorjevi Slavi Vojvodine Kranjske, kjer avtor ta pojav poveže s hudičem in izpostavi, da »vrag goni polhe na pašo«. Po M. Stanonik lahko avtorjevo razumevanje polšjih let interpretiramo v antropocentričnem smislu: Valvasor je zgolj poizkušal najti razlago za divje in nekontrolirano gibanje preplašenih polhov v času lova (Stanonik 2008 : 174).

Povezave majhnih glodalcev (miši, podgan, veveric) z nečisto silo (hudičem, čarovnicami) so splošno slovanske in jih lahko najdemo v folklorah različnih slovanskih narodov (Гуца 1997 : 199). Tako so naprimer veverice v vzhodnoslovanski folklori povezane s simboliko ognja, nevar-

⁶ Lat. *Glis glis*, rus. *Соня-полчок*, ukr. *Соня-вовчок*.

⁷ *O polhah in polharstvu v Loški dolini* (elektronski vir, dostopno 28. 5. 2016).

⁸ *Polšja mast celi rane, tudi na želodcu* (elektronski vir, dostopno 28. 5. 2016).

nosti⁹. V primerjavi z veravicami se mišim pripisujejo lastnosti, povezane s krajo in prevaro (torej hitrost in zvitost). Pri nekaterih južnoslovanskih narodih te lastnosti razširjajo tudi na pojmovanje miši kot duš umrlih (Сумцов 1891 : 50). V Bosni je razširjeno verovanje, da se doma ne žvižga – plodijo se miši. Podobno verovanje je tudi pri Srbih; zvečer v domu ne sme biti glasbe, saj le-ta vabi miši v dom (Гура 1997 : 204).

Polh je vsekakor posebna žival slovenske folklore, kulture in zgodovine. V preteklosti je lov na polhe omogočal preživetje številnim tlačanom. Polh je tudi žival, ki se je skozi stoletja uspela zasidrati v zgodovinsko zavest našega naroda in najti svoje poti v slovensko literaturo in jezik (v osrednjem slovenskem normativnem priročniku, SSKJ, je kar 49 gesel, ki so povezana s polhom). Vendar o tem kdaj prihodnjič.

Настоящий доклад представляет собой попытку определить место сони¹⁰ (слов. polh) в славянском фольклоре, где в качестве персонажей выступают животные. Соне как виду фауны, на представителей которого велась охота, в словенской культуре отведено важное место. Для Доленского региона этот вид промысла был весьма значим, поскольку для основной части сельского населения он являлся дополнительным источником доходов. Поэтому неудивительно то, что добыча сонь вплоть до 1848 года облагалась налогом¹¹. Довольно дорого ценился и жир сонь, применявшийся для лечения язв, ожогов и порезов¹². Будучи довольно распространенным видом фауны, соня часто упоминалась в словенских пословицах и поговорках – Ob Mihaelu rad žene hudič polhe spat (В день Св. Михаила черт гонит сонь спать); Gleda kakor oguljen polh (смотрит, как облезлая соня), а также в народных преданиях (O črnem polhu – О черной соне).

В урожайные годы, т.е. в годы, когда бук дает много семян, поголовье сонь значительно возрастает (т.н. годы сонь). Описание «годов сонь» содержится в труде Я.В. Вальвазра «Слава Герцогства Крайны», в котором автор связывает это явление с действием потусторонних сил: «черт выгоняет сонь на пастьбу». В соответствии с утверждением М. Станоник, авторское понимание «года сонь» предстает в антропоцентрическом аспекте: Вальвазор пытался найти объяснение бесконтрольным, стихийным миграциям сонь в сезон охоты (Stanonik 2008: 174).

Соотнесение мелких грызунов (мыши, крысы, белки) с нечистой силой (черт, ведьмы) является общим местом для всех славянских культур, это присутствует в фольклоре многих славянских народов (Гура 1997 : 199). Так, например, у восточных славян белки олицетворяют собой огонь, опасность¹³. В отличие от них, мышам приписывается вороватость, лживость. Некоторые юж-

⁹ »Огненная символика [белки] мотивирована рыжей окраской беличьего меха, которая воспринимается в связи с огнем.« (Гура 1997 : 252).

¹⁰ Lat. *Glis glis*, рус. *Соня-полчок*, укр. *Соня-вовчок*.

¹¹ *O polhih in polharstvu v Loški dolini* (электронный источник, доступ с 28. 5. 2016).

¹² *Polšja mast celi rane, tudi na želodcu* (электронный источник, доступ с 28. 5. 2016).

¹³ »Огненная символика [белки] мотивирована рыжей окраской беличьего меха, которая воспринимается в связи с огнем.« (Гура 1997 : 252).

нославянские народы идут еще дальше, вселяя в них души умерших (Сумцов 1891 : 50). В Боснии считается, что в доме нельзя свистеть – расплодятся мыши. Такое же верование есть и у сербов; по вечерам дома не должна звучать музыка – это приманивает в дом мышей (Гура 1997 : 204).

Как бы то ни было, соня в словенском фольклоре, культуре и истории отведено особое место. В прошлом охота на соню давала пропитание множеству подневольных жителей. Кроме того, соня – это животное, чей облик в ходе веков прочно укоренился в сознании словенского народа, проник в его литературу и язык (в нормативном толковом словаре словенского языка, SSKJ, присутствует 49 статей, в которых содержится упоминание соню). Это станет предметом дальнейших исследований.

Перевела Жанна Перковская

Л и т е р а т у р а

- Бусел. В.Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови. І., 2001.
Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987.
Рогалевич Н.Н. Словарь символов и знаков. М., 2004.
Рошаль В.М. Энциклопедия символов. М.; С.-П., 2007.
Сумцов Н.Ф. Мышь в народной словесности. // Этнографич. Обзорение. 1891, № 1.
Goršič F. Polharsko imenoslovje // Jezik in slovstvo. 1958, № 1.
Jurčič J. Jesensko noč med slovenskimi polharji // Zbrani spisi. 1919.
Snoj M. Slovenski etimološki slovar. L., 2016.
Stanonik M. Interdisciplinarnost slovenske folklore. L., 2008.
Stanonik M. Janez Vajkard Valvasor in slovstvena folklor // Razgledi. 1990, №7/8. С. 185–187.

Э л е к т р о н н ы е и с т о ч н и к и

- О polhah in polharstvu v Loški dolini: <http://www.loska-dolina.net/content/view/154/140/> (dostopno 28. 5. 2016).
Polharstvo – Polšja mast celi rane, tudi na želodcu: http://www.lokalno.si/2014/03/02/111677/aktualno/DL_Polharstvo___Polsja_mast_celi_ranetudi_na_zelodcu/ (dostopno 28. 5. 2016).
SSKJ 2001: <http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html> (dostopno 29. 5. 2016).

А.И. Плотникова (Москва)

Флексия -и/ -у в родительном падеже единственного числа у существительных мужского рода в словенском и русском языке

В процессе унификации различных типов склонения, начавшейся еще в дописьменную эпоху, происходит взаимодействие древних *ѡ- и *ѣ-склонений, имевших совпадения в парадигме. Одним из результатов данного процесса в русском и словенском языках является наличие окончания -у (-и) у некоторых существительных мужского рода в родительном падеже единственного числа.

Р.Эккерт утверждает, что немногочисленная группа слов древнего *ŷ-склонения влияла на существительные *ō-склонения вследствие своей разнородности и большой употребительности. К бесспорным существительным древнего *ŷ-склонения Р.Эккерт относит: *domъ*, *medъ*, *polъ*¹⁴, *synъ*, *vъrxъ*, *volъ*, а также **borъ-*, **beobrŷ-/bъbrŷ-*, **borŷ-*, *(j)*ilŷ-*, **ledŷ-*, **olŷ-* и отглагольные существительные, разделенные на три группы в зависимости от словообразовательного форманта: 1) существительные на -(n)ŷ- (др.р. *станъ*, *чеснокъ*, *сынъ*, *чинъ*); 2) на -*(ŷ)- (др.р. *избытъкъ*, *остатъкъ*, *свитькъ*¹⁵, *листь*, *вѣтъвь*); 3) на *-gŷ- (*-gō- ?) (др.р. *даръ*, *миръ*¹⁶, *пиръ*, *жиръ*). К существительным с возможной *ŷ-основой относятся: **gvozď* (*лес*), **jadъ*, **plodъ*, **ręď*, **sadъ*, **smordъ* (запах, смрад). Некоторые слова с изначальной основой на *-ō рано подверглись влиянию *ŷ-основ из-за сходства в исходе основы, «в частности тех ŷ-основ, которые в им.п. ед.ч. оканчивались на *-ďъ (<-dŷ)»: *адъ*, *гаď*, *граď*, *родъ*, *сждъ*, *тродъ*, *оудъ*¹⁷, *жидъ* (Эккерт 1963: 13-86).

В современном словенском языке, «флексия -и род.п. ед.ч. используется как вариантная у ряда односложных существительных» (Плотникова 1990: 32). Подробный перечень таких слов приводят Й.Топоришич (*dar*, *grad*, *hlad*, *jez*, *lan*, *las*, *les*, *mah*¹⁸, *med*, *mir*, *most*, *sad*, *sim*, *sled*, *pot*¹⁹, *rod*, *strah*, *smrad*, *tat*, *led*, *nos*, *glad*, *glas*, *sram*, *god*, *zid*) и К.Винсено (*pas*, *sat*, *vrat*, *tat*, *lan*, *las*, *strah*, *med*, *led*, *mir*, *god*, *rod*, *plod*, *plot*). Оба автора определяют форму на -и как вариантную. Й.Топоришич указывает форму на -и как единственно возможную для слов *plaz* и *stan*, а К.Винсено — для слов *glad* и *sad*. Для слов *mrak*, *plod*, *plot*, *sat*, *tram*, *vrat*, *žar* Й.Топоришич отмечает менее последовательное присоединение окончания -и в склонении существительных *rak*, *plod*, *plot*, *sat*, *tram*, *vrat*, *žar* (Топоришич 2000: 282, Vincenot 1975: 46).

Таким образом, в словенском языке мы наблюдаем окончание -и у односложных существительных (какими и было большинство слов на -*ŷ), многие из которых в древности относились к склонению на -*ŷ (*med*, *sin*, *led*, *dar*, *mir*, возможно *plod*, *sad*, *smrad*) или рано подверглись их влиянию (*grad*, *rod*). Кроме того, в словенском языке одушевлен-

¹⁴ В значении 'половина'.

¹⁵ Р.Эккерт считает, что эти основы оканчивались на *-ŷ до прибавления суффикса, например: *čes-нь-(къ) <*česnŷ-(ko-s) от глагола *česati.

¹⁶ В значении 'покой'.

¹⁷ 'Член'

¹⁸ В значении 'мох'.

¹⁹ Слова *sled* и *pot* в современном словенском языке изменются по женскому типу, но в фразеологии и устойчивых сочетаниях могут сохранять форму мужского рода (sr. *izginiti brez sledu*).

ность не препятствует принятию флексии *-u* (*sinu, tatu*), и эта флексия всегда ударна (в русском языке не обязательно: *кефирчику, бензинчику*).

Для русского литературного языка фиксацию нестандартной флексии мы видим, например, в «Русской грамматике» 1980 г. (далее АГ-80). «Эти формы употребляются при обозначении целого, из которого выделяется некоторая часть (количество): *достать (купить, принести) чаю, сахару, винограду; тарелка бульону, чашка чаю; мало (много) дыму, снегу*, а также в некоторых отрицательных конструкциях, напр., *нет снегу* (АГ-80, т. I: 486). В АГ-80 перечислены группы слов, для которых формы на *-у* характерны. Туда входят, кроме слов с вещественным значением, слова, называющие проявления различных физических состояний и природные явления (визг, гвалт, гомон, гром); абстрактные понятия, связанные с деятельностью или состоянием людей (азарт, аппетит, гонор, опыт); слова со значением нерасчлененной множественности (люд, народ, сброд; долг, доход). А.А.Зализняк в «Русском именном словоизменении» наряду с родительным с диагностическим контекстом «у... есть недостаток» выделяет «второй родительный» с диагностическими контекстами «у меня нет...» и «дай мне...» [Зализняк 2002: 42-44], что терминологически соотносится с партитивом. Таким образом, современные описания русского языка предлагают выделять слова с окончанием *-у* на основе семантического критерия, в первую очередь данная флексия характерна для контекста партитива.

В истории живого русского языка было больше факторов, влиявших на присоединение окончания *-у*, и принадлежность слова к древнему *-*ŭ* склонению была далеко не решающим критерием. Решающими факторами для присоединения флексии *-у* были: значение партитива, односложность, акцентная парадигма *с*, неодушевленность, заднеязычный согласный в исходе основы, нередко – соотнесенность с глаголом, кроме того, в 100% случаев существительные акцентной парадигмы *с* в контексте партитива присоединяли окончание *-у*. Возможно, именно благодаря этому факту, появилась возможность формирования партитива как отдельного падежа в современном русском языке, чего мы не наблюдаем в словенском языке (можно сказать *malo čaja*, но не **malo čaju*). Кроме того, в словенском языке одушевленность не является фактором отторжения окончания *-u* (*sinu, tatu*).

Таким образом, в современном словенском и русском языках явление нестандартного окончания в род.п. ед.ч. имеет различное выражение, несмотря на то, что возникло оно в обоих языках вследствие общего процесса, происходившего еще в праславянском языке.

Л и т е р а т у р а

Toporišič J. Slovenska slovnica. Maribor, 2000.

Vincenot C. Essai de grammaire Slovène. Mladinska knjiga, 1975.

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 2002.
Плотникова О.С. Словенский язык. М., 1990.
Русская грамматика. М., 1980.
Эккерт Р. Основы на *ч в праславянском языке // Ученые записки Института славяноведения. Т. 27. М., 1963.

Вера Смоле (Любляна) / Vera Smole (Ljubljana)

Второй том Словенского лингвистического атласа (SLA) и диалектные тексты о крестьянском доме / Drugi zvezek Slovenskega lingvističnega atlasa (SLA) in narečna besedila o kmečki hiši

Z izidom 1. zvezka Slovenskega lingvističnega atlasa 1 Človek (telo, bolezni, družina) 2011 (Škofic et. al.) se je začel uresničevati najzahtevnejši projekt slovenske dialektologije, tj. izdelava nacionalnega lingvističnega atlasa kot enega od temeljnih del slovenskega jezikoslovja, ki od zasnove 1934 (Fran Ramovš) do prvih zapisov po 2. svetovni vojni (Tine Logar in drugi) prvih objavljenih kart konec 80-ih let (Vera Smole in Francka Benedik) (Benedik: 1999; Kenda-Jež: 1999) traja že dobrih 80 let in je kljub težavam ali finančnega ali kadrovskega značaja preživel in vedno znova oživiljal ter je trenutno na dobri poti, da zbrano gradivo na okrog 3000 vprašanj postopoma dobi geolingvistično obdelavo in izide v dvodelnih publikacijah: poleg knjige kart z indeksi še knjiga komentarjev ter se vključi (kot že prvi zvezek) v slovarsko spletišče Fran (Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU: <http://www.fran.si/>). Po petih letih, 2016, je izšel že 2. zvezek z naslovom Kmetija (Škofic et. al.), prav tako kot prvi je leksično-besedotvorni, in obravnava besedje za hišo, prostore in opremo v njej, gospodarska poslopja in nekatera domača opravila. Ob 100. obletnici rojstva je posvečen akad. prof. dr. Tinetu Logarju (1936–2002) kot glavnemu terenskemu zbiratelju gradiva in mentorju številnim študentskim delom, ki so gradivo še pomembno dopolnili. Združevanje moči inštitutskih raziskovalcev, fakultetnih mentorjev in študentov je obojestransko koristno, ob tolikšni narečni raznolikosti slovenskega jezika celo nujno. Tako so študentje s tremi diplomskimi deli intenzivno sodelovali tudi pri izdelavi 1. zvezka SLA (Horvat: 2007, Kostelec: 2007, Petek: 2007), ne pa več pri 2. zvezku, zato smo si zastavili drugačno nalogo: da del vsebine 2. zvezka o kmečki hiši, prostorih v njej in poslopih ob njej, ki spada že na področje poimenovanja polpretekle kulturne dediščine, ubesedimo v krajših besedilnih opisih s pomočjo vnaprej pripravljenega besedila v knjižnem jeziku in starejših ljudi, ki predmetnost še dobro poznajo in so tudi zanesljivi narečni govorci. Študentje so tako spoznavali bivalno kulturo svojih prednikov, hkrati pa uzaveščali spreminjanje (zamiranje stare in nastanek nove) dela leksike zaradi spremin-

janja predmetnosti. Tako nastala vsebinsko primerljiva besedila omogočajo neposredno primerjavo med narečnimi govori znotraj enega narečja, ene narečne skupine in med več narečnimi skupinami na različnih jezikovnih ravneh; tako je bila zasnovana analiza. Po izidu 2. zvezka smo lahko opravili že prve primerjave z gradivom v njem in »našim« gradivom ter ugotovili dobro ujemanje na leksično-besedotvorni ravni tam, kjer so narečni govori še ohranjeni vsaj pri delu govorcev določenega kraja, žal pa se pojavlja vse več krajev (starejših, seveda tudi na novo nastalih) z bolj ali manj pokrajinsko obarvanim (večinoma nesistemskim) pogovornim jezikom in popolno odsotnostjo pravih narečnih govorcev (npr. Vir pri Domžalah).

Leksično-besedotvorno gradivo se dobro ujema s tistim iz atlasa. Opažamo pa spremembe oz. mlade (nadaljnje) razvoje na glasoslovni ravni, ki jih tudi v več desetletij zgodnejših zapisih gradiva za atlas še ne najdemo. Tako se dolgi i (tudi dolgi u, vendar je proces nekoliko počasnejši) v severnejših govorih gorenjskega narečja zaradi stopnjevanja napetosti izgovora krajša in prehaja v sistem kratkega vokalizma, ponekod, npr. v govoru Koprivnika (občina Bohinj), pa se spreminja tudi mesto izgovora, in sicer se pomika nazaj ob hkratni prisotnosti gorenjskem govoru, v Križah (občina Trzič), pa se rahlega pridiha, za katerega niti (še) nimamo pravega znaka za fonetični zapis. V drugem sporadično pojavlja nazaj pomaknjeni i, izgovorjen z rahlo zaokroženimi ustnicami in je podoben notranjskemu naprej pomaknjenemu u-ju, tj. y:. V štajerskem kozjansko-bizeljskem govoru Brestovca (občina Rogaška Slatina) smo odkrili za slovenska narečja redko diftongizacijo dolgega a kot položajne variante labializiranemu a-ju ob ustničnikih (*z m^uâ.rlät* 'весна', *do m^uâ.*).

Zbrana narečna besedila so zanimiv dodatek 2. zvezku SLA, skupaj s posnetkom, transkri-biranim zapisom, dobesečnim prevodom oz. fonetično poknjžitvijo in krajšo analizo pa tudi študijski pripomoček (natisnjena delovna različica prvih 30 besedil brez posnetkov to vlogo že opravlja; prim. Smole, Horvat: 2016), s postavitvijo na internet, ki se obeta v jeseni 2016, pa tudi poučno gradivo o slovenskih narečjih in polpretekli bivalni kulturi za širšo javnost.

Ob predstavitvi referata bomo poslušali odlomke posnetkov zbranih besedil.

В 2011 г., с выходом первого тома Словенского лингвистического атласа «Человек (тело, болезни, семья)» (Škofic et. al.), начал воплощаться в жизнь наиболее ответственный проект словенской диалектологии – создание национального лингвистического атласа как одной из основных задач словенского языкознания. С момента основания проекта в 1934 г. Франом Рамовшем прошло уже более 80 лет. Первые диалектные данные для Атласа записаны после Второй мировой войны (Тине Логар и др.); первые карты опубликованы Верой Смоле и Францкой Бенедик в конце 80-х гг. (Benedik 1999; Kenda-Jež 1999).

Несмотря на финансовые и кадровые трудности, работа над Атласом продолжается. Собранный материал, представляющий собой ответы на около 3000 вопросов, постепенно обрабатывается методами лингвогеографии и выходит в двухчастных публикациях (том карт с индексами и том комментариев), а также публикуется на словарном портале Института словенского языка им. Франа Рамовша Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств «FRAN» (www.fran.si), где уже доступен материал первого тома Атласа.

Пять лет спустя, в 2016 г., вышел второй том «Крестьянское хозяйство» – как и первый, лексико-словообразовательный. В нем представлена лексика, связанная с домом, его помещениями и утварью, хозяйственными постройками и работой по дому. Том посвящен и опубликован в ознаменование столетия со дня рождения акад. проф. Тине Логара (1916–2002), главного собирателя диалектного материала и научного руководителя многочисленных студенческих работ, значительно дополнивших данный материал.

Объединение сил исследователей из Института словенского языка, студентов и их научных руководителей с философского факультета Университета в Любляне идет на пользу обеим сторонам, а при таком диалектном разнообразии словенского языка просто необходимо. Так, трое студентов со своими дипломными работами приняли активное участие в создании первого тома СЛА (Horvat 2007, Kostelec 2007, Petek 2007). При работе над вторым томом задача была иной – описать часть материала, представляющую наименования объектов культурного наследия (крестьянский дом, его помещения и примыкающие к нему хозяйственные постройки), в кратких текстах с помощью заранее подготовленного текста на литературном языке и пожилых людей, вполне владеющих диалектом и хорошо знакомых с реалиями крестьянского быта.

Так студенты познакомились с культурой быта своих предков и вместе с тем осознавали изменения части лексики (исчезновение старой, появление новой) из-за смены реалий. Созданные таким образом тексты схожего содержания позволяют провести непосредственное сопоставление говоров одного диалекта, одной группы диалектов и нескольких диалектных групп; так был разработан анализ.

С выходом второго тома мы смогли провести первое сопоставление его материала с «нашим» материалом и обнаружили соответствия на лексико-словообразовательном уровне там, где хотя бы часть населения сохраняет говор; к сожалению, все больше населенных пунктов (как старых, так и новых) с более или менее территориально окрашенным (в основном несистемным) разговорным языком и полным отсутствием настоящих носителей диалекта (например, Вир при Домжалах).

Лексико-словообразовательный материал вполне соответствует материалу Атласа, в то время как на фонетическом уровне наблюдаются изменения – новое (дальнейшее) развитие, которого нет в материалах Атласа, записанных несколько десятилетий назад. Так, долгий *i* (а также долгий *u*, но этот процесс идет несколько медленнее) в северных говорах гореньского диалекта из-за усиления напряженности при произношении сокращается и переходит в систему краткого вокализма; кое-где, например, в говоре Копривника (община Бохинь), меняется также место образования – язык смещается назад, что сопровождается небольшим оттенком произношения, для которого даже (пока) нет подходящего знака

фонетической транскрипции. В другом гореньском говоре – в Крижах (община Тржич) – спорадически появляется отодвинутый назад и немного огубленный *i*, подобный нотраньскому сдвинутому вперед *u*, т.е. *u:*. В штирийском козыанско-бизельском говоре Брестовца (община Рогашка Слатина) мы обнаружили редкую для словенских диалектов дифтонгизацию долгого *a* как позиционного варианта лабиализованного *a* при губно-губных (*z^hm^uā:rlät* ‘весна’, *d^o h^uā:*).

Собранный диалектный материал представляет собой интересное дополнение ко второму тому СЛА, а вместе с аудиозаписью, транскрипцией, дословным переводом, фонетической адаптацией и кратким анализом – и учебное пособие (изданная рабочая версия первых тридцати текстов без аудиозаписей (Smole, Horvat 2016) уже выполняет эту функцию). Будучи опубликован в сети Интернет осенью 2016 г., материал станет источником информации о словенских диалектах и уходящей культуре быта для широкой публики.

В рамках презентации работы состоится прослушивание отрывков аудиозаписей собранного материала.

Перевела Мария Громова

Literatura

- BENEDIK, Francka, 1999: Vodnik po zbirki narečnega gradiva za Slovenski lingvistični atlas (SLA). Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
- HORVAT, Mojca, 2007: Geolingvistični prikaz nekaterih leksemov iz pomenskega polja bolezni – samostalniki (po gradivu SLA) : diplomsko delo. Ljubljana: FF UL.
<http://www.fran.si/>
- KENDA – JEŽ, Karmen, 1999: Predgovor. V: BENEDIK, Francka, 1999: Vodnik po zbirki narečnega gradiva za Slovenski lingvistični atlas (SLA). Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 5–9.
- KOSTELEČ, Petra, 2007: Geolingvistični prikaz leksemov s pomenskega polja bolezni – pridevniki (po gradivu za SLA) : diplomsko delo. Ljubljana: FF UL.
- PETEK, Urška, 2007: Geolingvistični prikaz leksemov s pomenskega polja družina (po gradivu za SLA) : diplomsko delo. Ljubljana: FF UL.
- SMOLE, Vera (ur.), HORVAT, Mojca (ur.), 2016: Stara kmečka hiša – narečna besedila z analizo. 1 : gradivo za ŠDP 3. 1. izd. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani.
- ŠKOFIC, Jožica (ur.), et al., 2011: Slovenski lingvistični atlas. 1, Človek (telo, bolezni, družina). (Zbirka Jezikovni atlas, ISSN 2232-5255). Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, zv. 1: Atlas, zv. 2: Komentarji.
- ŠKOFIC, Jožica (ur.), et al., 2016: Slovenski lingvistični atlas. 2, Kmetija. (Zbirka Jezikovni atlas, ISSN 2232-5255). Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, zv. 1: Atlas, zv. 2: Komentarji.

Мойца Смолей (Любляна) / Mojca Smolej (Ljubljana)

Взгляды на язык в теории и функционирование литературного/стандартного языка в реальности / Teorija stališč do jezika in realno stanje rabe knjižnega/standardnega jezika

1. Stališča do jezika

Odnos ali stališče do (knjižnega) jezika²⁰ se na Slovenskem odraža vsaj na treh različnih, pa vendar zelo povezanih ravneh: prvo (institucionalno) odraža stališče, ki zagovarja klasično pojmovanje funkcije in rabe knjižnega jezika, drugo (prav tako vezano predvsem na inštitucije), ki se obrača bolj k rabi pojma standardni jezik, in tretja, ki jo lahko vidimo na »ulici« in se odraža kot ljudski preskriptivizem. Druga, ki pomeni odklon od klasičnega pojmovanja knjižnega jezika, opozarja na nujno upoštevanja dejanske rabe, lahko bi rekli, da je blizu pojmovanju komunikacijske kompetence pri Dellu Hymesu. Ta je kot merilo komunikacijske kompetence postavil kriterij »narejeno«, v okviru katerega se ves čas presojata različna, a obenem komplementarna jezikovna pola »pogostnost« in »norma«. Tako prvo kot drugo pojmovanje knjižnega/standardnega jezika (vsaj na Slovenskem) redkokdaj v jezikovno načrtovanje vključuje samo teorijo stališč do jezika, še manj pa seveda dejansko stanje rabe jezika oz. knjižnega/standardnega jezika, čeprav se morda to zdi protislovno.

Poznavanje stališč do jezika²¹ v prvi vrsti ponuja smernice samemu jezikoslovcu, ki se ukvarja z jezikovnim načrtovanjem. Brez poznavanja oz. zavedanja lastnih stališč lahko jezikovno načrtovanje kaj hitro zapade v neke vrste jezikovno diktaturo (preskripcijo enega samega človeka ali skupine). Poznavanje stališč do jezika ima tudi širše družbeno težo, saj so odnosi ali stališča do jezika in sociokulturne norme del komunikacijske kompetence, kot take pa imajo torej velik vpliv na znotrajdružbene interakcije (reakcije) bodisi kot povzročitelj ali posledica.

1.1. Ljudski preskriptivizem

Ljudski preskriptivizem je na Slovenskem zelo pogost in čedalje močnejši pojav. Tako se je npr. 5. 12. 2011 na strani FB pojavil poziv za oblikovanje Društva za promocijo uporabe rodilnika pri zanikanju ter ženske dvojine.

Fantje in dekleta, vabljeni tudi v skupino za ohranitev slovenščine. a ste za to, da se povežemo, se skupaj angažiramo in dejansko poskusimo kaj spremeniti, ker to, kar se dogaja je že prešlo v kritično fazo?

²⁰ Teorijo stališč do jezika sta na Slovenskem natančneje predstavili Petra Jerovšek (2014), ki je v diplomskem delu *Jezikovna stališča mladih do slovenščine in nemščine na avstrijskem Koroškem* obravnavala premalo raziskano problematiko sodobnega položaja mladih koroških Slovencev na Avstrijskem, in Maja Bitenc (2016), ki se je s teorijo stališč do jezika ukvarjala v doktorskem delu z naslovom *Variantnost govorjene slovenščine pri geografsko mobilnih osebah*. Obe deli sta nastali na Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete v Ljubljani pod mentorstvom red. prof. dr. Marka Stabeja.

²¹ Razumevanje teorije stališč do jezika temelji na delu *Investigating Language Attitudes*. Avtorji so: Peter Garrett, Nikolas Coupland in Angie Williams. Delo je izšlo leta 2003 pri založbi University of Wales Press Cardiff.

Pri razumevanju teorije je bil v veliko pomoč tudi zbornik *The Languages of Nation*, ki je izšel leta 2012 pri založbi Multilingual Matters. Urednici sta: Carol Percy in Mary Catherine Davidson.

Primerov »ljudskega« preskriptivizma ni najti le na »ulici« oz. spletnih straneh ljubiteljskih društev, pač pa tudi v dnevnem časopisju, revijalnem tisku, v šoli itd.

Skupne predpostavke vseh oblik ljudskega preskriptivizma so: a) obstaja le en pravičen način govorjenja in pisanja slovenščine, b) vsakršen odmik od predpisane knjižne norme je znak barbarizma, nepismenosti; neknjižne oblike so nepravilne, c) ljudje morajo uporabljati knjižni jezik; neuporaba knjižnega jezika je znak neumnosti, primitivizma.

2. Realno stanje rabe knjižnega/standardnega jezika

Sodobna jezikoslovna stroka se je seveda od predhodno opisanih predpostavk povsem odmaknila (ostaja pa na ulici, v šolah, medijih itd.). V ospredju je poudarjanje enakopravnosti različnih variant in nujnost opisa vsake izmed njih. Opaziti pa je, da se morda pogled jezikoslovca pomika v drugo skrajnost, ki pa prav tako ne podaja roke vsem govorcem določenega jezika.

H. Tivadar je v prispevku, ki je bil objavljen v zborniku 51. SSJLK (2015: 43-50), analiziral primere zapisa sodnega postopka in izpostavil pomen govora in njegovega zapisovanja za sporazumevanje in delovanje v sodobni družbi. Konkretni predstavljeni primeri analize snemanj sodnih obravnav prikazujejo, da je realnost govora na sodiščih pogosto daleč od knjižne izreke in celo razumljivosti. Vprašanje, kaj pomeni oddaljenost od knjižne izreke, in problematiko (ne)upravičenosti zahteve po knjižnem govoru v sodni dvorani, bomo pustili ob strani. Za konec se bomo ustavili le pri dejstvu, da je realnost govora daleč od razumljivosti. Kljub poudarjanju enakovrednosti vseh variant jezika in zaradi pomanjkanja raziskav konkretnih jezikovnih situacij v vseh možnih okoliščinah in pogostega izhajanja iz jezikoslovčevega lastnega dojemanja jezikovne realnosti (lastnega stališča do jezika) problematika (dvosmernega) nerazumevanja namreč ostaja realnost.

1. Взгляды на язык

Отношение к языку или понимание (литературного) языка²² в Словении выражается по меньшей мере на трех различных, но тесно связанных между собой уровнях: первый (институциональный) отражает позицию, поддерживающую классическое понимание функций и использования литературного языка, второй (точно так же связанный прежде всего с институциями) больше внимания уделяет использованию понятия стандартный язык и третий уровень, который мы можем наблюдать «на улице», отражает народный прескриптивизм. Второй

²² В Словении взгляды на язык в теории детальнее представили Петра Еровшек (2014), исследовавшая в дипломной работе «Лингвистические взгляды молодежи австрийской Каринтии на словенский и немецкий языки» мало изученную проблематику современного положения молодых каринтийских словенцев в Австрии, и Майя Битенц (2016), которая теорию взглядов на язык исследовала в докторской диссертации «Вариантность словенской речи у лиц с географически меняющимся местом жительства».

Обе работы были выполнены на отделении словенистики Философского факультета Люблянского университета под руководством проф. Марко Стабея.

уровень, означающий отказ от классического понимания литературного языка, акцентирует внимание на необходимость учета реального использования языка. Можно заметить, что это близко пониманию коммуникативной компетенции в теории Делла Хаймса, который в качестве критерия коммуникативной компетенции выдвинул критерий «сделано», в рамках которого непрерывно обсуждаются два диаметрально противоположные вместе с тем тесно связанные между собой языковые понятия – «частотность» и «норма». Как в рамках первого, так и второго понимания литературного/стандартного языка при языковом планировании редко (по крайней мере, в Словении) учитываются теоретические взгляды на язык и естественно еще меньше реальное состояние функционирования литературного/стандартного языка, хотя это и представляется противоречивым.

Знание точек зрения о языке²³ в первую очередь ориентирует самого лингвиста, занимающегося языковым планированием. Без знания или осознания собственных точек зрения языковое планирование может оказаться своего рода языковой диктатурой (прескрипцией одного человека или группы лиц). Знание точек зрения о языке обладает большой общественной значимостью, т.к. отношение к языку и социально-культурной норме является частью коммуникативной компетенции и как таковая оказывает большое влияние на реакцию внутри общества, либо как причина, либо как следствие.

1.1. Народный прескриптивизм

Народный прескриптивизм в Словении – распространенное и все более выраженное явление. Так, напр., 5.12 2011 года в словенском фейсбуке появился призыв создать Общество по защите употребления родительного падежа при отрицании и форм двойственного числа в парадигме женского рода:

Девушки и юноши, приглашаем вас в общество по охране словенского языка, вы за то, чтобы мы объединились и реально попытались что-то изменить, потому что то, что происходит, уже зашло в критическую фазу?

Примеры «народного» прескриптивизма можно найти не только на «улице» или на сайтах непрофессиональных обществ, но и в ежедневных газетах, журналах, в школах и т.д.

Общими для всех форм народного прескриптивизма являются следующие утверждения: а) существует только один правильный способ говорить и писать по-словенски, б) любой отход от литературной нормы – это проявление варварства, безграмотности; нелитературные формы неправильны, с) люди должны использовать литературный язык; неиспользование литературного языка – признак глупости, примитивности.

2. Реальное положение в использовании литературного/стандартного языка

Современная лингвистическая наука, естественно, отделилась от изложенных выше утверждений (они остаются на улице, в школах, средствах массовой коммуникации и т.д.). В центре внимания сейчас подчеркивание равноправия

²³ Понимание точек зрения на язык опирается на монографию « Investigating Language Attitudes». Авторы: Peter Garrett, Nikolas Coupland и Angie Williams. Опубликовано в 2003 г. Издательство University of Wales Press Cardiff. В понимании теории большую помощь оказал также сборник « The Languages of Nation», опубликованный в 2012 г. Издательство Multilingual Matters. Редакторы Carol Percy и Mary Catherine Davidson.

различных вариантов языка и необходимости описания каждого из них. Нельзя не заметить, что в данном случае позиция лингвиста ведет в другую крайность, которая равно так же не будет в помощь всем говорящим на определенном языке.

Х. Тивадар в статье, опубликованной в сборнике 51-го «Семинара словенского языка, литературы и культуры» (2015:43-50), проанализировал примеры записи судебных слушаний и подчеркнул значение речи и ее записи для взаимопонимания и работы в суде. Конкретные примеры анализа записи слушаний в суде показывают, что устная речь в судах далека от литературного произношения и даже от понимания.

Вопрос о том, что означает отход от литературного произношения, и проблеме правовой (не)обоснованности требования придерживаться литературных норм в зале суда мы оставим в стороне. В конце мы остановимся лишь на том факте, что реальность устной речи далека от понимания. Вопреки подчеркиванию равноправия всех вариантов языка и по причине недостаточности исследований конкретных языковых ситуаций во всех возможных обстоятельствах, а также нередко субъективного понимания языковой реальности (собственное мнение лингвиста о языке) проблематика (обоюдного) непонимания остается реальностью.

Перевела Ольга Плотникова

Ю.А. Созина (Москва)

Перевод как «тягловая сила» просвещения. Опыт российско-словенского взаимодействия

По дньхъ же мнозгъхъ философъ, на сждь грядъи, рече къ меводиѣ, братѣ своемъ: се, брате, въ сжпрѣга бѣаховѣ, единѣ браздѣ тѣжшца, и азъ на лѣсъ падаѣ, свои днь съконьчавѣ. А ты любиши горѣ [23] вельми, то не моги горы ради оставити оученика своего, паче бо можеши къмъ съпасень бѣити.

Спустя много дней Философ, отправляясь на Суд, сказал Мефодию, брату своему: «Вот, брат, были мы с тобой в упряжи, пахали одну борозду, и я у леса < дойдя борозду, > падаю, свой день окончив. А ты хоть очень любишь гору, но не моги ради горы оставить учительство свое, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения?»

Житие Мефодия (перевод О.А. Князевской)

Перевод – дело отнюдь не легкое, актуальное во все времена, поскольку призван обогащать культуру, закладывая основы духовного обновления; для многих народов именно перевод – перевод Священного Писания – стал началом письменной и литературной традиции. Образ волов, запряженных в плуг, из приведенного в качестве эпиграфа отрывка из жития старшего из двух Святых братьев, славянских просветителей, остается актуальным и ныне, особенно когда речь идет о перево-

дах. Подобная параллель проводилась и гением слова А.С. Пушкиным: «Переводчики – почтовые лошади просвещения». По сей день в основе межнационального взаимодействия на всех уровнях – в политике, праве, культуре, науке и т.д. – лежит труд переводчика, его компетентность, добросовестность и талант.

В настоящее время сложилась весьма благоприятная атмосфера для развития перевода в целом и в его наиболее требовательной к переводчику области – переводу художественной и гуманитарной литературы. Это связано с тем, что государство обратило внимание на перевод, как средство продвижения благоприятного образа России за рубежом. Схожие процессы идут и в других странах. Если говорить о странах бывшей Югославии, то новообразованные государства внимательно следят за переводами своих национальных литератур за рубежом, поскольку это существенно влияет на имидж страны (особенно молодой). Однако главным условием остается труд самих переводчиков, их заинтересованность в результате и ориентированность на самую высокую профессиональную планку.

Своеобразным толчком для развития перевода словенской литературы на русский язык стало объединение усилий Института славяноведения РАН и Библиотеки иностранной литературы в 2011 г. Результаты: книжная серия «Словенский Глагол» (на сегодняшний день вышло восемь книг); ежегодный Российско-словенский семинар переводчиков; научные встречи по проблемам перевода. Уникальность словенских проектов подтверждает и то, что они явились образчиком для подобных проектов в смежных областях. Нарботки семинара переводчиков были использованы, в частности, при подготовке Международной научно-практической конференции переводчиков русской литературы в Чехии (Прага–Брно, 12–13 ноября 2015 г.); а «Словенский Глагол» повлек за собой целый ряд национальных переводных серий, создаваемых под эгидой БИЛ: «Новый болгарский роман», «Македонский роман XIX века», «Венгерский стиль», «Сербское слово» и др. Объединенные данными проектами переводчики совместно принимают участие в проектах, формально выходящих за партнерские рамки ИСл РАН – БИЛ: так, например назовем «Антологию современной словенской драмы», которая в текущем году должна выйти в издательстве «НЛО». К тому же «Словенский Глагол» стал определяющим этапом к тому, чтобы в России наконец-то начала выходить и заявленная еще в 2006 г. международная книжная серия «Сто славянских романов» – долгосрочный многосторонний проект Форума славянских культур²⁴, объединяющий

²⁴ Международная организация, призванная устанавливать культурные связи между государствами, говорящими на славянских языках, представлять традиции и культуры

лучшие произведения ведущих писателей различных славянских стран, созданные после падения Берлинской стены. В этом году проекту исполняется десять лет; в октябре в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО, пройдет юбилейная выставка.

Благодаря объединению усилий деятельность ФСК в России может выйти на качественно иной, более высокий уровень. Идея в том, чтобы открыть в БИЛ первое за рубежом представительство ФСК и создать особый центр славянских культур с общей культурно-просветительской направленностью, открытый для всех; другими словами, наводить культурные мосты на основе взаимных понимания, уважения и притяжения.

Мария Станоник (Любляна) / Marija Stanonik (Ljubljana)

Кирилл и Мефодий в словенском литературном фольклоре / Ciril in Metod v slovenski slovstveni folklori

Uvod

V doslej znanih bolj ali manj silno okleščених pripovedih o poti svetih bratov Cirila in Metoda iz Blatograda proti Rimu se na slovenskih tleh imenuje 44 slovenskih krajev, od tega nekateri po večkrat. Na podlagi več desetletij zbiranja je terenskih najdb čez 50, 70 jih je iz bolj ali manj strokovne literature in bolj ali manj umetnostnih besedil ali raznovrstne publicistike v časovnem razponu 150 let. Najzgodnejša omemba te vrste je iz leta 1844 v *Kmetijskih in rokodelskih novicah*.

Luka Jeran je najbrž prvi, ki je leta 1863, zastavil vprašanje, po kateri poti sta solunska brata Ciril in Metod hodila v Rim, če je že splošno sprejeto, da sta šla tudi čez slovensko ozemlje. Prav tako je Jeran prvi postavil tezo, da sledi njunega popotovanja zaznamujejo patrociniji (oz. cerkve) sv. Klemena v Sloveniji (Mojstrana, Rodine, Bukovščica, Suhadole) spomin na sveta Cirila in Metoda.

Bolj verjetno je, da sta se držala stare rimske ceste skozi Ptuj (Poetovia), Celje (Celeia), Ljubljano (Emona), Oglej (Akvileja) in nato do Rima. Poslušalce njunih nauk je prevzelo prav to, da sta nosila s seboj relikvije pričevalca za sveto vero in svete knjige v njim dostopnem jeziku. Na to se je takoj odzval Matija Majar-Ziljski in pozneje še Tomo Zupan, Ivan Lavrenčič, Ivan Rački. Leta 1927 je dotedanje hipoteze o smeri popotovanja svetih bratov Cirila in Metoda povzel teolog, zgodovinar in slavist prof. dr. Franc Grivec.

I. Razvrstitev legend o poti, ki naj bi jo ubrala sveta brata, si sledi od vzhoda proti zahodu, znotraj posamezne pokrajine pa od severa proti jugu. Za

славянских стран как внутри, так и за их пределами; штаб-квартира в Любляне (Словения).

posamezne kraje si sledijo podatki po časovnem zaporedju omembe ne glede na to, ali so znane s terena ali iz literature.

1. *Prekmurje* (Gornji Petrovci, Selo pri Vučji Gomili, ledinsko ime »Büzonsko«, Buzinci, Krog pri Murski Soboti in Murska Sobota, Beltinci, Turnišče in Lendava.

2. *Slovenske gorice* (Sv. Jurij ob Ščavnici, Jarenina, Sv. Benedikt, Krkovščak v kraju Kuršinci pri Mali Nedelji; Polenšak).

3. *Štajerska* (Ptuj, Majšperk, Vitanje, Zreče, Šentjur pri Celju, Ponikva.

4. *Dolenjska* (Štajina / Veliki Trn, Mokronog / Trebelno, Priča, Bela Cerkev, Zapotok.

5. *Primorska* (Gore nad Idrijo; od Postojne do Razdrtega naj bi se sveta popotnika prepeljala v čolnu, pod tiso v Stranah pa pridigala; dolina Raše, Brje pri Braniku.

6. *Koroška* (Kapel in Krapfeld, saj kljub prizadevanju zanj ni bilo mogoče najti današnjega imena.

7. *Gorenjska* (Kranjska Gora, Mojstrana, Rodine, Tupaliče pri Preddvoru, Suhadole pri Komendi, Bukovščica v Selški dolini, Luša, Jarčje Brdo, Mlaka v Poljanski dolini.

II. V teh drobnih folklornih pripovedih – legendah – se pojavljajo naslednji motivi:

1. *smer potovanja*.

2. *način potovanja* (z brodom čez reko (Beltinci); s čolnom od Razdrtega do Postojne).

3. *njun postanek*, a nič podrobneje o tem (Gornji Petrovci v Prekmurju, Selo pri Vučji Gomili, Murska Sobota, Kranjska gora, cerkev sv. Petra ob cesti Mokronog-Trebelno).

4. *vzroki postanka*: počitek, osebna nega, okrepčanje, prenočevanje.

V navedenih primerih gre za eksistencialno raven prekinitve poti, medtem ko v naslednjih za esencialne (drugače: v pravkar naštetih primerih sta mislila nase, zato da sta v naslednjih lahko mislila na druge):

5. *blagoslov navzočih*.

6. *blagoslov studenca*.

7. *krst*.

8. *maševanje*.

9. *oznanjevanje* (pridiga).

10. *poučevanje v branju*.

11. *prisilen postanek, nesreča*.

12. *zapor*.

V folklorno strukturiranih variantah legende obvezno nastopa sveti par Ciril in Metod. Če pa ima kateri prednost, jo ima prav gotovo Ciril. Ne gre pozabiti na folkloristično načelo, da je samo dejstvo navezano le na en določen kraj in čas, medtem ko se na besedni ravni (= pripovedi) potem bolj ali

manj svobodno prenašajo na druga mesta, iz kraja v kraj in predstavljajo v različna časovna obdobja. Dvom da so obravnavane pripovedi zares zgodovinsko pristne, zbuja tudi premislek, da je na prvi poti v Rim skupaj z bratom Metodom potoval pravzaprav brat Konstantin, ki je šele v večnem mestu malo pred smrtjo dobil redovniško ime Ciril. To je eno od drobnih znamenj v prid tistemu sklepanju, da so se legende o Cirilu in Metodu razvile pozneje, ko je bilo prebivalstvo iz drugotnih virov seznanjeno in poučeno, kdo sta bila blagovestnika v njegovem domačem jeziku.

Введение

В известных на данный момент в той или иной мере урезанных преданиях о пути Святых братьев Кирилла и Мефодия из Блатнограда в Рим содержится упоминание о 44 словенских населенных пунктах, некоторые наименования повторяются. В результате нескольких десятилетий сбора сведений было сделано свыше 50 местных находок, 70 упоминаний содержится в более-менее профессиональных источниках и художественных или различного рода публицистических текстах, которые выходили на протяжении 150 лет. Самое раннее упоминание такого рода относится к 1844 году – оно содержится в издании «*Kmetijske in rokodelske novice*».

Пожалуй, Лука Еран был первым, кто в 1863 году задался вопросом, каким маршрутом солунские братья Кирилл и Мефодий следовали в Рим, коль скоро всеми уже было признано, что шли они и через словенские земли. Еран также первым выдвинул тезис о том, что их путь отмечен патроциниями (храмами) Св. Климента в Словении (Мойстрана, Родине, Буковшчица, Сухадоле) в память о равноапостольных Кирилле и Мефодии.

Скорее всего, они придерживались древнеримской дороги через Птуй (Poetovia), Целью (Celeia), Люблян (Ljubna), Оглей (Akvilleja), далее проследовали до Рима. Тех, кто внимал их учению, вдохновляло то, что они несли с собой реликвии святой веры, в том числе священные книги, созданные на доступном пониманию местных жителей языке. На это сразу откликнулся Матия Майяр-Зильский, а впоследствии – Томо Зупан, Иван Лавренчич, Иван Рачский. В 1927 году существовавшие гипотезы о направлении путешествия Святых Кирилла и Мефодия систематизировал богослов, историк-славист проф. д-р Франц Гривец.

I. Классификация преданий о маршруте, выбранном Святыми братьями прослеживается в направлении с востока на запад, а в отдельных местностях – с севера на юг. В отношении отдельных территорий данные приводятся в хронологическом порядке, независимо от того, известны ли они по местным сведениям или представлены в литературе.

1. *Прекурье* (Горњи Петровци, Село при Вучьи Гомили, ландшафтный топоним «Бюзонско», Бузинци, Крөг при Мурски Собоги и Мурска Собота, Белтинци, Турнишче и Лендава).

2. *Словенске Горице* (Св. Юрий об Шчавници, Яренина, Св. Бенедикт, Крковшчак в нас.п. Кургинци при Мали Недельи; Поленшак).

3. *Штирия* (Птуй, Майшперк, Витанье, Зрече, Шентьюр при Целью, Пониква).

4. *Доленский регион* (Штайина / Велики Трн, Мокроног / Требелно, Прича, Бела Церкев, Запоток).

5. *Приморский регион* (Горе над Идрийо; считается, что от Пстойны до Раздрто святые путники добирались водным путем, под тисом в Странах они совершили проповедь; долина реки Раша, Брье при Бранику).

6. *Каринтия* (Капел и Крапфельд, поскольку, невзирая на предпринятые усилия, для этого пункта не представлялось возможным подобрать современное название).

7. *Горенский регион* (Краньска Гора, Мойстрана, Родине, Тупаличе при Преддвору, Сухадоле при Коменди, Буковшчица в Селшхой долине, Луша, Ярче Брдо, Млака в Полянхой долине).

II. В этих мелких фольклорных свидетельствах – преданиях – представлены следующие мотивы:

1. *направление пути.*

2. *способ передвижения* (на корабле через реку (Белтинци); на лодке от Раздрто до Пстойны).

3. *остановки в пути*, без подробностей (Горњи Петровци в Прекмурье, Село при Вучьи Гомили, Мурска Собота, Краньска Гора, церковь Св. Петра у дороги Мокроног – Требелно).

4. *причины остановки*: отдых, уход за собой, прием пищи, ночлег.

В указанных примерах путешествие прерывается по экзистенциальным мотивам, в то время как далее последуют «эссенциальные» (то есть: в перечисленных выше случаях путники заботились о себе, в то время как в нижеследующих случаях они предпринимают действия с мыслью о других):

5. *благословение собравшихся.*

6. *благословение источника.*

7. *крещение.*

8. *богослужение.*

9. *воззвание к народу* (проповедь).

10. *обучение чтению.*

11. *вынужденная остановка, несчастье.*

12. *арест.*

В вариантах предания, имеющих фольклорную структуру, обязательно выступает священная пара – Кирилл и Мефодий. Если у кого-то из них и есть преимущество, то это у Кирилла. Не следует забывать о фольклорном каноне: сам по себе факт привязан только к определенному месту и моменту времени, в то время как на уровне слова (= повествования) он с относительной свободой переносится куда-либо еще, с одного места на другое и захватывает различные временные интервалы. Сомнение в том, что рассматриваемые предания отражают истинный ход событий, вызвано также размышлениями над тем, что в первое путешествие в Рим вместе с братом Мефодием вышел брат Константин, который лишь в «вечном городе», незадолго до смерти, получил каноническое имя Кирилл. Это один из нюансов, указывающих на то, что легенды о Кирилле и Мефодии получили распространение лишь впоследствии, когда население уже получило сведения из других источников, кем были проповедники, говорившие на их родном языке.

Перевела Жанна Перковская

Н.Н. Старикова (Москва)

«Человек с бомбами»: загадка Антона Подбевшека

В словенской литературе период между двумя мировыми войнами характеризуется атмосферой свободного творческого поиска и значительного эстетического плюрализма, следствием которых стали бесспорные художественные достижения. Существенное влияние на обновительные процессы в словенском искусстве 1920-х гг. оказала поэтика авангарда. В определенной степени почва для проникновения в национальную литературную традицию новых революционных тенденций была вызвана теми переменами в повседневной практике и мироощущении человека и человечества, которые принес с собой XX в.: его общественно-исторические катаклизмы, научно-технический прогресс, новые условия и ритмы жизни. Идейный и духовный кризис, который вместе с большинством народов Европы переживало словенское общество после Первой мировой войны, требовал новой точки опоры – нового мироощущения, необходимого человеку, реальность которого превратилась в ужасающие развалины, подталкивал художника к новым художественным исканиям. При этом для словенских авторов, видящих в национально-охранительном пафосе важнейшую задачу художественного слова, эстетическая революция с самого начала предусматривала более лояльное, чем в западноевропейских литературах, отношение к национальной традиции, т.е. заведомо более «мягкую» модель авангардного искусства. Однако последние опубликованные в Словении архивные материалы, их анализ и научные комментарии (Дович 2009) свидетельствуют о том, что не всех словенских литераторов, синтезировавших старое и новое, можно считать приверженцами умеренного пути обновления поэтики. В первую очередь, это касается Антона Подбевшека (1898–1981), тяготевшего в своем творчестве к радикальному эксперименту, к поэтике авангарда в ее футуристическом выражении.

Подбевшек остается одной из самых загадочных фигур словенской литературы XX в., его новаторские, идущие в ногу со временем художественные находки опровергают известный тезис о ее «пожизненном» отставании от «больших» литератур. Пережив стремительный взлет в начале 1920-х (большая часть стихотворений датируются 1919–1922 гг.), в 1928 г. он оставляет большую поэзию, занимаясь в дальнейшем издательской деятельностью. Однако его поэтическую судьбу все же можно назвать состоявшейся – еще при жизни Подбевшек получил национальное признание, как выдающийся представитель национального авангарда вошел в первую антологию «Дорога в ночи. Словенская футуристическая и экспрессионистическая лирика» (1966).

Новацией Подбевшека стало внедрение в культурный обиход ранее неизвестного словенцам интерактивного способа бытования литературы, отвечавшего духу времени, – публичных выступлений с чтением поэтических произведений, иногда под музыку, и их анализом. Такой формат взаимодействия с публикой поэт вместе с друзьями и коллегами по авангардному цеху – художником Б.Якацем и композитором М.Когоем – реализовал в Новом Месте и Любляне для проведения публичных художественных акций, в некотором смысле предшествовавших современным перформансам. Не случайно выражение «человек с бомбами» до выхода в 1925 г. одноименной книги ассоциировалось в общественном сознании с личностью самого Подбевшека, человека, который с помощью слова готов взорвать реальность. Едва ли не первым в Словении он начал проецировать постулаты авангардного искусства на повседневную практику поведения, превращая свою жизнь в художественный объект, выводя творческую составляющую за пределы искусства в жизнь.

Для произведений, вошедших в сборник «Человек с бомбами» (1925), некоторые из которых едва ли можно назвать поэзией в общепринятом смысле слова, характерно тяготение к свободной форме и вызывающей образности, композиционные «сдвиги» и графическая семантика текста, а также «оптическое расчленение единицы стиха» (Претнар 1984: 262). Огромная художественная интуиция позволила Подбевшеку не столько изучить, сколько ощутить авангардный мейнстрим европейской литературы 1920-х гг. и применить некоторые его принципы и установки в своем творчестве.

Л и т е р а т у р а

- Dovič M.* Mož z bombami. Anton Podbevšek in slovenska zgodovinska avantgarda. Ljubljana/Novo mesto, 2009.
- Kos M.* Vprašanje o Podbevškovem »pesniškem molku« // Jezik in slovstvo 54, 2009, št. 5. S.3-13.
- Podbevšek A. Moje ekstaze skulptura. Znanstvenokritična izdaja pesniškega opusa. Ur. Marijan Dovič. Ljubljana/Novo mesto, 2008.
- Poniž D. Podbevškovo mesto v slovenski avantgardi in recepcija tega mesta danes // Podbevška 1000 nadnaravnih let. Novo mesto, 2000. S. 20-27.
- Pretnar T. Podbevškov verz med tradicijo in avantgardističnim eksperimentom // Obdobje ekspresionizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Ljubljana, 1984. S. 249-264.
- Šalamun-Biedrzycka K. Anton Podbevšek in njegov čas. Maribor, 1972.

Шатъко Е.В. (Москва)

Интертекстуальность как основа пьесы И.Светины «Могила для пекарни»

Драма И.Светины «Могила для пекарни» 2010 г. описывает попытку постановки в 1976-1977 гг. спектакля по мотивам центральной новеллы из романа Д.Киша «Могила для Бориса Давидовича» в экспериментальном Люблянском театре «Пекарня». В это время в Белграде развернулась ожесточенная дискуссия вокруг романа: «раздражение вызывала [...] полузапрещенная тема репрессий в советской России, рождавшая ассоциации с послевоенными репрессиями в самой Югославии»²⁵. Белградский режиссер Л.Ристич решает поставить спектакль в Любляне, однако тогда премьера не состоялась. В центре внимания Светины репетиции, на которых герои стремятся понять образы героев Киша, изобретают способы выражения духа времени, а также обсуждают шансы на то, что премьера вообще состоится. Герои читают роман Киша, цитируют труды Ленина в стремлении погрузиться в эпоху, время и место, проводят параллели между сталинскими чистками и югославским лагерем «Голи оток».

В докладе рассматривается функционирование текста новеллы «Могила для Бориса Давидовича» внутри драмы «Могила для пекарни». Светина вводит в драму текст романа несколькими способами: прямые цитаты; пересказ отдельных эпизодов; переложение прозаических отрывков в диалоговой форме. Три действия пьесы из пятнадцати фактически происходят внутри новеллы Киша – это сцены допроса Бориса Давидовича. Еще одно действие – явление духа Б.Д. Новского Борису, актеру, который должен его играть, эта сцена в определенном смысле повторяет шекспировского Гамлета, а также дает автору возможность предложить свое видение героя Новского.

Матей Шекли (Любляна) / Matej Šekli (Ljubljana)

Частицы и союзы в языке Фрейзингенских отрывков / Členki in vezniki v jeziku Brižinskih spomenikov

V prispevku so obravnavani členki-vezniki *i, a, ni, n[ə], da* ter členka *že, bo* v jeziku Brižinskih spomenikov (zapisani med 972–1039) (dalje BS), najstarejši časovni različici slovenščine. Odgovarja se na vprašanje, kdaj

²⁵ Кириллова О.Л., Киш Данило // Лесикон южнославянских литератур, М., Индрик, 2012, С.171

neka beseda nastopa v vlogi členka, kdaj v vlogi vezniške besede in kdaj postane veznik.

V najstarejših slovanskih jezikovnih spomenikih, v stari cerkveni slovanščini (klasično ciril-metodovsko obdobje 863–885) (dalje stcsl.) in jeziku Brižinskih spomenikov, kot tudi v drugih starih indoevropskih jezikih namreč jasne razlike med členki in vezniki še ni bilo (Хабыраев 1986: 234–235, Babič 2003: 230–231, Dunkel 2014: 221–228). Beseda v vlogi členka se je pojavljala za prvo polnopomensko besedo v stavku ali (dodajalni in nikalni členki) pred polnopomensko besedo, na katero se je nanašala, beseda v vlogi veznika se je pojavljala na začetku stavka oziroma med stavčnima členoma, ki ju je povezovala.

V jeziku Brižinskih spomenikov se pojavljajo naslednje skupine členkov, veznikov in širše vezniških besed: a) členki-vezniki (*i*, *a*, *ni*, *nə*, *da*); b) členka v vlogi vezniške besede (*že*, *bo*); c) členki ne v vlogi vezniške besede (*ne* (I 14, II 24) ‘ne’, *tože* (III 4, 11) ‘tudi’, *ešče* (II 41) ‘še’, *uže* (I 27) ‘že’, *daže* (III 40) ‘pa vse, celo’); č) (prislovi in) vezniki (vezalni *tere* (II 32) ‘ter’, ločna *ili* (I 13, 14) ‘ali’ in *libo* (II 81–82) ‘ali’, protivni *nu* (II 85) ‘temveč’, vzročni *nebo* (II 98) ‘kajti’, pogojni *ete* (II 1, II 42, III 49) ‘če’, časovna *poieže* (I 12, II 7–8, III 40) ‘potem ko’ in *dožda* (II 61–62) ‘dokler’, večpomenski *eže* (I 16, 17, II 20–23, 25, 30) ‘ker, ko, kot, da’; *paki* (I 9, II 14) ‘spet; vendar’, *pak* (II 103) ‘tudi; pa’, *potomu* (II 17, 35, 109) ‘zato’); d) (samostalniški, pridevniški, prislovnici) oziralni zaimki na *j- (pridevniški *iže* (II 90) ‘ki’; krajevni prislovni *ide* (II 84) ‘kjer’, drugotno tudi ‘ko’, časovni prislovni *igdaže* (III 56) ‘ko’, načinovni prislovni *akože* (I 26, II 31–32) ‘kakor’, količinski prislovni *jelikože* (III 48) ‘kolikor’) in vprašalni zaimki na *k-/*č- (**kiže*, Gpl *kojixže* ‘kateri, ki’). V nadaljevanju so podani rezultati analize členkov-veznikov in členkov v vlogi vezniške besede.

i ‘tudi, celo; in’ (= stcsl. *i* ‘tudi, celo; in’) je dodajalni členek s pomenom ‘pri tem, poleg tega, tudi’ (*tije že možem i my ešče byti* (II 41–42) ‘prav taki pa moremo tudi mi še biti’) in poudarjalni členek s pomenom ‘celo’ (morda *i jes(ə)m, bratrija, pozvani i p[o]b[ě]jeni* (II 66–68) ‘in smo, bratje, poklicani, celo spodbujeni/prisiljeni’) ter vezalni (kopulativni) veznik s pomenom ‘in’, ki povezuje besedne zveze (*eže protiv bogu i protiv měmu krstu* (I 19–20) ‘kar je proti bogu in mojemu krstu’) in stavke (*da bim čistō izpověd stvoril i otpustak od boga prijel* (III 22–24) ‘da bi čisto izpoved storil in odpustek od boga prejel’). Nastopa tudi v dvodelnem vezalnem prirednem vezniku *i – i* ‘tako – kot (tudi)’ (*i věfjix i mǎnšix* (I 23) ‘tako večjih kot (tudi) manjših’).

a ‘in; a, pa, toda, vendar’ (= stcsl. *a* ‘in; a, pa, toda, vendar’) je prvotno verjetno (podobno kot *i*) dodajalni členek s pomenom *‘tudi’, gotovo pa vezalni veznik ‘in’ (*prějše naši žestoko stradaxo [...] a to pak my nině [...] toje možem storiti* (II 97–98, 103–107) ‘prejšnji naši so hudo trpeli [...] in to pa mi zdaj isto moremo storiti’), ob stavkih z nasprotujočima si pomenoma

tudi protivni (adversativni) veznik (*tere [děla] Neprijaznina vznenaviděše, a božja vzľubiše* (II 32–34) ‘ter dela Neprijaznega so zasovražili, toda božja vzľjubili’).

ni ‘niti’ (= stcsl. *ni* ‘niti’) je poudarjalni nikalni členek s pomenom ‘res ne, niti’ ob zanikanem glagolu (*ne možem nikimže lica ni ukriti* (II 68–70) ‘ne moremo pred nikomer lica niti skriti’) ter poudarjeni vezalni, tj. stopnjevalni (gradacijski) veznik ob zanikanem prvem stavku v zgradbah *ne – ni* ‘ne – niti’ (= stcsl. *ne – ni* ‘ne – niti’) (*jesam ne spasal neděla ni světa večera ni męga posta* (I 17–19) ‘nisem spoštoval praznika niti svetega večera niti svojega posta’).

n[ə] ‘pa, saj, vendar’ (= stcsl. *нъ* ‘a, toda, temveč, ampak’) se kot členek pojavlja na drugem mestu v stavku znotraj samostalniške besedne zveze, na katero se navezuje, in izraža protivno razmerje (*naš gospod [...] to n[ə] posľěd(ə)hě balovanje posľěd je postav[il]* (II 89–93) ‘naš gospod to pa poslednje zdravljenje je naposled postavil’). V stcsl. nastopa tudi kot protivni veznik.

da ‘da’ (= stcsl. *da* ‘da’) je bil po eni od razlag izvorno glagolska oblika druge osebe ednine velelnika aorista glagola pie. **deh₃*- ‘dati’ in je imel velelni pomen ‘daj!, dajmo!’ (Dunkel 2014: 132, drugače Snoj 2016: 124). Prvotni pomen je verjetno ohranil oblikotvorni členek v velelnih (imperativnih) stavkih s povednim naklonom (*da k tomu d(ə)ni, sinci, myslite* (II 83–84) ‘dajte, na ta dan, sinki, mislite!’) in v želelnih (deziderativnih) stavkih s pogojnim naklonom (*i da bim usľišal na sōdni dān tvō milost velō* (I 31–32) ‘in da bi usľišal na sodni dan tvojo milost veliko’). Kot veznik se pojavlja v pripovednem vsebinskem odvisniku s povednim naklonom (*pměněm sę, da i sinove božji narečem sę* (II 15–17) ‘spomnimo se, da se tudi sinovi božji imenujemo’) in v namernem (finalnem) odvisniku s pogojnim naklonom (*uže sę da v mōkō za vās narod, da bi ni zloděju otęl* (I 27–28) ‘že se je dal v trpljenje, da bi nas zlodeju otel’).

že ‘prav, ravno; pa’ (= stcsl. *že* ‘prav, ravno; pa’) se pojavlja kot poudarjalni členek s prvotnim pomenom *‘prav, ravno’ (*tije že možem i my ešče byti* (II 41–42) ‘prav enaki moremo tudi mi še biti’), s poudarjanjem enote (v stavku) v nasprotju s predhodno enoto (v predhodnem stavku) pa izraža protivno razmerje *‘pa’ med stavkoma (*da mi je, na sem světě bęvši, iti že na on svět, paki že vzstati na sōdni dān* (I 8–9) ‘da mi je, potem ko sem bil na svetu, pa mi je iti na oni svet, spet pa vstati na sodni dan’).

bo ‘namreč’ (= stcsl. *bo* ‘namreč’) izraža pojasnjevalno (eksplikativno) razmerje med stavkoma (*eie taje děla načnem dělati, jaže oni dělašę, oni bo lačna natrověxō* (II 42–45) ‘če enaka dela začnemo delati, ki so jih oni delali, oni so namreč lačnega hranili’).

В работе рассматриваются частицы-союзы *i, a, ni, n[ə], da*, а также частицы *že* и *bo* в языке Фрейзингенских отрывков (972–1039 гг., далее ФО) – древней-

шем варианте словенского языка. Дается ответ на вопрос, в каких случаях исследуемые слова выступают в роли частицы, в каких – в роли союзного слова и когда они становятся союзами.

В древнейших славянских памятниках – старославянских (классический кирилло-мефодиевский период 863–885 гг., далее стсл.) и Фрейзингенских отрывках, как и в других древних индоевропейских языках четкого различия между частицами и союзами еще не было (Хабургаев 1986: 234–235; Babič 2003: 230–231; Dunkel 2014: 221–228). Слово в функции частицы находилось после первого полнозначительного слова в предложении или же (дополняющие и отрицательные частицы) перед полнозначительным словом, к которому относилось, а в функции союза – в начале предложения или между членами предложения, которые связывало между собой.

В языке Фрейзингенских отрывков встречаются следующие группы частиц, союзов и – шире – союзных слов: а) частицы-союзы (*i, a, ni, nə, da*); б) частицы в функции союзного слова (*že, bo*); в) частицы не в функции союзного слова (*ne* (I 14, II 24) ‘не’, *tože* (III 4, 11) ‘также’, *ešče* (II 41) ‘еще’, *uže* (I 27) ‘уже’, *daže* (III 40) ‘ра все, даже’); г) (наречия и) союзы (соединительный *tere* (II 32) ‘а также’, разделительные *ili* (I 13, 14) ‘или’ и *libo* (II 81–82) ‘либо’, противительный *ni* (II 85) ‘напротив’, причинный *nebo* (II 98) ‘так как’, условный *éte* (II 1, II 42, III 49) ‘если’, временные *poňeže* (I 12, II 7–8, III 40) ‘потом ко’ ‘после того, как’ и *dožda* (II 61–62) ‘пока’, многозначный *eže* (I 16, 17, II 20–23, 25, 30) ‘так как, когда, как, что’; *paki* (I 9, II 14) ‘опять; однако’, *pak* (II 103) ‘также; же’, *potomu* (II 17, 35, 109) ‘поэтому’); д) (субстантивные, адъективные, наречные) относительные местоимения на *-j- (адъективные *iže* (II 90) ‘который’; наречные места *ide* (II 84) ‘где’, также в значении ‘когда’, наречные времени *igdaže* (III 56) ‘когда’, наречные образа действия *akože* (I 26, II 31–32) ‘как’, наречные меры и степени *jelikože* (III 48) ‘сколько’) и вопросительные местоимения на *-k-/*č- (**kiže*, GenPl *kojixže* ‘которых’). Далее приведены результаты анализа частиц-союзов и частиц в функции союзного слова.

i ‘также, даже; и’ (=стсл. *i* ‘также, даже; и’) – соединительная частица со значением ‘при этом, кроме того, также’ (*tije že možem i my ešče byti* (II 41–42) ‘именно такими должны и мы еще быть’) и усилительная частица со значением ‘даже’ (возможно *i jes(ə)m, bratrija, pozvani i p[ol]b[ě]jjeni* (II 66–68) ‘и мы, братья, призваны, даже побуждены/вынуждены’), а также соединительный союз со значением ‘и’, соединяющий словосочетания (*eže protiv bogu i protiv měmu krstu* (I 19–20) ‘что противно богу и противно моему крещению’) и однородные сказуемые (*da bim čistō izpověd stvoril i otpustak od boga přijel* (III 22–24) ‘чтобы чисто исповедоваться и принять от бога отпущение грехов’). Выступает также в двухчастном соединительном союзе *i – i* ‘как – так и’ (*i vętjix i mǎňsix* (I 23) ‘как больших, так и малых’).

a ‘и; а, но, однако’ (=стсл. *a* ‘и; а, но, однако’) – изначально, вероятно (так же как *i*), соединительная частица со значением *‘также’, несомненно – соединительный союз ‘и’ (*prějše naši žestoko stradaxō [...] a to pak my nině [...] toje možem storiti* (II 97–98, 103–107) ‘прежние наши ужасно страдали [...] и это мы теперь то же самое должны сделать’); при членах предложения со взаимопротиворечивыми значениями – также противительный союз (*tere [děla] Neprijaznina*

vznenaviděšę, a božja vzľubišę (II 32–34) ‘и дела дьяволы возненавидели, а божьи возлюбили’).

ni ‘ни’ (= стсл. *ni* ‘ни’) – усилительная отрицательная частица со значением ‘действительно не, ни’ при глаголе с отрицанием (*ne možem nikimže lica ni ukriti* (II 68–70) ‘не можем ни перед кем ни лица скрыть’), а также акцентированный соединительный, т.е. градационный союз при первом члене предложения с отрицанием в конструкциях **ne – ni** ‘не – ни’ (= стсл. *ne – ni* ‘не – ни’) (*jesam ne spasal neděla ni svęta večera ni měga posta* (I 17–19) ‘я не соблюдал праздника, ни Рождественского сочельника, ни своего поста’).

n[ǝ] ‘а, ведь, но’ (= стсл. *ъ* ‘а, но, напротив’) как частица появляется на втором месте в предложении внутри именного словосочетания, к которому относится, и выражает противительные отношения (*naš gospod [...] to n[ǝ] posľed(ǝ)ně balovanje posľed je postav[il]* (II 89–93) ‘naš gospod to pa posľednje zdravljenje je naposled postavil’). В старославянском языке выступает также как противительный союз.

da ‘чтобы’ (= стсл. *da* ‘чтобы’), по одному из объяснений, исходно был формой второго лица единственного числа императива аориста пран.-е. **deh₃* ‘дать’ и имел императивное значение ‘давай!, давайте!’ (Dunkel 2014: 132; также Snoj 2016: 124). Первичное значение, вероятно, сохранила формообразующая частица в повелительных предложениях с глаголом в изъявительном наклонении (*da k tomu d(ǝ)ni, sinci, myslite* (II 83–84) ‘давайте, об этом дне, сынки, думайте!’) и в деизидеративных предложениях с глаголом в сослагательном наклонении (*i da bim usľišal na sǝdni dǝn tvǝ milost veľǝ* (I 31–32) ‘и чтобы я услышал в судный день твою милость великую’). Как союз появляется в повествовательном придаточном изъяснительном с глаголом в изъявительном наклонении (*proměněm sę, da i sinove božji narečęm sę* (II 15–17) ‘вспомним, что также божьими сынами называемся’) и в придаточном цели в сослагательном наклонении (*uže sę da v mǝkǝ za vǝs narod, da bi ni zloděju otęl* (I 27–28) ‘уже пошел на муки, чтобы нас у дьявола отъять’).

že ‘точно, прямо; а’ (= стсл. *že* ‘точно, прямо; а’) появляется как усилительная частица с основным значением *‘точно, прямо’ (*tije že možem i my ešče byti* (II 41–42) ‘точно такими же можем и мы еще быть’); при усилении элемента (в предложении) при противопоставлении его предшествующему элементу (в предыдущем предложении) выражает противительные отношения *‘а’ между предложениями (*da mi je, na sem svętě bęvši, iti že na on svęt, paki že vzstati na sǝdni dǝn* (I 8–9) ‘что мне придется, после того как я на этом свете был, а придется мне идти на тот свет, а снова встать в судный день’).

bo ‘то есть’ (= стсл. *bo* ‘то есть’) выражает пояснительные отношения между предложениями (*eře taje děla načnem dělati, jaže oni dělašę, oni bo lačna natrověxǝ* (II 42–45) ‘если такие же дела начнем делать, которые они делали, а они, то есть, голодного кормили’).

Перевела Жанна Перковская

Л и т е р а т у р а

Vanda BABIĆ, 2003: *Učbenik stare cerkvene slovanščine*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.

- Anton BAJEC, Rudolf KOLARIČ, Mirko RUPEL, 1956: *Slovenska slovnica*. Ljubljana: Državna založba Slovenije.
- Brižinski spomeniki / Monumenta Frisigensia: Znanstvenokritična izdaja*, ³2004 (¹1992, ²1993). Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- George E. DUNKEL, 2014: *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- Иван ДУРИДАНОВ et al., 1993: *Граматика на старобългарския език: Фонетика, морфология, синтаксис*. София: Българска академия на науките.
- Георгий Александрович ХАБУРГАЕВ, 1986 (2016): *Старославянский язык*. Москва: Альянс.
- Наталья Юльевна ШВЕДОВА et al., 1980 (2005): *Русская грамматика I–II*. Москва: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова.
- Jože TOPORIŠIČ, ⁴2000 (¹1976): *Slovenska slovnica*. Maribor: Obzorja.
- Radoslav VEČERKA, 2006: *Staroslověnština v kotextu slovanských jazyků*. Olomouc, Praha: Univerzita Palackého v Olomouci, Nakladatelství Euroslavica.
- Wenzel VONDRÁK, ²1928 (¹1908): *Vergleichende Slavische Grammatik II: Formenlehre und Syntax*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Andreja ŽELE, 2008: *Slovar slovenskih členkov*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

А.Г. Шешкен (Москва)

«Русская Матица» в Любляне

В Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев прибыло большое количество русских беженцев (по разным подсчетам от 40000 до 70000). Среди них было немало представителей интеллигенции, ученых, педагогов, врачей, инженеров. Русские эмигранты придавали большое значение сохранению национальной культуры, в чем видели свою особую миссию. В то же время они внесли весомый вклад в развитие их приютившей страны. Группа русских ученых, живших в Любляне, приняла решение основать культурно-просветительское общество «Русскую Матицу», в чем видела продолжение распространенной у славянских народов традиции. Подобные общества были созданы в период славянского Возрождения у всех славянских народов, боровшихся за национальное освобождение. В России такой необходимости ранее не было. У русских вне России возникла опасность угасания национальной культуры. «Русская Матица» была создана в 1924 г. в Любляне при участии выдающихся русских ученых – правоведа и философа Е.В.Спекторского и Ант.Д.Билимовича, авторитет которых был высок в Королевстве. Е.В.Спекторский до революции был ректором Киевского университета, в межвоенные годы преподавал в университетах Любляны и Белграда. Публиковал свои труды на словенском языке. Ант.Д.Билимович был профессором математики, до революции преподавал в Киевском и Новороссийском университетах. Задача «Матицы» – воспитание и просвещение русской молодежи и, прежде всего, издание русских книг.

Т.И. Чепелевская (Москва)

Роль переводческой и популяризаторской деятельности Янеза Трдины для развития словенско-русских связей на материале его рукописной книги «Руссика»

Янез Трдина (1830-1905) вошел в историю словенской литературы как ведущий представитель «фольклоризированного реализма» (A. Slodnjak), скрупулезный собиратель и исследователь устного народного творчества словенцев во всем его многообразии (M. Stanonik).

В его творчестве словенские исследователи и историки литературы выделяют три типа обработки фольклорных текстов: 1) использование фольклорного сюжета в неизменном виде; 2) нанизывание фольклорных мотивов, в результате которого создается мозаичное построение литературного произведения и 3) воссоздание фольклорного сюжета с обогащением его актуальной общественно-политической проблематикой (B. Paternu).

Среди многочисленных произведений Я. Трдины исследователи выделяют, наряду с его знаменитым и популярным в конце XIX в. циклом «Сказки и повести о горянцах» (1882-1888), также и его автобиографические сочинения («Воспоминания моих предков»), которые относят к вершинным произведениям словенского реализма XIX в. и считают достойным образцом для словенской автобиографической прозы XX столетия (M. Dolgan).

Не менее значимым по своим результатам представляется, на наш взгляд, переводческая и литературно-общественная работа Я. Трдины в период после вынужденного выхода на пенсию в возрасте 37 лет (1866) с поста преподавателя гимназии и переезда в г. Ново место до активного погружения в литературную деятельность, связанную с созданием цикла о горянцах. Она связана, по его собственному признанию, с одной из главных тем, интересовавших писателя на протяжении всей его жизни – историей России.

Первоначально это были конспекты немецких (в основном) изданий, в которых писатель черпал сведения о разных этапах истории нашей страны. Впоследствии эта работа обогатилась новыми формами. Он штудирует сочинения русских авторов, скрупулезно изучая и цитируя прочитанное, делает объемные выписки из хорватских и российских периодических изданий 1850-х – 1870-х гг. Со временем эти записи (всего сохранилось более 40 тетрадей, исписанных мелким почерком) составили уникальное явление: его рукописную книгу под общим названием

«Руссика»²⁶. Свои записи Я. Трдина делал как на словенском, так и отчасти на русском языках. Его интересовали самые разные темы: от статистических данных развития разных областей промышленности и сельского хозяйства, лесного хозяйства, виноделия; результатов переписи населения (например, доля славянского населения в России) и проблем народного образования в разных регионах России до истории духовных центров и истории русской литературы и культуры.

Подробные записи, порой сопровождаемые заметками аналитического характера, пронизаны чувством глубокого уважения и даже поклонения перед русской культурой и историей. Он ясно видит великое будущее русского языка, как одного из международных языков дипломатии и торговли от Вены до Варшавы, вплоть до Пекина, Японии и Америки; специальной темой выделяет идею славянского единства, которую он раскрывает, опираясь на труды А.Н. Пыпина, А.С. Будиловича. Этот историко-культурный документ, который следуя классификации М. Михеева, можно определить как одну из разновидностей дневников, как дневник-отчет об уже прочитанных книгах или выписки из них. Среди возможных причин, способствующих созданию подобной рукописной книги, ученый предполагает «помимо *отсутствия собеседника*, еще и отсутствие привычной деятельности – когда человек оказывается вырванным из колеи или у него происходит какая-то резкая (может быть, только предполагаемая в будущем или предчувствуемая им) перемена в жизни» (Михеев 2006).

Созданию записей для «Руссики» Я. Трдины, на наш взгляд, во многом способствовали, с одной стороны, вынужденное «отлучение» писателя от активной преподавательской деятельности, а с другой – широкий книгообмен между славянскими землями, благодаря которому пополнялись библиотеки возникавших во многих городах читален и читательских обществ. Вместе с тем, этому служила та атмосфера, которая царил в это время в славянских землях и была связана с повышенным интересом к истории славян и России, в частности, о чем словенский писатель не раз упоминал и в своих письмах, и в своей «Автобиографии» («*Moje življenje*») (Trdina 1951). Записи и пометки на полях в маленьких тетрадочках «Руссики» говорят о том, что Я. Трдина готовил некоторые материалы для представления на заседаниях читательского общества и, вероятно, не раз выступал с докладами и сообщениями об истории России: интересных событиях и известных людях того времени. Его популяризаторская деятельность, несомненно, приносила свои плоды: в его окружении рос интерес к истории славян и к изучению русского языка.

²⁶ Она хранится в Рукописном отделе Национальной и университетской библиотеки Словении (NUK): фонд Ms 1698. Мара 1-7.

Таким образом, в центре нашего внимания интересный феномен, когда переводческая деятельность служила интересам культурного просвещения, одновременно помогала писателю сформулировать и выразить свои взгляды не только на бумаге, но и на встречах единомышленников, способствовала распространению сведений о России среди словенцев.

Л и т е р а т у р а

- Dolgan M.* Janez Trdina – realist za folklorno masko // Janez Trdina med zgodovino, narodopiskem in literature. Novi sad, Ljubljana, 2005.
- Paternu B.* Obdobja in slogi v slovenski književnosti: študije. Ljubljana, 1989.
- Slodnjak A.* Slodnjak A. Slovensko slovstvo. Ob tisočletnici Brižinskih spomenikov/ Ljubljana, 1968.
- Stanonik M.* Folklorizem kot literarni model pri Janezu Trdini // Janez Trdina med zgodovino, narodopisjem in literature. Novi sad, Ljubljana, 2005..
- Trdina J.* Zbrano .delo.. Zv. 3. Ljubljana, 1951, С..557–562.
- Мухеев М.* Дневник в России XIX-XX вв. – эго-текст, или пред-текст». М. 2006.

И.В. Чуркина (Москва)

Изучение русского языка словенцами в 1860-1870-е годы

После 1866 г., когда Австрия потерпела поражение от Пруссии, политическое положение её резко ухудшилось. Для укрепления своего положения Габсбурги ввели в стране дуализм. В результате этой реформы чехи и словенцы вместе с немецкими провинциями попали под власть Вены, образовав Цислейтанию, а словаки, хорваты и сербы – под власть Будапешта, войдя вместе с венграми в Транслейтанию. Это угрожало словенцам и чехам ускорением германизации, а словакам, хорватам, сербам – мадьяризации. Такой вариант развития событий вызвал у словенских национальных деятелей усиление антинемецких настроений. В то же время Россия, после поражения в Крымской войне, стала проявлять свой интерес к славянским народам. Сочувствие русского общества славянам и благожелательное отношение к ним со стороны российских властей показали празднование Тысячелетия России (1862) и проведение Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве (1867). Эти события привели к увеличению русофильских настроений среди словенцев. Они выразились прежде всего в стремлении изучать русский язык.

В конце 1860-х годов на страницах либеральной газеты «Словенски народ» обсуждался вопрос о создании общеславянского языка. Её корреспонденты филологи М. Плетершник, Ф. Целестин, купец Г. Блаж предлагали сделать им русский язык. Блаж писал, что русский язык самый распространённый и самый чистый из славянских языков, что «среди славян одни только русские имеют достаточно оригинальных

книг, полностью отвечающих требованиям современности», что словенцы заложат краеугольный камень своего будущего, если примут русский язык в качестве общеславянского. В сентябре 1868 г. съезд словенских учителей в Любляне принял решение требовать, чтобы во всех учительских семинариях преподавали русский язык. 4 сентября 1869 г. в Любляне состоялось собрание учащихся, на котором выступил молодой либерал Ф. Левец. «Мы выражаем своё твёрдое убеждение в необходимости принятия, – заявил он, – в качестве языка для высшей литературы русского языка». Его предложение было принято единогласно.

Интерес к изучению русского языка проявила прежде всего словенская учащаяся молодёжь. Представитель славянских комитетов в Вене М.Ф. Раевский основал в Вене русинское общество Русская основа, где проводились занятия русским языком. По его свидетельству наиболее активно посещали эти занятия словенцы и словаки. Общество словенских студентов в Вене Словения организовало изучение русского языка в своём помещении. В Граце словенские студенты основали общество Славянская беседа, которое под свою опеку взял Раевский. Он посылал ему в 1869-1873 годах русские книги от Московского славянского благотворительного комитета.

Кроме словенских студенческих обществ в университетских городах на собственно словенской территории тоже возникали кружки по изучению русского языка, в которых состояли гимназисты, семинаристы, учителя и другие представители образованных слоёв. Так учитель Й.Вовк основал кружок по изучению русского языка в селении Церкница. В него входили учителя из Тернова – Рант, из Випавы – Гантарь, из Орехека – Доминцель. Позднее, после переезда Вовка в Чрни Врх к кружку примкнул Богдан Терновец. Этот кружок получал русскую литературу от Московского славянского комитета.

Несколько лет существовал подобный кружок в Горице. Ещё в 1867 г. Блаж сообщал Раевскому о том, что изданную им «Граматику русского языка для словенцев» М. Маяра горицкие семинаристы купили 60 экземпляров. В 1872-1873 гг. в Горице существовал русский кружок, занятия в котором вёл польско-русский славист И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он считал, что сохранению славянского характера словенцев лучше всего может способствовать сочувствие русских и знакомство словенцев с русским языком и культурой. Члены кружка интересовались не только возможностью уметь читать русскую литературу, но и русской научной терминологией, русскими народными песнями.

Интерес к изучению русского языка проявляли члены ряда читален, культурно-просветительских словенских обществ. Славянские комитеты России посылали для них русские книги и газеты через главное

культурное учреждение словенцев Словенскую Матицу. Так в 1872 г. русскую литературу получили 9 словенских читален.

Изучение русского языка, укрепление связей с русскими общественными организациями словенские патриоты рассматривали как одно из средств их борьбы против германизации.

Дамьян Хубер (Любляна) / Damjan Huber (Ljubljana)

**Семинар словенского языка литературы и культуры и симпозиум «Обдobjя» в свете участия в них россиян /
Seminar slovenskega jezika, literature in kulture ter
Simpozij Obdobja v luči ruskih udeležencev**

Seminar je bil prvič organiziran leta 1965 in je najstarejša strokovna mednarodna prireditve ljubljanske slovenistike. Namenjen je tujim slovenistom in drugim strokovnjakom, ki se strokovno ukvarjajo s slovenščino, študentom slovenščine na univerzah v tujini ter zamejskim kulturnim delavcem. Namen prireditve je udeležencem predstaviti najnovejša dognanja o slovenskem jeziku, literaturi in kulturi ter poglobiti njihovo jezikovno, prevajalsko, literarno in kulturnozgodovinsko znanje. Mednarodni znanstveni simpozij *Obdobja*, ki so ga ljubljanski slovenisti prvič organizirali leta 1979, je od Seminarja prevzel znanstveni del slovenističnega razpravljanja. Udeležujejo se ga domači in tuji jezikoslovci ter literarni teoretiki in strokovnjaki drugih humanističnih ved. Prispevki v seminarskih in simpozijskih zbornikih, ki so v zadnjih letih objavljeni tudi na spletu, so nepogrešljivo študijsko gradivo na slovenskih in tujih univerzah, seminarska predavanja pa so od leta 2006 tudi posneta in dostopna na spletnem portalu Videlectures.

Leta 1965 se je na Seminarju zbralo 25 tujih slavistov, znanstvenikov oz. univerzitetnih profesorjev iz Arhusa, Bratislave, Brna, Budimpešte, Dunaja, Frankfurta, Göttingena, Gradca, Harvarda, Krakova, Minska, Moskve, New Yorka, Osla, Padove, Prage, Sofije, Trnave in Varšave (Sn. 1965: 5). Slovenija in Rusija imata sklenjen meddržavni sporazum o kulturnem programu sodelovanja, preko katerega na Seminar vsako leto prideta po 2 udeleženca, preostali pa prihajajo preko štipendij, podeljenih na slovenistikah v Moskvi, Sankt Peterburgu in Permu; nekaj je tudi samoplačnikov. V 51 letih se je na Seminarju zvrstilo 5784 udeležencev, od tega 187 Rusov, kar je 3,2 % vseh udeležencev. Ker se nekateri udeleženci na Seminar tudi vračajo, lahko v resnici govorimo o 123 ruskih udeležencih, saj sta bila 2 od njih na Seminarju po šestkrat (Anna Bodrova, Olga Plotnikova), 5 po štirikrat (Elena Balašova, Iskra Čurkina, Viktor Sonkin, Julija A. Sozina, Tatjana Žarova), 7 po trikrat (Natalia Belova, Marianna Beršadskaja, Tatjana Komissarova, Nataša Maslennikova, Ekaterina Panova, Irina Ščukina, Galina Zamjatina),

25 po dvakrat, preostalih 84 pa po enkrat. 68 % ruskih udeležencev se je torej Seminarja udeležilo le po enkrat, 32 % pa se jih je na prireditve vračalo. Kar 71 % vseh ruskih udeležencev prihaja iz Moskve, sledijo udeleženci iz Sankt Peterburga (18 %), medtem ko iz Perma prihaja 11 % udeležencev.

predstavljenih ruskih udeležencev.

Če je število udeležencev Seminarja naraščalo predvsem na račun študentov iz tujine, ki so tako prišli do nujno potrebnega dopolnila pri svojem študiju, potem so se univerzitetni učitelji in drugi raziskovalci slovenskega jezika in književnosti po letu 1979 vse pogosteje udeleževali znanstvenega simpozija Obdobja (Šivic Dular 1999: 147–151). Do leta 2015 je 24 raziskovalcev, zaposlenih na ruskih univerzah in znanstvenih inštitutih, v simpozijskih zbornikih objavilo 54 prispevkov (2,9-odstotni delež). Največ, kar 11, jih je objavila Nadežda Starikova,²⁷ s sedmimi ji sledi Julija A. Sozina. Pet prispevkov je objavila Iskra Čurkina, štiri Ljubov Kurkina, tri Maja Ryžova, po dva Tatjana Čepelevska, Natalia Maslennikova, Gleb Pilipenko, Olga Plotnikova in Jevgenij Švedov, po enega pa Elena Balašova, Julija Beljajeva, Natalia Belova, Marianna Beršadskaja, Tatjana Filimonova, Leonid P. Krysin, Alexandra Lavrova, Irina Makarova, Viktor Sonjkin, Olga Sudilovska, Natalia Šulgina, Elena S. Uzenjova, Galina Zamjatina in Elena A. Zemskaja.

Poskus ljubljanskih slovenistov, da na Seminarju vsako leto znanja željnim tujcem prikažejo rezultate slovenističnega znanstvenega raziskovanja, je verjetno presegel pričakovanja organizatorjev iz leta 1965, saj je postal vsesplošni promotor slovenske (humanistične) znanosti, slovenske kulture in države nasploh, hkrati pa so se iz njega razvile tudi druge slovenistične dejavnosti: mednarodni znanstveni simpozij Obdobja, založniška dejavnost z izdajanjem simpozijskih in seminarskih zbornikov ter učbenikov in drugih priročnikov za poučevanje slovenščine kot tujega jezika idr. Udeležba na tako organiziranem Seminarju je mnogim udeležencem (bila) motivacija za nadaljnje delo s slovenščino in širjenje avtentičnega vedenja o Sloveniji, kar se potrjuje tudi na primeru.

«Семинар словенского языка, литературы и культуры» был создан и впервые проведен в 1965 году и является самым давним международным профильным проектом люблянской словенистики. Он предназначен для иностранных словенистов и других специалистов, профессионально занимающихся словенским языком, студентам, изучающим словенский язык в зарубежных университетах, и работникам культуры ближнего словенского зарубежья. Цель Семинара – ознакомить участников с результатами новейших исследований словенского языка, литературы и культуры, углубить их языковые, переводческие, литературные, историко-культурные компетенции. Международный научный симпозиум «Обдobjя», который люблянские словенисты провели первый раз в 1979

²⁷ Podčrtani so se udeležili tudi Seminarja.

году, унаследовал от Семинара научную часть словенистической проблематики. В нем принимают участие отечественные и иностранные лингвисты, литературоведы и специалисты в области других гуманитарных наук. Доклады, опубликованные в сборниках Семинара и Симпозиума, а в последние годы и в интернетных изданиях, содержат важные материалы для изучения в словенских и зарубежных университетах. С 2006 года заснятые семинарские лекции доступны в Интернет-портале Videolectures.

В 1965 году на Семинар приехало 25 иностранных славистов, ученых, преподавателей университетов из Аргуза, Братиславы, Брно, Будапешта, Вены, Франкфурта, Геттингена, Граца, Гарварда, Кракова, Минска, Москвы, Нью-Йорка, Осло, Падуи, Праги, Софии, Трново, и Варшавы. Между Словенией и Россией заключен межгосударственный договор о научном и культурном сотрудничестве, на основании которого на семинар из России приезжает каждый год по 2 участника, остальные получали стипендии, выделенные словенистам Москвы, Санкт-Петербурга и Перми, несколько человек оплатило обучение самостоятельно. За 51 год в работе Семинара приняло участие 5784 человека, из них 187 россиян, что составляет 3,2 % от общего числа участников. Поскольку некоторые участники приезжали на семинар неоднократно, мы можем в реальности говорить о 123 русских участниках: двое из них участвовали в семинаре по 6 раз (Анна Бодрова, Ольга Плотникова), пятеро – 4 раза (Елена Балашова, Искра Чуркина, Виктор Сонкин, Юлия Созина, Татьяна Жарова), 7 человек участвовали трижды (Наталья Белова, Марианна Бершадская, Татьяна Комиссарова, Наталья Масленникова, Екатерина Панова, Ирина Щукина, Галина Замятина), 25 человек участвовали дважды, остальные 84 по одному разу. Таким образом, 68% русских участников приняли участие в Семинаре только один раз, 32% неоднократно. 71% из числа всех российских участников из Москвы, 18 % из Санкт-Петербурга, 11% из Перми.

Если число участников нарастало за счет иностранных студентов, которые таким образом получали дополнительные необходимые сведения и компетенции во время своего обучения, то университетские преподаватели и другие исследователи словенского языка и литературы после 1979 года все чаще и чаще стали принимать участие в работе научного симпозиума «Обдобья» (Šivic Dular 1999: 147–151). До 2015 года 24 исследователя из российских университетов и научно-исследовательских институтов опубликовало в сборниках материалов Симпозиума 54 статьи (что составляет 2,9%). Больше всех, целых 11 статей, опубликовала **Надежда Старикова**,²⁸ **Юлия Созина** – 7 статей, **Искра Чуркина** – 5 статей, **Любовь Куркина** – 4 статьи, **Мая Рыжова** -3 статьи, по две статьи опубликовали **Татьяна Чепелевская**, **Наталья Масленникова**, **Глеб Пилипенко**, **Ольга Плотникова**, **Евгений Шведов**, по одной статье **Елена Балашова**, **Юлия Беляева**, **Наталья Белова**, **Марианна Бершадская**, **Татьяна Филимонова**, **Леонид Крысин**, **Александра Лаврова**, **Ирина Макарова**, **Виктор Сонькин**, **Ольга Судиловская**, **Наталья Шульгина**, **Галина Замятина**, **Елена Земская**.

Первый опыт организации Семинара в 1965 году с целью ежегодного ознакомления заинтересованных в знаниях иностранцев с результатами своих науч-

²⁸ Полу жирным шрифтом выделены фамилии участников Семинара.

ных исследований в области словенистики превзошел ожидания люблянских словенистов. Семинар стал настоящим промоутером словенской (гуманитарной) науки, словенской культуры и страны в целом. Из него вышли другие виды словенистической деятельности – Международный симпозиум «Обдобья», издательская деятельность (издание сборников материалов Семинара и Симпозиума, учебников и других пособий по преподаванию словенского языка как иностранного) и т.д. Участие в организованном таким образом Семинаре для многих стало мотивацией для дальнейшей работы в области словенистики и распространения адекватных знаний о Словении, что подтверждается также на примере указанных выше участников.

Перевела Ольга Плотникова

Л и т е р а т у р а

Arhiv Seminarja slovenskega jezika, literature in kulture ter Simpozija Obdobja na FF UL.

Šn. J. Slovensko srečanje tujih slavistov. // Delo. 30. 6. 1965. S. 5.

Šivic Dular A. Simpozij Obdobja. // Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik. Ljubljana, 1999. S. 147–169.

Тьяша Якоп (Любляна) / Tjaša Jakop (Ljubljana)

Займствованная лексика в словенских диалектах / Prevzetost besedja v slovenskih narečjih

V prispevku je obravnavano narečno besedje iz različnih pomenskih polj ('človeško telo', 'sorodstvo', '(kmečka) hiša'), ki je bilo zbrano za Slovenski lingvistični atlas, in sicer glede na njegovo prevzetost oz. neprevzetost. Izsledki kažejo, katero izbrano besedje je po narečjih bolj enotno in katero je bolj raznoliko, katero vsebuje več oz. manj prevzetih leksemov in zakaj. Bogastvo leksemov v slovenskih narečjih je rezultat zgodovinskih in geografskih dejavnikov, pa tudi vplivov sosednjih jezikov, tako sorodnih slovanskih (hrvaščina) in drugih indoevropskih (italijanščina, furlanščina, nemščina) kot nesorodnih (madžarščina). Za posamezna poimenovanja imamo tako lahko več različnih leksemov in tudi delež prevzetih besed niha (ne glede na pomensko polje).

Največ prevzetih besed predstavljajo germanizmi. Predvsem del slovenskega (jezikovnega) ozemlja, ki je nekoč spadal pod avstrijski del Avstro-Ogrske monarhije, ali pa tisti deli, ki so geografsko bliže Avstriji, izkazujejo npr. večji nemški vpliv na jezik oz. narečja: ohranjeni so številni germanizmi (tj. besede, sposojene iz nemškega jezika). Manj je romanizmov (predvsem na zahodu, na stiku slovenskega jezika z italijanskim ali furlanskim). Hungarizmi oz. madžarizmi so zajeli najmanjši, skrajno severovzhodni del slovenskega jezikovnega prostora, kjer se slovenski jezik stika z madžarskim. Najdemo tudi kroatizme, ki jih je zaradi sorodnosti med

jezikoma – južnoslovanskima slovenskim in hrvaškim – težje razložiti od (narečnih) slovenskih.

В докладе исследуется с точки зрения автохтонности / заимствованности диалектная лексика нескольких семантических полей (“тело человека”, “родственные отношения”, “(крестьянский)дом”), собранная для «Словенского лингвистического атласа».

Исследование показало, какая лексика в рамках указанных семантических полей гомогенна и какая разнородна, где и почему представлено больше/меньше заимствованных лексем. Богатство лексического фонда в словенских диалектах является результатом исторических и географических факторов, влияния соседних языков, как родственных – славянских (хорватский язык) и других индоевропейских языков (итальянский, фриульский, немецкий), так и неродственных (венгерский язык). Отдельные наименования могут быть представлены на диалектном уровне множеством лексем, при этом степень участия в них заимствованной лексики колеблется независимо от их принадлежности к определенному семантическому полю.

Самое большое количество заимствованной лексики – это германизмы. Часть словенского языкового пространства, которая когда-то входила в австрийскую часть Австро-Венгерской монархии, или те части, которые географически ближе к Австрии, в наибольшей степени характеризуются влиянием немецкого языка. Здесь в диалектах сохранились многочисленные германизмы (заимствования из немецкого языка). Романизмов меньше. Они представлены прежде всего на западе, где словенский язык контактирует с итальянским и фриульским. Заимствования из венгерского языка затронули самую маленькую часть словенского языкового пространства – на крайнем северо-востоке, где словенский язык контактирует с венгерским. Встречаются и хорватизмы. Но по причине особой близости двух южнославянских языков (словенского и хорватского) их труднее отличить от словенских диалектных лексем.

Перевела Ольга Плотникова

О.С. Плотникова, Н.Н. Старикова (Москва)

Этапы развития словенистики в России

Истоки словенистики в России уходят вглубь веков. Интерес к изучению словенского языка возник у русских ученых в к. 18–н. 19 вв., так, напр., В.Н. Татищев в «Истории Российской с самых древнейших времен» дает примеры из “стирийского” наречия (Булич 1904: 265). В 1817 г. была опубликована статья Президента Российской Академии наук А.С.Шишкова с сопоставительным анализом лексики русского и словенского языков²⁹. Эта статья, по словам Н.И.Толстого, несмотря на ряд существенных недостатков «давала довольно полное для своего времени представление о словенском языке» (Толстой 1960: 73). В 1820 г.

²⁹ О дискуссии о материалах статьи в (Чуркина 1986:8).

А.Х.Востоков, автор первого в России серьезного славистического исследования, «Рассуждение о славянском языке.служащее введением к грамматике сего языка» сообщает о сенсационной находке в Мюнхене – древнейшем памятнике словенского языка Френзигенских отрывках. А уже в 1827 г. именно в России впервые были изданы все три текста Фрейзингенской рукописи (Кеппен 1827). Издание памятника подготовил один из основателей Вольного общества российской словесности П.И.Кеппен, а лексико-грамматический комментарий к нему написал А.Х. Востоков. Издание, признанное рецензентами образцовым, было большим успехом молодой российской науки. Позже в «Энциклопедическом словаре» (ред.Ф.А.Брокгауз. И.А.Эфрон, 1902) в ответ на дискуссию о языковой принадлежности памятника решительно заявлено: «Фрейзингенские отрывки – древнейший памятник несомненно словенского языка X-XI столетия. Рукопись относят обыкновенно к X в., но славянский текст ее списан, по всей вероятности, с более древней рукописи, и язык его, значительно отличающийся от других древне-церковно-славянских памятников [...], принадлежит по-видимому более древнему времени, эпохе еще до Кирилло-Мефодиевской».

Новую страницу в истории русской словенистики открывает И.И. Срезневский. Университетский устав Российской империи 1835 г. предусматривал создание кафедр истории и литературы славянских наречий в Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском университетах. Будущие профессора этих кафедр должны были отправиться в инославянские земли с целью изучения славянских наречий и литератур. В Харькове выбор пал на талантливого адъюнкт-профессора И.И. Срезневского, увлекавшегося с ранних лет этнографией и устным народным творчеством славян. Итогом его путешествий по словенским землям в период с февраля по май 1841 г (Каринтия, Штирия, Крайна, Венецианская Словения, Резия) было описание и классификация словенских диалектов, уникальные этнографические сведения, увлекательные путевые заметки, богатый фольклорный и лексический материал. Опубликованная уже в 1841 г. статья «О наречиях славянских» была не только первым опытом характеристики словенского диалектного континуума, но и вообще первым в мире описанием определенного языкового пространства в лингвогеографическом аспекте.

Исследования в области словенской диалектологии в 70-е годы продолжил ученик И.И Срезневского И.А. Бодуэн де Куртенэ, вклад которого в изучение словенских диалектов трудно переоценить, Это и фундаментальное исследование фонетики резьянского диалекта, где использован, в отличие от Срезневского структурно-типологический метод описания отдельно взятого диалекта, и Материалы по южнославянской диалектологии и этнографии с богатейшим материалом по венецианским говорам, публикация резьянского кабехизиса, лексические мате-

риалы для резьянского словаря, описание бохиньско-посавского диалекта.

Словенистика в Российских университетах становится интегральной частью курса славянской филологии, о чем, в частности, свидетельствует очерк грамматики словенского языка Т.Д. Флоринского в его «Лекциях по славянскому языкознанию».

Последний период развития словенистики в дореволюционной России характеризуется углубленным изучением наиболее сложных проблем слов. языка, напр., словенской акцентологии в трудах Р. Бранта, проблем долгого вокализма в статье Б. М. Ляпунова с неприятным названием «Несколько замечаний о словенско-немецком словаре Плетершника, 1902 г., где формулируется основной закон развития словенского вокализма – зависимость качественно-количественной характеристики гласного от положения в слове ударного слога, а в числе прочего отмечаются черты сходства в эволюц. развитии словенского и с.-х. языков и особой близости к слов. чаковского диалекта. В исследовании А.А. Шахматова «Русское и словенское аканье» дан глубокий анализ судьбы краткого вокализма и делается вывод о различии в этой области между русским и словенским языком.

Возрождение университетской славистики в Советском Союзе начинается лишь в 1943 г., при этом предусматривалось не только научное изучение инославянских языков, но и развитие у студентов коммуникативных компетенций. Сначала в Московском университете открыли специализации по большому славянскому языку. Словенский язык на Филологическом факультете начал преподаваться сначала как второй славянский язык в 1970 г. и как основная специальность в 1971-1972 уч. году. Словенисты, выпускники кафедры славянской филологии МГУ – это научные сотрудники, преподаватели, переводчики, работники дипломатических и экономических представительств России и Словении. Последние годы мы испытываем трудности с зачислением студентов в словенские (да и другие славянские) группы, что вызвано целым рядом причин, но надеемся, что это только временные трудности и нам удастся продолжить традиции, заложенные в далеком 19 веке.

Словенская литература как предмет научного изучения (разработки Института славяноведения РАН)

Решение об организации в Москве Института славяноведения было принято 30 мая 1946 г., в январе 1947 г. институт начал работу, став научным и координационным центром славистических исследований не только в системе Академии наук, но и в стране в целом. В 1951 г. был образован Сектор литературоведения, сотрудники которого начали систематическое изучение славянских литератур. Научные разработки развивались в нескольких направлениях, тесно связанных между собой. С одной стороны, исследовались целые периоды и явления славянского

литературного развития, творчество отдельных, как правило, крупных писателей. С другой – усилия были направлены на подготовку историй национальных литератур, потребность в которых ощущалась как в вузах, так и в литературной, журналистской, дипломатической среде. Несколько позже к этим направлениям прибавилось изучение текущего литературного процесса, мониторинг актуальных явлений литературной жизни славянских стран. Идея создания историй национальных литератур зарубежных славянских народов возникла у литературоведов Института славяноведения именно в 1950-е гг. На пути учёных, обративших свои исследования к достижениям литератур многонациональной Югославии, встали трудности идеологического и политического характера. В конечном итоге это привело к тому, что главы, освещающие истории литератур народов Югославии увидели свет только в 1990-е гг., а монографические работы по истории словенской и хорватской литературы – в 2010-е гг., тогда как истории других славянских литератур разных периодов (польской, чешской, словацкой, болгарской) начали публиковаться уже со второй половины 1960-х гг.

Основы российской академической литературоведческой словенистики были заложены двумя выдающимися учеными Института славяноведения: Е.И.Рябовой³⁰ (1925-1976) и М.И.Рыжовой³¹ (р.1927). Рябова – первый в России исследователь поэтики Цанкара, о чем свидетельствуют ряд серьезных научных статей, посвященных художественному методу этого выдающегося словенского прозаика, сделанный ею перевод романа «На улице бедняков», прекрасные вступительные статьи к цанкаровским изданиям. Одной из первых она обратилась и к изучению нереалистических течений в славянских литературах XX века и их вклада в литературу в целом, несмотря на известное предвзятое и весьма скептическое отношение к ним, распространенное тогда в официальном советском литературоведении. Благодаря её усилиям было положено начало преодолению этого априорно настороженного подхода к уже существующим явлениям и представлен их серьезный анализ. В 1978 г. (в разгар советского «застоя» и югославского «свинцового» десятилетия) в сборнике «Литературная критика европейских социалистических стран» в рубрике «Проблемы традиций в марксистской критике» была опубликована посмертная статья Евгении Ивановны «Новое в спорах о реализме и модернизме в Словении», которая впервые познакомила русскоязычного читателя со спецификой современной словенской литературной ситуации. Автор статьи открыто констатирует, что в словенской литературе на современном этапе представлены писатели «различ-

³⁰ См. подробнее: Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук. Библиографический словарь. М.: «Индрик», 2012. С.366-367.

³¹ См. подробнее: Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук. Библиографический словарь. М.: «Индрик», 2012. С.366.

ных эстетических ориентаций»³² и дает краткую характеристику творчества не только уже известных в СССР «проверенных» реалистов, но и словенских модернистов Д.Смоле и Д.Зайца, цитирует молодых и энергичных теоретиков модернизма Я.Коса, Т.Кермаунера, Н.Графенауэра. То есть предпринимает попытку минимально тенденциозного освещения актуальной для Словении и абсолютно новой для советского литературоведения проблематики.

Невозможно не восхититься творческим долголетием знатока словенского стихосложения М.И.Рыжовой, много сил отдавшей изучению и популяризации в России таких поэтов, как А.Ашкерц, Й.Мурн, О.Жупанчич, А.Градник. В 2012 г. она выпустила монографию «Словенская поэзия конца XIX – начала XX вв. и русская литература», принимала активное участие в нескольких важнейших литературоведческих проектах Института, среди которых «История литератур западных и южных славян» (тт. I, II – 1997, III – 2001), «Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков» (2010), «Лексикон южнославянских литератур» (2012). Среди последних научных работ литературоведов-словенистов Института славяноведения такие издания, как «Библиография российской словенистики (1990–2010)» / Авторы-составители Ю. А. Созина и Т. И. Чепелевская (2011), монография Т.И.Чепелевской «Очерки словенской литературы в историко-культурном освещении» (2013), «Словенская литература XX века» /Отв.ред. Н.Н.Старикова (2014). В Институте выходит альманах «Slovenica» – первое в России научное периодическое издание, в котором в рамках сотрудничества ученых России и Словении на русском языке публикуются материалы актуальных двусторонних научных проектов. Первый выпуск посвящен истории и перспективам российско-словенских отношений, второй – славянскому межкультурному диалогу в восприятии русских и словенцев, третий – Первой мировой войне в политике и культуре русских и словенцев.

Л и т е р а т у р а

- Булич С.К.* Очерк истории языкознания в России // Записки ист.-филологического факультета С.-Петербургского университета. СПб., 1904.
- Толстой Н.И.* О работах И.А.Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку. И.А. Бодуэн де Куртенэ: К 30-летию со дня смерти. М., 1960.
- Чуркина И.В.* Русские и словенцы. М., 1986.
- Флоринский Т.Д.* Лекции по славянскому языкознанию. Т. 1. Киев, 1895.
- Шишков А.С.* Сравнение краинского наречия с российским, взятым собственно за словенский язык // Известия Российской Академии, кн. 5, 1817. С. 23-59.
- Кеппен П.И.* Собрание словенских памятников, находящихся вне России. СПб., 1827.
- Срезневский И.И.* О наречиях славянских // ЖМНП. Ч. 31, 1841. С. 133-164.

³² Рябова Е.И. Новое в спорах о реализме и модернизме в Словении. В кн.: Литературная критика европейских социалистических стран. М., 1978. С. 297.